

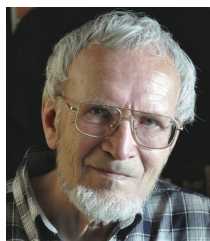

В мире вряд ли найдётся много знаменитых дворцов, владельцы которых в нескольких поколениях носили одно и то же имя. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге — одно из таких редких дворцовых зданий. Владельцы его в трёх поколениях носили имя великий князь Константин. Претендентов с другим именем на наследование этого шедевра архитектуры ждала заслуженная кара. Все законные владельцы Мраморного дворца находились под защитой своего небесного покровителя — Святого равноапостольного царя Константина. Иконы его хранились и умножались во дворце с момента завершения постройки здания (1785 г.) до 1925 года, когда дворец подвергся разграблению церковных ценностей, санкционированному советской властью. В настоящее время Мраморный дворец является филиалом Государственного Русского музея, в нём ведутся реставрационные работы с возвращением интерьерам первоначального облика. Настало время увековечить имена августейших владельцев особым знаком, которым могла бы стать икона Святого Константина. Предлагаемая читателю работа является попыткой автора обосновать возможность и необходимость воссоздания такой иконы на одном из фасадов здания.

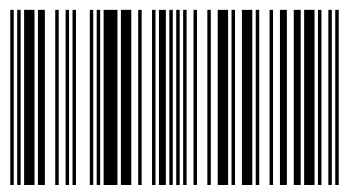
Юрий Трубинов

Феномен имени Константин

в истории Мраморного дворца

Трубинов Юрий Викторович — искусствовед, член Союза художников России. Старший научный сотрудник Государственного Русского музея. Специалист по истории архитектуры и искусства Санкт-Петербурга. Автор полутора сотен статей по искусствоведческой, историко-архитектурной и реставрационной тематике и пяти книг о петербургских памятниках архитектуры.

978-3-659-85571-9

Юрий Трубинов

Феномен имени Константин
в истории Мраморного дворца

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Bahnhofstraße 28, 66111 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-85571-9

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2016 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2016

Оглавление

Часть 1

Феномен имени Константин	3
1. Мраморный дворец — «Здание благодарности»	3
2. Князь Григорий Орлов — несостоявшийся владелец Мраморного дворца	10
3. Великий князь Константин Павлович — первый законный владелец Мраморного дворца	17
4. Король Станислав Август — «халиф на час»	24
5. Великий князь Константин Павлович — возвращение во дворец и заграничные подвиги.	29
6. П. К. Александров — призрачный «владелец» Мраморного дворца	41
7. Великий князь Константин Николаевич — второй законный владелец Мраморного дворца.	46
8. Великий князь Николай Константинович — страсти любви.	57
9. Великий князь Константин Константинович — третий законный владелец Мраморного дворца.	60

Часть 2

Святой Константин и Мраморный дворец.	69
1. Святой Константин — небесный покровитель владельцев Мраморного дворца	69
2. Образ Святого Константина в изобразительном искусстве	72
3. Судьба икон Святого Константина из Мраморного и Константиновского дворцов	84
4. Иконы Святого Константина в музеях и храмах Петербурга.	96
5. Икона Святого Константина как знак памяти владельцев Мраморного дворца	110
Архивные источники	113
Библиография	114
Принятые сокращения	120

Часть 1

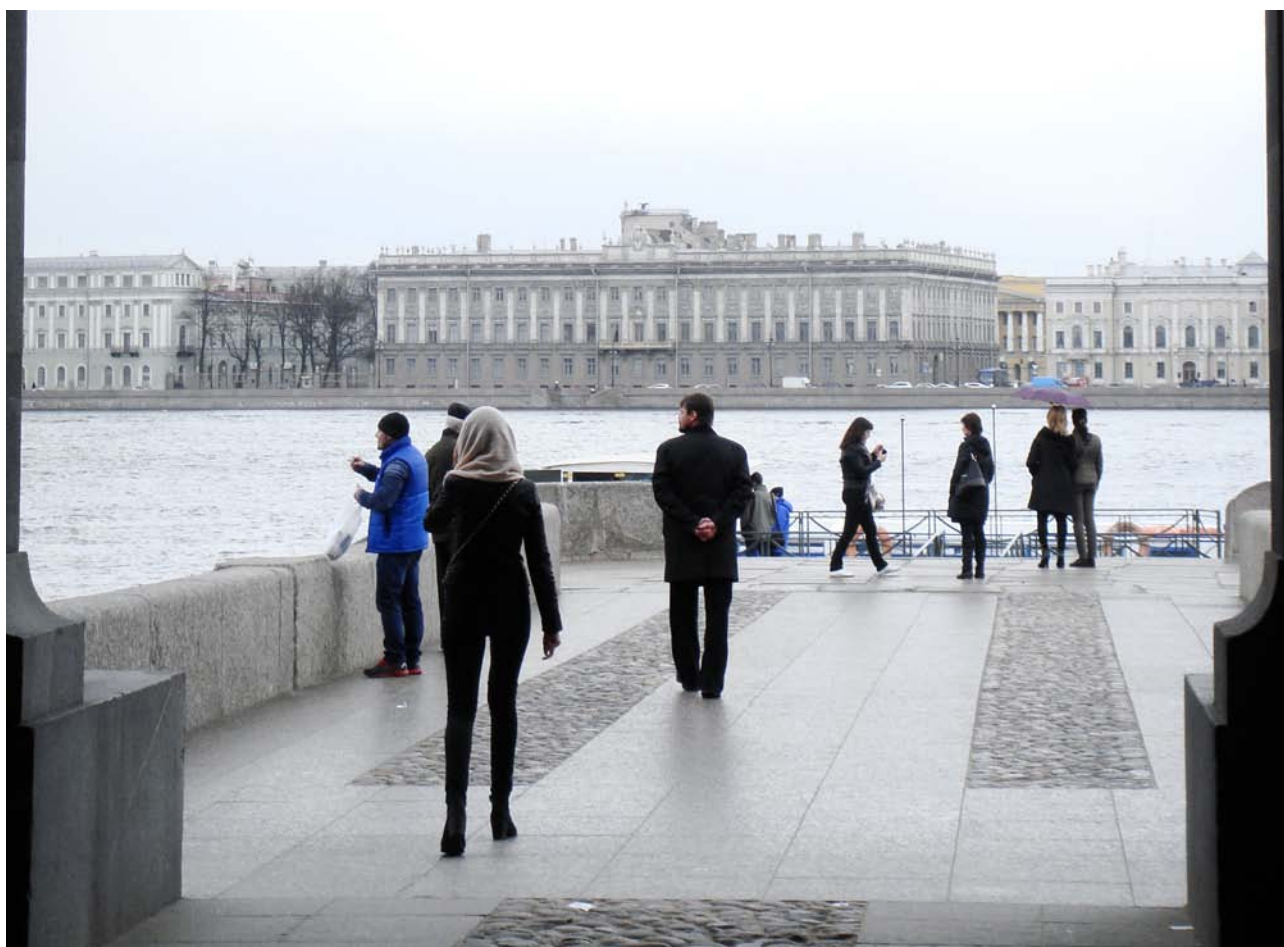
Феномен имени Константин

1. Мраморный дворец — «Здание благодарности»

При изучении многослойной истории петербургского Мраморного дворца неизбежно сталкиваешься с разнообразными сюжетами, требующими детальной разработки. Напомним, прежде всего, что представляет собою собственно Мраморный дворец.

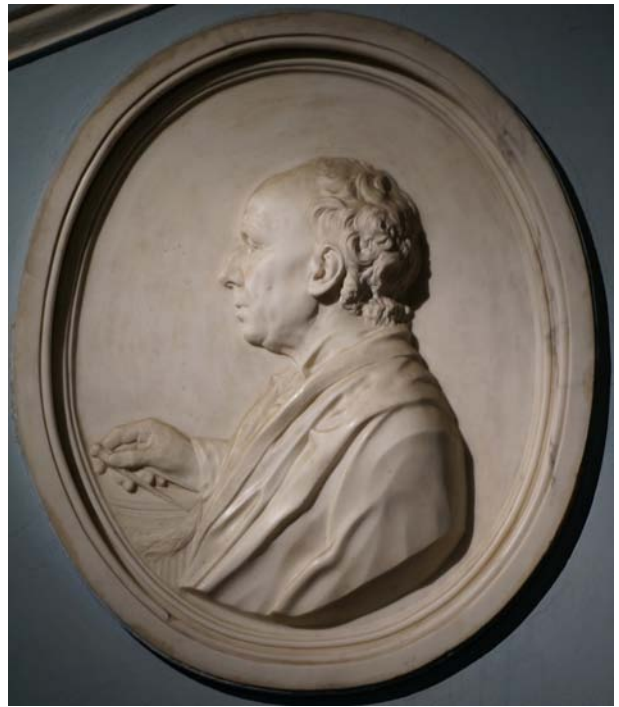
Это здание было построено по повелению императрицы Екатерины II в 1768–1785 годах на набережной Невы близ Марсова поля. Строитель его — замечательный итальянский архитектор Антонио Ринальди — приехал в Россию в 1751 году по приглашению императорского двора для возведения в Батурине дворца гетману Украины и по совместительству президенту Петербургской академии наук Кириллу Разумовскому. В 1756 году Ринальди возвысился до поло-

Мраморный дворец. Вид с Невской пристани Петропавловской крепости.
Фото Ю. В. Трубинова, 2014.

Екатерина II. Художник Ф. С. Рокотов.
X., м. 1780-е. Фрагмент. ГЭ.

Архитектор Антонио Ринальди.
Скульптор Ф. И. Шубин. Мрамор. 1782.
Вестибюль Мраморного дворца.

жения придворного архитектора великого князя Петра Фёдоровича (будущего императора Петра III) и приступил к созданию комплекса построек в его загородной резиденции Ораниенбауме. После убийства Петра III и воцарения Екатерины II Ринальди сохранил своё положение при дворе и продолжал успешно работать как в Ораниенбауме и Гатчине, так и в столице.

Мраморному дворцу суждено было стать последней и самой значительной постройкой, созданной Ринальди в Санкт-Петербурге. Дворец является одним из наиболее интересных и оригинальных образцов того нового стиля, известного как классицизм, который сформировался на основе творческого восприятия и осмысления наследия античности, придя на смену барокко. Во второй половине XVIII века классицизм уже завоевал господствующее положение в петербургском зодчестве, но Мраморный дворец лидирует и среди современных ему классицистических построек. Это монументальное величественное сооружение благородных пропорций выстроено «покоем», с главным фасадом, обращённым в сторону парадного двора. Если в облике этого фасада с его полуциркульными окнами, колоннами, завершением в виде увенчанной волютами башенки, фланкированной беломраморными скульптурами и вазами, ещё явственно выражены

традиции барокко, то в решении боковых фасадов уже отчётливо проявились черты классицизма. Они сказались, в частности, в подчёркнуто монолитном характере первого этажа, почти полностью лишённого декоративных деталей, несущего верхнюю более лёгкую и нарядную часть здания. Типичны для классицизма и верхние этажи боковых фасадов, объединённые пилястрами, размещёнными в простенках между окнами, с их строгими чёткими членениями и сдержанным оформлением, прекрасно согласованным с архитектурными формами, и выполненным из гранита и мрамора, что и обусловило название дворца.

В 1796 ученый естествоиспытатель и путешественник XVIII века академик И. Г. Георги дал следующее описание Мраморного дворца через десяток лет после его завершения: «<...> Дворец сей, единственный в своем роде, не прикосновен ни к какому зданию; он построен в два высокие с одним низким ярусом и имеет к восточной стороне две короткие, вперед выдавшиеся и неравные пристройки, составляющие двор, огражденный железною решеткою перед главным входом. Над сим входом есть на кровле небольшая обсерватория и часы.

Нижний этаж, имеющий вход как с западной, так и с восточной стороны, обложен весь тесаным диким камнем; верхние же оба яруса обложены все разноцветным, полированным Финляндским и Сибирским, весьма твердым и прочным мрамором, из коего поделаны также и карнизы. На каждой из двух главных сторон имеется по 23 окна в каждом ярусе. Во всех окончинах вставлены зеркальные стекла с фацетами; рамки же все медные и позолоченные. В среднем ярусе находятся по обеим главным сторонам большие балконы с медными, крепко позолоченными балясами, из коих над тем, что к северной стороне, поставлен герб Князя Орлова, а над другим вензловое его имя. Кровля низкая, из железных полос, покрыта медью, а карнизы убраны вазами, урнами и другими украшениями. Внутренний двор разделен двумя высокими, узкими и пересекающимися зданиями на четыре квадрата; половина одного из сих четвероугольников употреблена на воздушный или висящий сад, сделанный на сводах во втором ярусе»¹. Относительно обсерватории Георги слегка погорячился, но башенные часы, бесспорно, стали весьма привлекательным сооружением на крыше Мраморного дворца.

---

¹ *Георги И. Г.* Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. 1794–1796. СПб., 1996. С. 83.

Необычайные ассоциации возникли в голове польского литератора, этнографа и журналиста Адама Киркора при созерцании Мраморного дворца: «Во дворце сем есть некое очарование. Построенный в 1783 году по приказу Императрицы Екатерины Великой из дикого финляндского [гранита] и сибирского мрамора, с огромными зеркальными стёклами в окнах, обрамлённых бронзовыми рамами, он выглядит как таинственное итальянское здание под чёрным плащом и перенесённое сюда с берегов Адриатики»².

Отечественные знатоки архитектуры и зарубежные знатные путешественники, посещавшие Петербург, в основном, положительно оценивали градостроительные, художественные и эксплуатационные качества Мраморного дворца, но были и весьма суровые гости столицы, которые находили просчёты, допущенные архитектором при строительстве этого здания. Одним из таких критически настроенных паломников оказался француз Форсия де Пилес. Его путешествия по разным странам и городам, в том числе, и в Петербург, были опубликованы по горячим следам в Париже в том же 1796 году³, а раздел, относящийся к «воюжу» в Петербург, переведён и издан совсем недавно⁴. Оказавшись в Мраморном дворце в 1791 году, Форсия де Пилес составил следующее довольно непривлекательное о нём и архитекторе Ринальди представление, запечатленное на страницах его путевых записок:

«Мраморный дворец. Он почти квадратного плана, выключая переднюю сторону, которая очень заглубленную главную часть и два флигеля имеет, и на левом двумя окнами поболее, нежели на другом, которые спустя несколько времени прибавлены, по сему вход не по середине. Двор более долог, нежели широк, мал и худо освещен. Передняя сторона имеет 230 футов длины, противная 214 футов и 23 окна. На одном из краев есть ворота, кои безобразный вид производят; фасад на стороне к Ломбарду имеет 235 футов и 17 окон. Противная сторона к Неве имеет 270 футов и 23 окна.

Входные сени чрезвычайно малы. Взор разит бюст архитектора *Ринальди* в барельефе, к сходу лестницы прилепленный. Когда всходят, то видят оные сени

---

² *Киркор А. Г.* Петербургские впечатления // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 727.

³ [*Fortia de Pilles C.*] Voyage de deux francais dans le Nord de l'Europe en Alemande, Danemarck, Suede, Russie et Pologne, fait en 1790–1792. Paris. 1796.

⁴ *Форсия де Пилес.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника / Сост. и коммент. А. Н. Спащанского. СПб., 2014.

позади себя, что производит дурной вид, а самую ж лестницу делает темною; в прочем она хороша. Ступени из мрамора, изначально полированного; лестница тоже одета почти вся серым и черным мрамором с прожилками и украшена колоннами. На всей вышине ее восемь статуй белого мрамора в нишах имеются; архитектура ниш нехорошего вкуса; в оных имеются все таковые же обыкновенные ошибки, как колонны и пилястры различествующих ордеров, хоть они и касаются одна другой, и даже есть ошибки в соразмерности.

Тщеславие архитектора могло совершенно удовольствоваться, ежели он поставил здесь свой портрет, полагая, что прославиться должен, когда построил толь нерегулярное здание и толь наполненное ошибками. Утверждают, что г. Ринальди канал имел помехою, который невозможно было засыпать, и который засыпали потом. Но канал не шел по всем сторонам, а нерегулярность есть повсюду. <...> Мы не говорили о двух малых внутренних дворах, чрезвычайно дурных. Противу входа есть кирпичное здание, почти квадратное, более двухсот футов, где все конюшни, манеж и людские расположены. С дворцом оно соединено двумя красивыми позлащенными решетками, которые поддерживаемы колоннами дикого камня; они составляют проход и служат, чтоб затворять вход во дворец, но площадь пред ним толь сокращена, что сие производит весьма дурной вид»⁵.

Справедливости ради, отметим, что не всё так мрачно виделось французскому путешественнику в Мраморном дворце. Высоко оценил он отменное качество отделки фасадов и богатое убранство интерьеров, не преминув при этом отдать дань своему отечеству:

«Оный дворец убран и оборудован преизящно. Большая часть дверей среднего этажа одета позолоченною бронзою. Все наличники дверей большой залы из мрамору, все оконные рамы окон дворца из медяной бронзы, как и множество проходных дверей во внутренности. Все замки и двери покоев доброты величайшей и работы совершеннейшей <...>. Зеркала хороши, велики и почти все из единого куска. Столы, комоды, словом, все мебели с равным тщанием сработаны. Много предметов, особливо раззолоченных медных, сделаны во Франции»⁶.

---

⁵ *Форсия де Пилес*. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника. С. 51, 56.

⁶ Там же. С. 56.

Действительно, роскошь интерьеров была запредельной. Подробнейшим образом все помещения Мраморного дворца освещены в сдаточной описи 1785 года, поднесённой Екатерине II в сафьяновом переплёте с золотым тиснением руководителем строительства дворца на последнем этапе — полковником Ф. Буксгевденом⁷.

Из этих интерьеров, почти не изменилась до наших дней парадная лестница, и многое осталось от отделки XVIII века в Мраморном зале.

Широкие лестницы из темно-зеленого песчаника ведут из полумрака площадки первого этажа в лестничные павильоны, освещённые на втором и третьем ярусах ярким светом, льющим из огромных окон. 13 фонарей висят на цепях, располагаются на кронштейнах и стоят в виде канделябров на мраморных перилах. Стены облицованы серым с замысловатыми узорами полированным мрамором и оформлены мощными полуколоннами. В нишах белеют аллегорические мраморные статуи: Ночь, Утро, Полдень и Вечер, а также Весеннее и Осеннее равноденствие. Часть из них создана выдающимся скульптором Федотом Шубиным. Он же изваял декоративные композиции из орлов и арматуры, размещенные над дверями, ведущими с лестницы в парадные и жилые интерьеры. Венчал лестницу куполок с циферблатом «боевых часов», механизм которых находится в надстройке-бельведере. (Этот циферблат в середине XIX века будет заменен плафоном «Суд Париса» Иосифа Криста, перенесенным из Лакового кабинета второго этажа).

Ещё более роскошным интерьером выглядел Мраморный зал. Наблюдал за отделкой стен Мраморного зала каменных дел мастер и архитектор Джузеппе Минчаки, сообщивший об этом в своей автобиографической записке: «имел там же смотрение над доделками в Мраморном дворце и в зале оно по проекту архитектора Ринальдия за мраморным внутренним украшением»⁸.

Покрытые мрамором разных пород и расчлененные парными пилястрами коринфского ордера стены Мраморного зала перекликаются с облицовкой стен парадной лестницы и фасадов здания, но по рафинированности отделки и нарядности оформления создают неповторимый облик парадного интерьера. Здесь

---

⁷ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284 (1785 г.). «Описание Марморнаго дома покоям в их уборах и вещам, так же и службам с приложением планов». Л. 3 (далее — Опись 1785). Полностью Опись Мраморного дворца 1785 г. опубликована в кн.: *Трубинов Ю. В.* Архитекторы Мраморного дворца. Мистификации и реальность. СПб., 2013. Приложение. С. 254–335.

⁸ Цит. по: *Антонов В. В.* Петербург неизвестный, забытый, знакомый. М., 2007. С. 67.

применено до семи сортов мрамора. Серый и желтовато-серый крупнозернистый уральский мрамор — это лишь фон для других мраморов. Тивдийским мрамором бледно-розового цвета отделаны каннелированные пилястры, украшенные золочеными капителями и базами. В отделке нижней части стен применен вишневый мрамор с белыми и розовыми жилками. Филёнки под пилястрами выложены итальянским зеленым с белыми прожилками мрамором. В наличниках дверей, оконных ниш и в рамках вокруг синих лазуритовых панно употреблен итальянский мрамор сочного золотисто-желтого цвета. Лазурит пятнистого светло-синего цвета — самый дорогой камень в отделке зала. Из него сделаны узкие вертикальные вставки между пилястрами, и он служит фоном для больших беломраморных барельефов скульптора М.И. Козловского: «Камилл, освобождающий Рим от галлов, осаждающих оный» и «Регул, возвращающийся в плен Карфагенский». Из греческого мрамора замечательными ваятелями Федотом Шубиным и Антонио Валли высечены десюдепорты над двумя дверями зала, 14 круглых барельефов со сценами жертвоприношений и другие скульптурные украшения. Сложным рокайльным узором по рисункам Ринальди был набран из цветного дерева паркетный пол. Пространство зала освещали 4 золоченые люстры и бронзовые золоченые бра. Камин красного мрамора создавал особый уют в «каменной» атмосфере зала. Напротив него стояла массивная с вызолоченным карнизом печь, облицованная фаянсовыми изразцами лилового и белого цвета. Центр потолка украшал живописный плафон на сюжет свадьбы Купидона и Психеи, исполненный в 1771 по заказу Екатерины II итальянским живописцем Стефано Торелли. (В середине XIX века после разборки перекрытия этот плафон будет поднят с увеличением объёма зала на целый этаж). Колорит зала обогащали висевшие на окнах и дверях занавеси с драпри голубого бархата с белой атласной подкладкой. Такой же тканью была обита мебель: два канапе, маленький диван и десять кресел, обтянутых «материей золотой земли с бархатным голубым разводом и цветами в виде кругов».

Достаточно описания этих двух интерьеров дворца, чтобы составить представление о множестве не менее роскошно убранных парадных покоев, в которых предполагалось обитать князю Григорию Орлову, для которого строился дворец и над парадным входом в который было начертано: «**Здание благодарности**».

Но судьба распорядилась иначе...

2. Князь Григорий Орлов — несостоявшийся владелец Мраморного дворца

«Здание благодарности»... Мраморный дворец был задуман в качестве царственного дара императрицы Екатерины II её фавориту Григорию Орлову, которому она была обязана возведением её на царский престол.

Григорий Григорьевич Орлов родился в семье новгородского вице-губернатора Григория Ивановича и Лукерии Ивановны, в девичестве Зиновьевой. Детские и юношеские годы Орлова, несмотря на пристальное внимание биографов к этой незаурядной персоне⁹, остаются мало исследованными. В литературе и справочных изданиях укоренилась традиция считать, будто Г. Г. Орлов прошёл обучение в Кадетском корпусе. Однако это не так.

Ещё князь М. М. Щербатов, современник Орлова, характеризует его как «человека, взрослого в трактирах и в неблагопристойных домах, ничего неучившегося и ведущего до того развратную молодого человека жизнь»¹⁰. А. А. Голомбиевский пишет, что «неизвестно, где и как провёл он детство». И чуть ниже, со ссылкой на фонд Герольдмейстерской конторы Московского архива министерства юстиции: «о пребывании Г. Г. Орлова в корпусе никаких сведений не имеется; документально известно о поступлении в 1749 г. в кадетский корпус только двоих братьев Фёдора и Михаила, которые были „грамоте Российской и Французскому обучены“»¹¹. В последующем также отмечалось, что Григорий Орлов «ничему не учившись в молодости, пятнадцати лет поступил солдатом в Семеновский полк»¹².

Тем не менее, до последнего времени в современной литературе единодушно указывается, будто будущий любимец императрицы Григорий Орлов в 1749 году поступил в Кадетский корпус, откуда вышел офицером. Так, например, доктор исторических наук В. И. Федорченко в своей „Энциклопедии дворянских родов“ лаконично информирует: „Генерал-аншеф, генерал-адъютант гр. Григорий

---

⁹ Назову лишь несколько работ: *Барсуков А. П.* Жизнеописание князя Григория Григорьевича Орлова // *Русский архив*. Кн. I. М., 1873; *Полушкин Л. П.* Братья Орловы; Легенда и быль.— М., 2003; *Новикова О. В.* Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г. Г. Орлов // *Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. СПб., 2006. С. 24–27; *Полушкин Л. П.* Братья Орловы. 1762–1820.— М., 2007.

¹⁰ *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. М., 1984. С. 80.

¹¹ *Голомбиевский А. А.* Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904. С. 4.

¹² См. переиздание текстов пятитомника великого князя Николая Михайловича 1905–1909 годов «Русские портреты XVIII и XIX столетий» — *Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты*. СПб., 1995. С. 54.

Григорьевич Орлов (1734–1783) окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус¹³.

Развенчать это заблуждение предпринял автор этих строк, доказав, что воспитанником Кадетского корпуса был отнюдь не Григорий Григорьевич Орлов, а его двоюродный брат Григорий Никитич Орлов, который был на 6 лет старше нашего героя¹⁴.

Итак, в конце 1749 года родители отдали 15-летнего Григория в Семёновский полк, где тот за десять лет службы дослужился до сержантского чина и был направлен в действующую армию. В мае 1757 года, будучи направленным в действующий Обсервационный полк, воюющий против войск Фридриха II, Григорий удостоивается чина армейского поручика и должность адъютанта при генерал-фельдмаршале графе П. И. Шувалове. Участвуя в сражениях Семилетней войны, Орлов получил три ранения и чин поручика. В 1759 году он привез в Петербург графа Шверина, пленного адъютанта прусского короля Фридриха II, и остался в столице в одном из артиллерийских полков. Вскоре молодой офицер стал адъютантом генерал-фельдцейхмейстера графа Шувалова. Тогда же он был принят при великокняжеском дворе и в скором времени занял место фаворита при великой княгине. Он сблизился с ней настолько, что от их связи родился сын, названный Василием Григорьевичем Бобринским. В январе 1762 года Орлов получил должность цалмейстера в артиллерийском штате Екатерины.

«Карусельный» портрет Г.Г.Орлова.
Художник В.Эриксен. Х., м. 1766. Фрагмент. ГЭ.

¹³ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2001. С. 314.

¹⁴ См.: Трубинов Ю. В. Кадет мнимый и кадет истинный: Был ли Григорий Орлов в Кадетском корпусе? // Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] XXXII. СПб., 2006. С. 230–237; Трубинов Ю. В. Два Григория Орлова. Кто из них учился в Кадетском корпусе? // Курьёз в искусстве и искусство курьёза. Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 414–423.

Вместе со своим братом Алексеем Орловым Григорий был главным исполнителем в заговоре против императора Петра III. 28 июня 1762 года Екатерина с их помощью взошла на престол. Получив престол и власть, она буквально изливает на своего фаворита множество чинов, званий, наград. Уже в день переворота Орлов пожалован в «действительные камергеры», получает шпагу с бриллиантами и орден Александра Невского, а в день коронации — 22 сентября 1762 года Екатерина II подписала «Диплом генерал-поручику, действительному камергеру, генерал-адъютанту Григорию Григорьевичу Орлову на графство». Графом он стал фактически с 1 июля 1763 года¹⁵. Затем на него посыпались чины генерал-директора инженеров, генерал-аншефа, наконец, генерал-фельдцейхмейстера, т. е. главнокомандующего всей русской артиллерией.

В одном из писем Екатерина лестно отозвалась о его деловых качествах, заявив: «Я никогда не видела человека, который бы в таком совершенстве овладевал всяким делом, которое он предпринимал, или даже таким, о котором ему говорят»¹⁶. Императрица даже чуть было не вышла замуж за своего фаворита, но обер-гофмейстер граф Н. И. Панин и будущий канцлер граф М. И. Воронцов отговорили её от этого опрометчивого намерения. Тем не менее, Екатерина продолжала оказывать знаки внимания Орлову и возвышать его.

На пике своих тесных взаимоотношений с фаворитом она решила сделать ему грандиозный подарок — построить роскошный дворец с откровенной надписью золотом на беломраморной доске над главным входом: «Здание благодарности». Но пока шло строительство этого грандиозного здания отношения между Екатериной и Григорием разладились. Как отмечал Ш. Массон в «Секретных записках о России», последующие двенадцать лет радостей и величия этого любовника утомили, наконец, утвердившуюся на троне Екатерину¹⁷. Согласно интимному дневнику Корберона, Орлов грубо обходился с императрицей и даже не раз бивал её¹⁸.

---

¹⁵ Санктпетербургские ведомости. 4 окт. 1762. Прибавление к № 80; Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 300–301. Со ссылкой на подлинник Диплома на графское достоинство, хранящийся в ГИМ. ОПИ. Ф. 388. Ед. хр. 238.

¹⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 711–712.

¹⁷ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 67.

¹⁸ Интимный дневник шеваляе де Керберона, французского дипломата при дворе Екатерины II // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 127, 128.

Терпение и страсть Екатерины II к Орлову быстро угасали. В 1771 году она отправляет Орлова, по его просьбе, в Москву на усмирение «чумного бунта», откуда тот возвращается победителем. Последний раз императрица восторгается им, выбив в честь него большую медаль и приказав построить триумфальные ворота в Гатчине с надписью «Орловым от беды избавлена Москва».

Финал интимных отношений императрицы и фаворита относится к 1772 году, когда Екатерина отправила Орлова в Фокшаны для мирных переговоров с Османской империей, назначив его руководителем делегации, и которые Орлов позорно провалил. Прослышав, что императрица подыскивает преемника в фаворе, он, бросив конгресс, помчался в Петербург, но был остановлен по дороге курьером, вручившим ему письмо Екатерины с приказом: «Я предлагаю вам избрать для временного пребывания ваш гатчинский дворец»¹⁹. Для Орлова это был смертельный удар, от которого он не смог оправиться до конца жизни, испытывая душевные и физические страдания. Будучи многим обязанной Орлову, Екатерина продолжала хранить к нему чувства признательности и благодарности. 4 октября 1772 года она, наконец, утвердила графа Г. Г. Орлова в княжеском титуле (диплом о возведении его в княжеское достоинство Римской Империи, выданный ещё в июле 1763 года, она все эти годы «держала под сукном»). За ним сохранялись его служебные посты, ему был определен пенсия в 150 тысяч рублей в год, пожалован драгоценный французский столовый сервиз из серебра, разрешалось пользоваться придворными экипажами и царским винным погребом²⁰.

Между тем, здоровье отставного фаворита продолжало ухудшаться. Признаки умопомешательства становились всё явственнее. Попытки поправить здоровье поездками на лечение за границу не увенчались успехом. Братья привезли его из-за границы в безнадежном состоянии. Князь Орлов скончался в Москве 13 апреля 1783 года. «Надменный, могущественный, блестящий Орлов умер в ужасном безумии, пачкая лицо собственными испражнениями, которыми он питался, как другой Иезекииль», отметил Массон в своих секретных записках²¹.

Не состоявшегося владельца Мраморного дворца не стало за два года до завершения «Здания благодарности»...

---

¹⁹ Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992. С. 243.

²⁰ Русский архив. 1866. № 1. Стлб. 66–67.

²¹ Массон Ш. Секретные записки о России. С. 67.

Мраморный дворец.
Аттик северного фасада. Герб Г. Орлова.
Воссоздание по проекту А. Е. Ухналёва.
Фото Ю. В. Трубинова. 2008.

То же. Деталь герба —
девиз «Fortitudine et constantia».

Провидение не допустило до обладания дворцом бывшего фаворита императрицы. Но аттик северного фасада дворца продолжал украшать высеченный в камне позолоченный герб Орлова как некий антитезис последующих перемен с парадоксальным девизом, гласившим «*Fortitudine et constantia*» («Твёрдостью и постоянством») ²². Термин **constantia** в девизе герба оказался созвучным имени грядущего владельца. **Constantia** — **Константин** — *постоянство*: вот стержневое понятие, определяющее персональную принадлежность дворца в последующие полтора века.

Кроме того, обращает на себя внимание ещё одна, вряд ли случайная, особенность главного фасада Мраморного дворца. Удивительным образом центральная часть фасада над главным входом в здание корреспондирует с триумфальной аркой Константина в Риме, возведённой между Колизеем и Палатином на древней Via Triumphalis. Сохранившаяся на аттике арки надпись свидетельствует, что сенат и народ Рима посвятил её «Императору Цезарю Флавию Константину Великому Благочестивому Счастливному Августу». Арка была освящена 25 июля 315 года, на десятый год правления Константина Великого ²³.

В Мраморном дворце мы наблюдаем потрясающее совпадение схемы трёхчастной композиции с тремя полуциркульными проёмами, где центральный выше боковых, с акцентами над ними в виде прямоугольных окон с барельефа-

²² Описание герба Орловых см.: История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 2. С. 39.

²³ Сиблер М. Римское искусство. М., 2008. С. 84.

Мраморный дворец.
Восточный фасад. Фрагмент.
Фото Ю. В. Трубинова. 2010.

Рим. Триумфальная арка Константина Великого.
Освящена в 315. Фото Ю. В. Трубинова. 2006.

С. Боттичелли. «Наказание Корея,
Дафана и Авирона». 1481–1482.
Фреска Сикстинской капеллы
Ватикана в Риме. Фрагмент.

Использование художником мотива
арки Константина в качестве фона
для сцены ветхозаветного сюжета.

ми в Мраморном дворце и круглых барельефов в арке Константина. Подобно и завершение фасадной стены дворца основному массиву арки Константина пилястровым аттиком, более обогащённым в арке барельефами между пилястрами и скульптурой на фоне пилястр, в то время как филёнки аттика Мраморного дворца гладкие, а вазы и скульптура покоятся поверх пилястр. Основное различие в схеме построения главным образом в пропорциях: средняя часть арки Константина много шире боковых и центральный полуциркульный проём выше соседних, тогда, как в Мраморном дворце среднее прясло стены незначительно шире боковых, как и среднее полуциркульное окно настолько шире и выше соседних, что позволило устроить над ним прямоугольное окно²⁴.

Примечательно, что итальянский архитектор А. Ринальди при выборе схемы построения фасада Мраморного дворца в качестве оригинала выбрал именно арку Константина, хотя в его распоряжении находилось гигантское количество образцов для подражания в зодчестве родной ему Италии от эпохи античности до XVIII века — времени, в котором творил гениальный зодчий. Он словно предвидел, что дворец, проектируемый им по заказу Екатерины II, будет принадлежать не её фавориту Григорию Орлову, а её второму внуку, названному ею Константином.

Более того, нам придётся далее столкнуться с поистине удивительной закономерностью: в течение нескольких последующих поколений все действительные владельцы дворца носили имя Константин. Аура дворца, как это ни прозвучит мистически, обладала феноменальной притягательностью только этого имени, оберегая дворец от посягательств на владение зданием (когда оно было частным владением) каких бы то ни было иноименцев. Трагическая смерть Григория Орлова, которому, казалось бы, самой императрицей Екатериной II предназначалось строившееся на берегу Невы «Здание благодарности», оказалась в этом смысле лишь первым знаковым явлением.

---

²⁴ Справедливости ради отметим, что впервые, пожалуй, обратили внимание на сходство между аркой Константина и фасадом Мраморного дворца Н. И. Баторевич и Т. Д. Кожицева (См.: *Баторевич Н. И., Кожицева Т. Д. Античность в архитектуре Петербурга*. СПб., 2014. С. 312), ограничив, правда, это сходство лишь пределами аттика: «Центр главного восточного фасада [Мраморного дворца.— *Ю.Т.*], обращенного в садик, оформлен трехчетвертными колоннами и завершён высоким аттиком, на котором установлена башня с часами. [Неточность, т. к. башня установлена не на аттике, а за ним.— *Ю.Т.*] Композиция аттика отдаленно напоминает завершение арки Константина в Риме. Однако у Ринальди в качестве продолжения колонн в пределах аттика служат пилястры, а не скульптуры, как в римском сооружении. [Уточнение: в арке Константина скульптуры установлены также перед пилястрами, т. е. на фоне пилястр, а не вместо них! — *Ю.Т.*]».

3. Великий князь Константин Павлович — первый законный владелец Мраморного дворца

Более десяти лет после смерти Орлова дворец ждал своего истинного хозяина, который, наконец, явился под именем Константин.

Возникновению феномена этого имени Мраморный дворец обязан всё той же Екатерине II. Именно она (а не родители) дала своему второму внуку, появившемуся на свет 27 апреля 1779 года, это имя. И неспроста. В то время Екатерину занимала, навеянная ей новым фаворитом Григорием Потёмкиным, мысль о восстановлении Византийской империи, погибшей в 1453 году после захвата столицы Константинополя турецкими войсками. Сущность роившегося в их головах так называемого «греческого проекта» заключалась в том, чтобы изгнать турок из Европы, овладеть Константинополем и, восстановив там древний престол византийских императоров, посадить на него одного из великих князей русского императорского дома.

Великий князь Константин Павлович.
Неизв. худ. 2-я пол. XVIII в. Х., м. ГРМ.

Порт Стамбула. Художник Ж. Б. Илер.
Литография. 2-я пол. XVIII в.

Император Константин. Голова колоссальной статуи. Мрамор. 312–315. Рим.

Дворец Консерваторов. Музейный двор.

Медаль в честь рождения великого князя Константина Павловича. 1799.

Большинство же византийских императоров на протяжении существования этого государства, носило имя Константин, начиная от Константина I Великого (ок. 280–337), кончая Константином XII Палеологом (1449–1453)²⁵. Именно в честь Константина Великого ещё в колыбели наречён был императрицей Екатериной в качестве предполагаемого главы задуманного ею к возрождению византийского престола второй сын великого князя Павла Петровича. «Моё намерение есть возвести Константина на Престол греческий восточной Империи»,— записала она в 1792 году²⁶. Намерения Екатерины были настолько серьёзны, что даже на медали, выбитой в честь рождения великого князя Константина, она повелела изобразить древний храм св. Софии — символ Константинополя. Его кормилицей назначили гречанку по имени Елена, в слуги определили грека Дмитрия Куруту, служившего великому князю верой и правдой до конца жизни, а греческие дети постоянно участвовали в играх Константина. В общении с ними у великого князя не было никаких языковых проблем: для его обучения греческому языку специально выписали из Фессалии образованного учителя Бальдани. Константин очень гордился знанием греческого. По отзыву Екатерины II, он «усвоил себе все оттенки языка греческого и говорит брату: „что за дурные французские переводы читаете вы, братец; я читаю подлинники“. Увидя в моей комнате Плутарха, он сказал: „такое-то и такое место переведены очень дурно; я переведу лучше и покажу вам“, и, действительно,

²⁵ В энциклопедии Брокгауза и Ефрона статья о нём начинается со слов: «Константин XII (по другому счёту XI) Палеолог». См.: Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1895. Т. XVI. С. 70.

²⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 720.

Великий князь Константин Павлович в юности. Гравюра с оригинала И. Лампи Старшего. 1787.

Великая княгиня Анна Фёдоровна. Художник Э. Виге-Лебрэн. 1790-е.

принес мне несколько отрывков, которые перевел по-своему и на которых написал: переведено Константином. Я чрезвычайно люблю беседу Константина; от природы он очень воинственен и преимущественно любит морское дело»²⁷.

Екатерина II заказывала художникам изображать младшего внука Константина в облачении византийских императоров с златотканым крестом из семи звезд, явившимся, по преданию, императору Константину Великому на небе, в ночь перед его победоносным сражением с Максенцием под Римом на Мальвийском мосту²⁸.

Тогда ещё никто не мог и предполагать, что младенец будет хозяином приближавшегося к завершению Мраморного дворца. Но вот дворец «сдан под ключ», прах его несостоявшегося владельца Григория Орлова похоронен в Москве, здание выкуплено в казну и долгие годы пустует в ожидании нового хозяина. Наконец, участь его была определена: Екатерина II жалует дворец в качестве свадебного подарка великому князю Константину, женившемуся 15 февраля 1796 года на герцогине Саксен-Кобургской Юлиане-Генриетте-Ульрике, принявшей православие и нареченной Анной Федоровной. Обряд венчания происхо-

²⁷ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). Историческое исследование. СПб., 2001. С. 276. Со ссылкой на: РИО. Т. XXIII. С. 497. Письмо Гримму от 18 сентября 1790.

²⁸ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Карнович Е. П. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1995. С. 384.

дил в Большой церкви Зимнего дворца, после которого был устроен парадный обед и вечерний бал. После бала великий князь Константин и великая княгиня Анна покинули Зимний дворец и отправились торжественным выездом на другой конец Миллионной улицы к Марсову полю, где на набережной Невы возвышался Мраморный дворец. Интерьеры его заблаговременно были отремонтированы и роскошно обставлены архитектором И. Е. Старовым, над главным входом исчезла надпись «Здание благодарности», а на аттиках фасадов вместо вензеля и герба Орлова появились герб и вензель новоиспечённого владельца дворца.

Молодые вместе с родителями Константина великим князем Павлом Петровичем и великой княгиней Марией Федоровной ехали во дворец в парадной карете, заложённой восемью лошадьми. Небо над Петропавловской и Адмиралтейской крепостями и над всем городом озарялись вспышками фейерверков. Туда же, в Мраморный дворец, пожаловала со своей свитой императрица Екатерина II. Её выезд сопровождался «игранием на трубах при битии литавр» и пушечною пальбою²⁹. В этот день Екатерина впервые посетила дворец после ремонта, устроенного по проекту Старова. Она была в полном восторге. «Полагаю,— писала Екатерина II своему парижскому корреспонденту Мельхиору Гримму,— что трудно найти дом красивее и роскошнее этого, где бы все было убрано с таким вкусом, комфортом и изяществом; мы и до обеда и после обошли весь дворец: я им очень довольна, Константин тоже»³⁰.

Так младший внук императрицы Екатерины Великой и второй сын великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I, становится истинным владельцем Мраморного дворца.

А что случилось с «греческим проектом», вынашиваемым императрицей долгие годы? Он оказался неосуществлённой мечтой. Но в генетической памяти ближайших поколений наследников и потомков Екатерины II осталась глубокая зарубка в виде устойчивого стремления непременно называть второго сына императорского, а затем великокняжеского рода Константином, с назначением ему Мраморного дворца.

Личность первого владельца Мраморного дворца была невероятно сложной и крайне противоречивой. Лестный портрет молодого Константина приводит

---

²⁹ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. С. 416–417.

³⁰ Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб, 1879. С. 283.

очарованная им мать невесты герцогиня Саксен-Кобургская: «У него широкое, круглое лицо; и, если бы не курносый нос его, он был бы очень красив; у него большие голубые глаза, в которых много огня и ума; ресницы и брови почти совсем черные; небольшой рот и губы совсем пунцовые; очень приятная улыбка, прекрасные зубы и свежий цвет лица. <...>. Константин, кажется, воин и душой и телом, со всею военною ловкостью»³¹. Но эта располагающая внешность часто входила в совершенно необъяснимое противоречие с его жестоким и необузданным характером, умело скрываемым, когда он желал произвести благоприятное впечатление. Та же герцогиня Саксен-Кобургская в одном из писем своему мужу в Германию восторгалась будущим мужем своей дочери: «У Константина такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствия ко всему великому и в то же время столько скромности. Самое сильное его желание — сделать кампанию. «С вашим полком?» — спрашивает Будберг³². «Нет, мой друг, я еще не дорос до того, чтобы командовать полком, я хочу еще учиться слушать других, чтобы послужить своему отечеству». И когда он говорил это, столько прямоты и благородства выражало его лицо»³³. Как выяснится далее, за скромностью и благородством великого князя нередко пряталось лицемерие, а что касается простоты, то она зачастую оправдывала поговорку «простота хуже воровства».

Великий князь Константин Павлович воспитывался в домашних условиях совместно со своим старшим братом Александром под наблюдением бабки — Екатерины II. Среди их наставников особенно выделялся высокоталантливый и широко образованный республиканец и либерал, швейцарский гражданин Фредерик Сезар де Лагарп, появившийся в Петербурге по рекомендации корреспондента Екатерины II Мельхиора Гримма. Священноучителем высокородных братьев был духовник Андрей Самборский; учителем английского языка — И. М. Муравьев-Апостол; этику, психологию, русскую словесность и отечественную историю преподавал М. Н. Муравьев.

Интеллектуальные занятия не слишком увлекали великого князя Константина. Однажды в письме к Лагарпу он высказался: «В двенадцать лет я ничего не знаю, не умею даже читать. Быть грубым, невежливым, дерзким — вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом,

---

³¹ Русский архив. 1869. № 7. Стб. 1091.

³² Полковник А. Я. Будберг — доверенное лицо Екатерины II, состоял при великом князе Константине.

³³ Русский архив. 1869. № 7. Стб. 1092.

из меня ничего не выйдет во всю мою жизнь»³⁴. Здесь, пожалуй, его откровение граничит с бравадой, с намерением вызвать эпатаж.

Хотя военные занятия, действительно, были ему милее. Начала военных наук братья узнавали от полковника Карла Массона. В детстве для них устраивались военные игры с доставкой во дворец малолетних кадет³⁵. Когда братья подросли, игры стали носить более серьёзный характер, постепенно превращаясь в настоящее военное образование, с преподаванием ряда военных предметов, сопровождавшихся практическими занятиями на плацу. Этими занятиями нередко руководил сам великий князь Павел Петрович. По отзыву генерала Н. А. Саблукова «оба Великих Князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист»³⁶.

Константин трепетал перед своим отцом, отличавшимся суровостью, отсутствием снисходительности и беспощадной требовательностью, особенно когда дело касалось воинских обязанностей. От отца Константин Павлович наследовал болезненную нервность и неуравновешенность. Уже в детстве он отличался «крайнею живостью, переходившею в буянство» и сопровождавшейся «вспышками самого необузданного гнева»; он кусал воспитателей, бил жену и на великосветских балах без всякого повода «обращался к знатным особам с позорными ругательствами»; в зрелом возрасте, в минуты раздражения, он разражался грубой бранью и способен был на жестокие поступки»³⁷.

Страсть Константина Павловича ко всему военному в извращённом виде проявлялась в его отношении к своей невесте незадолго до женитьбы. Зимой он являлся к ней завтракать в шесть часов утра, приносил с собой барабан и трубы и заставлял ее играть на клавесине военные марши, сопровождая её принесенными с собою шумными инструментами³⁸. Юная принцесса подвергалась одновременно и его грубостям, и его нежностям, «которые одинаково были оскорбительны. Он ломал ей иногда руки, кусал ее, но это было только предисловие к тому, что ожидало ее после замужества»³⁹. Бывший учитель математики великих князей Шарль Массон писал: «Кто бы мог вообразить, что моло-

³⁴ Русская старина. 1877. № 6. С. 244.

³⁵ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 25–26.

³⁶ Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. М., 2002. С. 33.

³⁷ Знаменитые россияне XVIII — XIX веков. СПб., 1995. С. 441.

³⁸ Русская старина. 1877. Т. 19. С. 623.

³⁹ Там же. С. 631.

дой семнадцатилетний принц, живой и сильный, который только что женился на юной и прекрасной девушке, проснется после первой брачной ночи в пять часов утра, спустится на площадь перед дворцом и там с помощью палочных ударов будет муштровывать двоих солдат из своей охраны? Так поступил великий князь Константин. Не знаю, обещает ли эта воинственная ярость хорошего генерала, но она наверняка служит доказательством того, что он никуда не годный супруг»⁴⁰.

Хулиганские выходки Константина немедленно доносились Екатерине II, что чрезвычайно раздражало императрицу. В письме к воспитателю своих внуков графу Н. И. Салтыкову императрица писала: «Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме Генерал-Прокурора, где он не оставлял не одново человека, мущины, ни женщины без позорного ругательства, даже обнаружил и к вам неблагодарность, понося вас и жену вашу, что столь нагло и постыдно и бессовестно им произносимо было, что не токмо многие из наших, но даже да и Шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. <...>. Я не понимаю, откуда в нём вселилось таковой подлой *sansculotisme*, пред всеми его уничижающей. Повторите ему, что бы он исправил поведение своё и во всём поступал прилично роду и сану своему, дабы в противном случае, если ещё посрамит оное, я б не нашлась в необходимости взять противу того строгия меры»⁴¹. В августе 1796 года после очередной дерзкой выходки Екатерина приказала посадить женатого внука под арест, и как только это произошло, «Константин стал раскаиваться, просить прощения, и, наконец, сделал вид, что заболел»⁴².

Однако бесчинства великого князя на этом далеко не кончились. Опираясь на семейные предания, потомок великого князя Гавриил Константинович писал в своих записках: «молодой Константин Павлович вел себя неподобающим образом: он стрелял из пушки в большом коридоре дворца и, чтобы не убить свою жену, сажал ее в большую вазу. За такое поведение Екатерина выселила внука из Мраморного дворца»⁴³.

---

⁴⁰ *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. С. 109.

⁴¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 709.

⁴² Русская старина. 1877. № 6. С. 240–241.

⁴³ *Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце. М., 2007. 160.

Действительно, терпение бабушки лопнуло, и она жёстко наказала своего строптивого внука, лишив его пребывания в Мраморном дворце. Она определила ему место жительства в так называемом Шепелевском доме, примыкавшем к Зимнему дворцу, ближе к своей резиденции. Жить ей оставалось несколько месяцев. 6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась. Сын её и отец Константина великий князь Павел Петрович, став императором Павлом I, воспользовался временно пустующим Мраморным дворцом, распорядившись им по-своему.

Несмотря на временную опалу великого князя, Мраморный дворец юридически оставался за Константином Павловичем. Более того, как мы убедимся далее, только потомку по имени Константин, не кому-либо иному, впредь суждено будет владеть Мраморным дворцом. Две следующие попытки изменить этому предопределению имели роковые последствия.

Первая попытка связана с предоставлением Мраморного дворца опальному королю Польши Станиславу Августу Понятовскому.

4. Король Станислав Август — «халиф на час»

Итак, взошедший на престол Павел I пригласил в Петербург находившегося в изгнании по воле покойной Екатерины II низложенного польского короля Станислава Августа Понятовского. По сведениям Н. К. Шильдера, историографа императора Павла Первого, «27-го февраля 1797 года король прибыл в парадной карете в назначенный для его пребывания Мраморный дворец»⁴⁴.

Павел I предоставил гостю две великолепные резиденции: для летнего пребывания — Каменноостровский дворец, для зимнего — Мраморный.

К Мраморному дворцу у Павла I отношение было, мягко говоря, неприязненное, связанное с отрицательными ассоциациями: этот более чем роскошный подарок нелюбимой матери императора одному из убийц его несчастного отца — графу Г. Г. Орлову в знак благодарности — он особо не жаловал, и не исключено, что именно по указанию Павла I была сбита надпись „Здание благодарности“, украшавшая парадный подъезд Мраморного дворца.

Тонкий знаток и ценитель искусства, обладатель первоклассной коллекции живописи Станислав Август в Петербурге вёл интенсивную светскую жизнь, находился всё время в движении, постоянно сопровождал императора Павла I в поездках по пригородным дворцам, посещал балы знатных особ, пополнял

---

⁴⁴ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1996. С. 304.

новыми произведениями живописи своё собрание картин и драгоценными фолиантами богатую библиотеку. Польский король пользовался неизменным успехом у светских дам, стремившихся, в свою очередь, произвести на него благоприятное впечатление. Однажды, как свидетельствует С. Горяинов, «когда король возвратился, в октябре, из Гатчины в С.-Петербург, то княгиня Долгорукая приготовила ему сюрприз. Во время его отсутствия в Гатчине, она устроила на театре, воздвигнутом в большом зале Мраморного дворца, представление двух французских пьес <...>»⁴⁵. Столь бурная деятельность

Станислав Август Понятовский.
Художник Ф. Молитор. Х., м. 1776.

короля внезапно оборвалась: 1 февраля 1798 года Станислав-Август скоропостижно умер «от апоплексического удара»⁴⁶, прожив в Петербурге всего 11 месяцев.

Невозможно обойти молчанием дни прощания с польским королём, происходившие в Мраморном дворце и затем в костёле Св. Екатерины на Невском проспекте, отражённые в архивных документах⁴⁷. Церемония грандиозных похорон последнего польского монарха требовала создать известный траурный антураж в последнем прибежище августейшего изгнанника. Образованная в день его смерти похоронная Комиссия выработала «Церемониал погребения», утверждённый императором Павлом I. Тело короля к полудню следующего дня было набальзамировано и покоилось в так называемой «обыкновенной Спальне» Мраморного дворца. В соответствии с «Церемониалом погребения»,

⁴⁵ Горяинов С. Художественные впечатления короля Станислава-Августа о своём пребывании в С.-Петербурге в 1797 году. // Старые годы. 1908. Октябрь. С. 608.

⁴⁶ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 360.

⁴⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–14 об. «Церемониал погребения». Сведения, приводимые ниже, даются по этому документу, а также по «Журналу о кончине и погребении Его Величества Короля Польского Станислава» (Там же. Л. 21–27 об.).

во дворце началось траурное оформление ряда прилегающих к спальне короля помещений, главными из которых были Парадная спальня и некая «Горница» или Траурный зал.

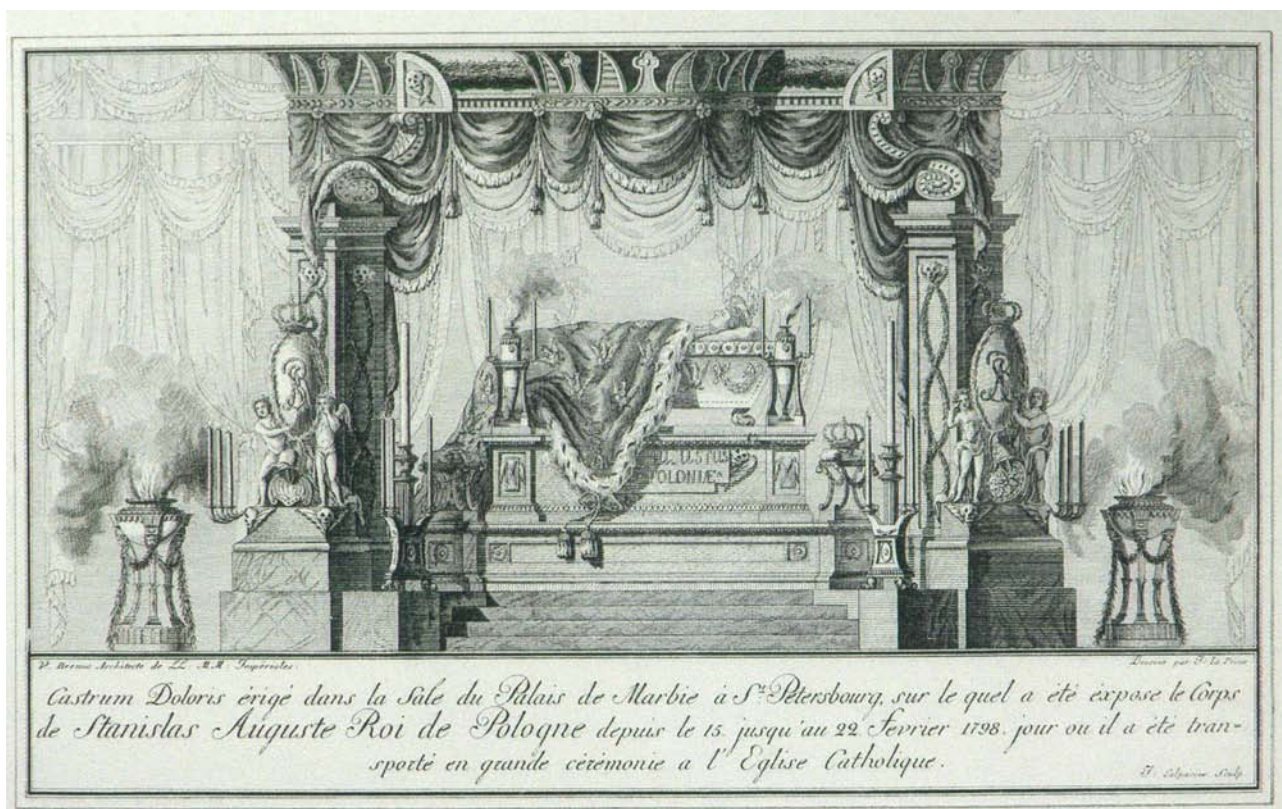
Неподалеку от «обыкновенной Спальни» было выделено помещение, вероятно, более просторное,— для Парадной спальни, где сооружался так называемый королевский «трон», по левую сторону которого на стилобате — возвышении в одну ступень — устанавливался стол «для служения тихих обедней, убранный белою кисеёю», на котором размещались антиминс, латинский крест и «образ»,— возможно, икона Спасителя. 11 февраля «парадная Спальня <...> была изготовлена и несколько анти-камор обиты были чёрным сукном и украшены белым и чёрным крепом». В тот же день в торжественной обстановке, в присутствии католического духовенства во главе с архиепископом Станиславом Сестренцевичем и императора Павла I, сопровождаемого его сыном, номинальным владельцем Мраморного дворца, великим князем Константином Павловичем, в Парадную спальню «перенесено тело покойного Короля <...> и поставлено было на трон под балдахином».

Где-то недалеко от Парадной спальни в центре некоего траурного помещения сооружался постамент на ступенчатом стереобате под балдахином, поддерживаемым четырьмя опорными колоннами. На этот, своего рода, катафалк будет водружён гроб из Парадной спальни. В интерьере намечалось устроить две ниши и в них поставить «таковые же столы, как в парадной Спальне, для служения тихих обедней и для чтения Псалтиря». По завершении необходимых приготовлений данное помещение получило название Каструм-Долорис. Как пояснялось в «Церемониале», в день похорон короля «всё духовенство соберется в Мраморном дворце в Горницу или в Каструм-Долорис»⁴⁸.

15 февраля, через четыре дня после оформления Парадной спальни, сооружение Каструм-Долорис «со всем тем, что к оному принадлежит» было закончено, и в 4 часа пополудни в Мраморном дворце собралось высшее католическое духовенство и придворные чиновники, а через два часа прибыл император Павел I в сопровождении великих князей Александра и Константина. В еще более торжественной церемониальной обстановке, чем при перенесении тела короля из «обыкновенной Спальни» в Парадную, в сопровождении духовенства,

---

⁴⁸ Употреблённый в документе термин «горница» свидетельствует о сравнительно скромных размерах помещения, использованного в качестве Каструм-Долорис.

Катафалк С. А. Понятовского для Мраморного дворца.

Проект В. Бренны, рис. И. Делапена, грав. Я. Калпакова и Мешкова. 1798. НИМ РАХ.

императора с великими князьями и королевскими придворными, несущими регалии и ордена, гроб перенесли в Каструм-Долорис и возложили на «катафалк». Тотчас же у четырех колонн, поддерживавших балдахин над гробом короля, встал почётный караул, «у каждой по одному гвардейскому офицеру с эспантонами⁴⁹, а на ступенях лестниц — императорские камер-пажи и пажи». Сверх того у оснований всех четырех лестничных маршей стереобата также стояли на часах, как отмечено в «Журнале о кончине и погребении Его Величества Короля Польского Станислава», «по обе стороны по два рейтара». Некоторые изменения коснулись архитектурного оформления зала: вместо предполагавшихся двух ниш была устроена только одна, где и разместили стол, покрытый белой кисеей, с положенными на него антимином, крестом и образом. Стол этот поименован в «Журнале» алтарём: «У поставленнаго Олтаря, приуготовленнаго в одной нише, отправляемы были до полудня тихие обедни». Ежесуточно у дверей в зал стояли, меняясь по часам, двое рейтар. В Каструм-Долорис покойный король находился ровно неделю.

⁴⁹ Эспантон (или эспадрон) — большая шпага, палаш.

Семь дней спустя, 22 февраля, происходила церемония перенесения тела из Мраморного дворца в католический костёл Св. Екатерины. В этот день по усопшему впервые отслужили заупокойную мессу «*Missa defunctorum*» на музыку композитора О. А. Козловского. В восемь часов утра у Мраморного дворца, согласно повесткам, собрались «особы первых четырех классов», участвовавшие в траурной процессии, а дамы первых шести классов, иностранные послы, кавалеры пятого и шестого классов, знатные прихожане католического вероисповедания по заранее купленным билетам отправились в костёл.

Траурная процессия обставлена была с неслыханной пышностью. По сообщению «Журнала», «съехались того утра в Мраморный дворец назначенные в кортеж Экипажи, все прочие особы и три взвода конной гвардии в их уборе, а между тем построены были по обе стороны, от ворот Мраморного дворца по Большой Миллионной, по Луговой Миллионной и по проспекту до Католической Церкви войска, которыми соизволил предводить Сам Государь Император». Окна домов и улицы, по которым двигался кортеж, ломились от «великого стечения народа».

«Провожал тело из Мраморного дворца первенствующая духовная особа Архиепископ Могилевский Сестренцевич, а встречал у дверей Церкви с прочим Духовенством Граф Литта и полномочный папский Посол (Нунций)» под проникновенные звуки молитвы «*Non interes*». По водружении гроба на катафалк прозвучала музыка «*Libera me*», написанная Козловским для хора, духового оркестра и органа. Император Павел I, войдя в церковь, прошел на свое место в сопровождении четырех диаконов. Архиепископ Сестренцевич с духовенством совершил литургию, к исполнению которой были привлечены лучшие музыканты: первый придворный оркестр, хор придворной певческой капеллы, солисты итальянской придворной оперной труппы. Впечатление торжественности усиливалось звучанием рогового оркестра. Во время панихиды, как отмечено в «Журнале», «произведена была войсковая пальба».

Ещё через три дня, 25 февраля «отпето было тело и опущено в приуготовленный для того в могиле медный ковчег с подобающею честью». Так внезапно закончился жизненный путь польского короля Станислава Августа, поселившегося в Мраморном дворце не по своей воле и скончавшегося в нём по воле Божией. Так провидение воспрепятствовало закреплению за ним права собственности на Мраморный дворец.

5. Великий князь Константин Павлович — возвращение во дворец и заграничные подвиги

Справедливость восторжествовала: великокняжеские чертоги вновь возвратились к его истинному законному владельцу — великому князю Константину Павловичу. Юридически дворец продолжал принадлежать ему безраздельно, несмотря на то, что последнюю треть своей жизни цесаревич провёл за границей.

По возвращении в Мраморный дворец жизнь великого князя разделилась на частную и военно-полевую, полностью зависимую от его отца императора Павла I и отнимавшую у него львиную долю времени. По восшествии на престол Павел сразу же сделал Константина шефом Измайловского полка, назначил генерал-инспектором всей кавалерии, а затем, начиная с Первого кадетского корпуса, главным начальником кадетских корпусов. Наконец-то, великий князь Константин оказался в своей стихии, проявляя неслыханное доселе рвение. Е. П. Карнович пишет: в апреле 1797 года «когда император Павел Петрович поехал после своей коронации из Москвы по России, то он взял с собою Константина Павловича и по возвращении из этого путешествия назначил его начальником Первого кадетского корпуса. Великий князь с чрезвычайным усердием принялся за свои новые обязанности и каждый день, утром в 5 часов, являлся в корпус, где в это время несколько сот детей вставало и одевалось по барабану»⁵⁰. Любопытно, что в кадетском саду была установлена памятная мраморная плита (находившаяся там вплоть до 1820-х годов), на которой среди прочего был обозначен «Рость Его Имп. Высоч. Вел. Князя Константина Павловича въ 1789 г.», равный, если верить исследователям

Великий князь Константин Павлович.
Художник В. Сливцкий. Акварель. 1820-е.
ГМЗ «Царское Село».

⁵⁰ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. С. 420–421.

этой плиты⁵¹, высоте 31,5 вершка или примерно 140 см — карликовый рост, особенно, по сравнению с более чем двухметровым ростом (2 арш. 14 верш.) прапрадеда Константина — императора Петра Великого!

Исполнение обязанностей по надзору за Военно-учебными заведениями Константин Павлович вынужден был временно приостановить: отец отправил его волонтером в Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова 1799 года. В общении с выдающимся полководцем и участие в боевых операциях под командованием Суворова великий князь приобретал бесценный опыт практического применения тех знаний, которые он получал раньше в военных классах, учебных экзерцициях и плац-парадах. Отдавая должное поведению великого князя в сложнейшем и крайне рискованном переходе через перевал Сен-Готар в Швейцарии, Суворов доносил Павлу I: «Его Высочество всю нынешнюю многотрудную кампанию и ныне на вершинах страшных швейцарских гор — где проходил мужественно все опасности, поощряя войско своим примером к преодолению трудностей и неустрашимой храбрости — изволил преподавать полезные и спасительные советы. Всегдашнее присутствие его высочества перед войсками и на гибельных стремнинах гор оживляет их дух и бодрость. История увековечит его похвальные подвиги которых я имел счастье быть очевидцем»⁵². И в другой реляции императору от 19 июня 1799 года: «<...> Его Императорское Высочество Благоверный Государь и Великий князь Константин Павлович из усердия к пользе общего блага быстро привёл с неустойчивостью 6-го числа июня передовые Вашего Императорского Величества войски, внушая им храбрость и расторопность, командировал на левой фланг для подкрепления князя Горчакова и тем весьма способствовал к одержанию победы. <...>»⁵³.

Расчувствовавшийся император 28 октября 1799 года удостоил сына титула цесаревича, о чём подписал специальный манифест:

«Божиею Милостию Мы Павел Первый Император и Самодержец Всероссийский и пр., и пр., и пр.

Объявляем во всенародное известие.

---

⁵¹ Богданов В. И., Малова Т. И. Первый кадетский корпус: мраморная плита с метками роста Петра I, великих князей, короля Швеции и высот наводнений Невы 1776, 1824 гг. // Труды ГЭ / Государственный Эрмитаж. [Т.] XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 47.

⁵² Цит. по: Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. С. 438–439.

⁵³ Реляция А. В. Суворова Павлу I о военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии // Суворов А. В. Наука побеждать. М., 2015. С. 293.

Видя с сердечным наслаждением, яко Государь и Отец, каковыя подвиги храброго и примерного мужества, во всё продолжающейся нынешней кампании противу врагов Царств и Веры, оказывал сын Наш Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Павлович, во мзду и вящшее отличие жалуем Мы Ему титул Цесаревича.

Дан в городе Нашем Гатчине. Октября в 28 день 1799 года, Царствования же Нашего в третье лето»⁵⁴.

Заметим, что ранее этим титулом от рождения обладал лишь наследник престола.

Первый кадетский корпус не замедлил откликнуться на это событие: отдавая дань своему Главному начальнику, он присвоил гренадерской роте имя Цесаревича Константина Павловича⁵⁵.

Пользуясь данной ему властью, цесаревич ставил на ключевые посты верных ему людей. Он назначил, например, директором Второго кадетского корпуса своего ближайшего друга и самое доверенное лицо — Д. Д. Куруту⁵⁶. Того самого грека, которого Екатерина II призвала в воспитатели к малолетнему Константину Павловичу⁵⁷.

Когда в короткие дни и часы между напряжёнными служебными обязанностями на глазах могущественного и беспощадного отца, не прощавшего малейшей оплошности, Константин оказывался в своём Мраморном дворце, он позволял себе расслабиться в кругу ближайших друзей — офицеров. Здесь он опускался до полного невежества, компания напивалась до беспамятства, грубость и развязность не знали пределов. И всё это — на глазах глубоко несчастной великой княгини Анны Фёдоровны, которой цесаревич откровенно помыкал... Совсем катастрофическое положение настало для неё после убийства императора Павла I. У великого князя Константина Павловича «к дурному обращению со своей супругой, которое она терпела с самого первого дня замужества,

---

⁵⁴ Жизнь Его Императорского Высочества, Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича. М., 1831. Ч. 1. С. 26.

⁵⁵ *Висковатов А.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 65.

⁵⁶ *Михайлов А.* Жизнь под барабан: Военно-учебные заведения Петербурга // Родина, 2003, № 1. С. 75.

⁵⁷ Вместе с цесаревичем Курута участвовал в военных действиях 1805–1807 годов, после чего был назначен его флигель-адъютантом; в 1816 году он произведён в генерал-лейтенанты с назначением начальником штаба, находясь на этом посту вплоть до смерти великого князя Константина Павловича.

примешивались еще его неверность и вольное поведение. Не страшась более подвергнуться гневу своего отца, он завел связи, недостойные его сана, и часто задавал в своих апартаментах маленькие ужины актерам и актрисам, и это привело к тому, что великая княгиня Анна Федоровна, не знавшая его поведения, заразилась болезнью, от которой долго хворала, не зная ее причины. Доктора объявили, что она полностью может вылечиться только в том случае, если поедет на воды в Богемию»⁵⁸.

Супруга цесаревича вынуждена была покинуть Петербург, возвратившись под кров своих родителей в Германию. Она и раньше уезжала в Кобург с намерением остаться там навсегда, но по завершении суворовской кампании 1799 года великий князь привёз Анну из-за границы. Однако в 1801 году великая княгиня вновь уехала за границу и уже больше не возвращалась в Россию⁵⁹.

Руки Константина были развязаны, и он пустился во все тяжкие, ни мало не заботясь о своей репутации. В стенах Мраморного дворца в кругу ближайших собутыльников-однополчан сыпались скабрёзные анекдоты, площадная матерщина, происходили разнузданные оргии. Особенно потрясла Петербург безобразная история, о которой лаконично и достаточно деликатно поведал в своих «Записках» Греч: «В Петербурге жила молодая вдова португальского консула Араужо, и жила немножко блудно. Однажды поехала она в гости к придворной повивальной бабушке, Моренгейм, жившей в Мраморном дворце, принадлежавшем великому князю Константину Павловичу, осталась там необыкновенно долго и, воротясь домой в самом расстроенном положении, вскоре умерла. Разнеслись слухи, что она как-то ошибкою попала на половину великого князя, и что он с помощью приятелей своих, адъютантов и офицеров изнасилничал ее самым злодейским образом. Слух об этом был так громок и повсеместен, что правительство, публичным объявлением, приглашало всякого, кто имеет точные сведения о образе смерти вдовы Араужо, довести о том до сведения правительства. Разумеется, никто не явился»⁶⁰.

Более или менее остепенился великий князь лишь около 1806 года после знакомства на очередном костюмированном балу, поддавшись чарам молодой француженки Жозефины Фридерикс с довольно сомнительным про-

---

⁵⁸ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 184–185.

⁵⁹ Расторгнуть брак с Анной Фёдоровной Константину Павловичу удалось лишь в 1820 году.

⁶⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 124–125.

шлым. Некий пожилой английский лорд увёз расторопную девочку Фифин в Лондон из модной парижской лавочки с намерением жениться, но вскоре умер, и Жозефина оказалась на улице без средств к существованию. Её подобрал случайный прохожий, назвавшийся полковником Фредериксом из России, который там же, в Лондоне, оформил с ней законный брак и... исчез. Она бросилась в Петербург на поиски мужа, который оказался отнюдь не полковником, а фельдъегерем. Найдя его, Жозефина убедилась, что жизнь с этим авантюристом невозможна и решила заново попытать счастья в поисках своего настоящего принца. Так судьба свела её с великим князем Константином Павловичем, приютившим её в своём Мраморном дворце, где она родила ему в 1808 году внебрачного сына, названного Павлом. Младенец, крещённый в домовых церкви Мраморного дворца, получил через четыре года фамилию Александров. Там же, в Мраморном дворце, Жозефина, превратившаяся в русскую дворянку Ульяну Михайловну Александрову, обзавелась собственными покоем на 3-м этаже, а сыну её были выделены комнаты в бельэтаже дворца⁶¹. Покинули они Мраморный дворец в 1814 году, отправившись следом за великим князем Константином Павловичем, назначенным главнокомандующим войска Царства Польского, в Варшаву.

Как складывалась служебная карьера владельца Мраморного дворца?

Жозефина Фридрихс
с сыном П. К. Александровым.

Художник Ризинер А.-Ф. Х., м. Не ранее 1812.

⁶¹ Трубинов Ю. В. Описание Мраморного дворца 1785 года как образец сдаточного документа последней трети XVIII века // Страницы истории отечественного искусства. XX. Сб. ст. по м-лам науч. конференции / ГРМ. СПб., 2012. С. 244.

Во время наполеоновских войн в кампанию 1805 года цесаревич участвовал в Аустерлицком сражении. «Во время знаменитого Аустерлицкого сражения 1805 года, когда Наполеон I разбил русско-австрийские войска, Константин Павлович командовал гвардией, при этом он действовал весьма решительно и сумел спасти свои части от окружения»⁶².

В кампанию 1806–1807 годов он командовал гвардией. После поражения наших войск при Фридланде Константин Павлович выступал за мир с Францией. В составе свиты Александра I он присутствовал на переговорах с Наполеоном I в Тильзите, получив от французского императора ленту Почётного легиона. «Войну цесаревич не любил, находя, что она «портит войска», отвлекает их от вахтпарадной выправки, от излюбленной им «строевой чистоты». Он всегда был сторонником мира и в 1812 году называл безумием кампанию против Наполеона»⁶³.

Тем не менее, он вынужден был участвовать в Отечественной войне 1812 года. В начале войны великий князь командовал 5-м пехотным корпусом 1-й Западной армии. Выражая несогласие с распоряжениями главнокомандующего Барклая де Толли, он, по настоянию Барклая был отозван в Петербург. Опала его оказалась недолгой.

Будучи возвращённым в действующую армию, цесаревич участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов, командуя резервом Богемской армии. Ему удалось отличиться в «битве народов» под Лейпцигом и заслужить орден св. Георгия 2-й степени.

Портрет великого князя Константина Павловича в рост можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца в ряду парадных портретов российского императора Александра I и руководителей союзных держав-победительниц и командующих армий — короля прусского Фридриха-Вильгельма III, императора австрийского Франца-Иосифа I, командующего англо-голландской армией при Ватерлоо герцога А. Веллингтона и полководцев русской армии М. Б. Барклая де Толли и М. И. Кутузова.

Подвиги великого князя Константина Павловича в войнах с Наполеоном и в заграничных походах 1813–1814 годов дали повод его брату императору Александру I назначить его в мирное время главнокомандующим контингентом

---

⁶² Манько А. Августейший двор под сенью Гименя. М., 2003. С. 394.

⁶³ Знаменитые россияне XVIII — XIX веков. СПб., 1995. С. 441.

русской армии, отдельного Литовского корпуса и армией Царства Польского, образованного по решению Венского конгресса европейских государств 1814–1815 годов с включением в состав России.

В конце 1814 года великий князь перебрался в Варшаву, прихватив с собой Жозефину с сыном Павлом. Ему было 35 лет, и он находился в цветущем состоянии духа и здоровья. Весьма выразительный портрет цесаревича приводит его современник мемуарист Станислав Моравский: «При чрезвычайной белизне кожи и огромных белых же бровях, над глазами нависших, очень маленьком, исчезающим над ртом носом и большой природной вспыльчивости Великий князь Константин всегда имел страшное и тревожащее наблюдателя выражение лица»⁶⁴.

Для своего пребывания в Польше он облюбывал два дворца: в качестве зимней резиденции — Брюлёвский дворец в центре Варшавы⁶⁵, а в качестве летней — загородный Бельведерский дворец, усовершенствованный и приспособленный по проекту архитектора Якуба Кубицкого в 1818–1819 годах специально для великого князя. Дворец Бельведер с окружающим парком примыкал к обширному Лазенковскому парку, в центре которого на острове посреди искусственного пруда возвышался дворец Лазенки, купленный в 1817 году Александром I для отдыха во время посещений Царства Польского⁶⁶. Едва освоившись, он тотчас же для украшения покоев своего нового жилища приказал перевозить из своего же петербургского Мраморного дворца предметы искусства и коллекции оружия, надолго обеднив этим парадные интерьеры дворца и особенно Большой зал, называвшийся при цесаревиче Арсеналом, в котором были сосредоточены редкие образцы вооружения, амуниции и конской сбруи.

Помимо сугубо военных обязанностей великий князь фактически сосредоточил в своих руках власть наместника Царства Польского при том, что формально наместником считался генерал Юзеф Зайончек, с которым Константин Павлович был на короткой ноге и часто посещал его чертоги.

Однажды на балу у Зайончека он заметил молоденькую дочь польского помещика Жаннетту Грудзинскую и безумно влюбился в неё (к Жозефине он уже давным-давно охладел и терпел её возле себя исключительно из-за подраставше-

---

⁶⁴ *Моравский С.* Воспоминания пустынника // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 513.

⁶⁵ Этот дворец, построенный в 1754 году, принадлежал ранее Генриху Брюлю (1700–1763) — министру короля польского и курфюрста саксонского Августа III.

⁶⁶ О дворце в Лазенках см.: *Łazienki warszawskie*. Warszawa, 1968.

го сына Павла). Как было не потерять голову от 16-летней прелестной полячки, которая по описанию графини Александрины Потоцкой была «хорошо сложенная, хотя и небольшого роста, с белокурыми кудрями, с бледно-голубыми глазами, обрамленными более светлыми, чем волосы, ресницами. Своим кротким личиком она напоминала портрет, сделанный пастелью»⁶⁷.

Константин Павлович как человек решительный и непоколебимый поставил себе чёткую задачу: во что бы то ни стало завоевать сердце и руку польской красавицы. Но он оказался в крайне затруднительном положении. И дело не в том, что его избранница слишком молода, а её родители — гордые поляки могли воспротивиться неравному союзу. Здесь всё было

в порядке: и родители не возражали, и Жанна не сопротивлялась. Однако главное препятствие заключалось в том, что цесаревич был женат, да и сожительница Жозефина путалась под ногами... С Жозефиной разделаться оказалось проще пареной репы: великий князь, оставив нажитого с нею сына при себе, выдал его мать замуж за некоего полковника Вейсса. А вот как получить развод с проживавшей в Швейцарии законной супругой великой княгиней Анной Фёдоровной? Здесь всё складывалось против цесаревича. Константин затеял переписку с Анной Фёдоровной, испрашивая разрешение на развод. В другой переписке, со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, признавался в пылкой любви к своей новой избраннице и твёрдом намерении жениться на ней, разведясь с супругой, которую не видел чуть ли не 20 лет. Мария Фёдоровна укоряла сына в разрушении нравов и морали, в пренебрежении обязанностями выбирать невесту «породою себе равной», и была решительно против. Об отрицательном

Жаннетта Грудзинская, княгиня Лович, супруга великого князя Константина Павловича. Художник В. Сливцкий. Литография. 1827.

⁶⁷ Мемуары графини А. Потоцкой. Пг., 1915. С. 262.

отношении православной церкви к бракоразводному процессу в царском доме и говорить не приходится. Но капля точит камень. Константин кинулся в ноги к своему старшему брату императору Александру I, настойчиво уговаривая разрешить ему развод для заключения морганатического брака. Наконец, все препятствия были преодолены, и 20 марта 1820 года появился в печати Высочайший манифест с разрешением Святейшего Синода «брак цесаревича и великого князя Константина Павловича с великою княгиней Анной Федоровной расторгнуть с дозволением ему вступить в новый, если он пожелает»⁶⁸.

Пару месяцев спустя, 24 мая 1820 года, согласно «Акту о браке цесаревича и великого князя Константина Павловича с княгиней Лович»⁶⁹, «Его Императорское Высочество Цесаревич великий князь Константин Павлович, имевший от роду 41 год, рождённый в Царском Селе, и девица графиня Иоанна Непомуцена Варвара Грудзинская, фрейлина их императорских величеств, имевшая от роду 25 лет, родившаяся в Познани» обвенчались перед алтарём капеллы Королевского замка в присутствии всего лишь четырёх гостей. Император Александр I проникся необыкновенной симпатией к новой супруге своего брата, пожаловав ей титул княгини Лович по наименованию Ловицкого имения, которым он её наделил. Отныне неприкаянная ранее холостяцкая жизнь Константина Павловича вошла в нормальное семейное русло. Правда, этому счастью отведено было судьбою всего лишь 10 лет...

Вспомним, однако, что великий князь Константин Павлович находился в Царстве Польском, в первую очередь, в качестве командующего объединёнными силами русских войск, литовского корпуса и польской армии. Согласно принятой при учреждении Царства Польского конституции, польскую армию запрещалось выводить за границы края. В таком случае, для чего же она была нужна? — вопрошает польский литератор 1830-х годов Юзеф (Осип) Пржеславский. И отвечает: «На такой вопрос возможен один лишь ответ: армия была нужна для забавы Цесаревича Константина Павловича, избравшего своим местопребыванием Варшаву»⁷⁰.

Действительно, противник настоящих войн, великий князь с превеликим удовольствием принялся муштровать вверенные ему войска. Памятуя об уро-

---

⁶⁸ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 37. № 28208. С. 129–130.

⁶⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 119.

⁷⁰ *Пржеславский О. А.* Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 214.

ках своего отца покойного императора Павла I, который действовал по принципу кнута и пряника, отдавая преимущество кнуту, цесаревич поступал не менее сурово. Усвоив с юности внушённый ему постулат, «понимая в военной службе одно только повиновение, молодой Константин Павлович утверждал, что офицер есть не иное что как машина и что все, что начальник приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы то было жестокость»⁷¹. Проявляя беспощадную требовательность в исполнении приказов и воинского долга, он одновременно заботился о безукоризненном содержании войсковых частей. Так, кроме прочего, в Варшаве были открыты школы верховой езды и плавания, а также школа для детей русских солдат.

Константин Павлович задумал усовершенствовать военную форму и с этой целью принял на службу польского художника А. О. Орловского в качестве официального баталиста к исполнению рисунков форменных костюмов и военных парадов. С Орловским, жившим в Петербурге с 1802 года, цесаревич был хорошо знаком. Известен портрет в рост Константина Павловича, исполненный художником в том же 1802 году⁷². Константин Павлович позволил жить Орловскому в служебном доме своего Мраморного дворца. Там ему была предоставлена «квартира из трех комнат с окнами, выходившими на Неву»⁷³, где художник оборудовал не только обширную творческую мастерскую, но и создал уникальнейший кабинет редкостей, включавший старинную мебель, образцы восточных одежд и редчайших предметов декоративно-прикладного искусства, доспехов и оружия разных стран и народов⁷⁴. Как пояснял О. А. Пржецлавский, на службе цесаревича Константина Павловича «должность его состояла в исполнении требований августейшего патрона, заказывавшего ему разные рисунки и картины по предметам, относившимся до образования и преобразований обмундировки русской армии и до современных событий, в которых она со славою участвовала»⁷⁵.

Войска цесаревича получили новое обмундирование, сшитое с иголки. Ежедневные войсковые учения, бесконечные тренировки в обращении с огне-

---

⁷¹ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. С. 308.

⁷² См. воспроизведение портрета в кн.: *Свирида И. И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. XVIII — середина XIX вв. Очерки. М., 1999. С. 152.

⁷³ Яворская Н. В. А. О. Орловский // История русского искусства. М., 1963. Т. XIII. Кн. 1. С. 474.

⁷⁴ Бурнашев В. П. Петербургские записки. Кабинет редкостей знаменитого Орловского // Северная пчела. 1831. № 7–9.

⁷⁵ Пржецлавский О. А. Воспоминания. С. 299.

стрельным и холодным оружием с практическим применением на манекенах и в стрельбах на полигонах, продолжительные вахт-парады и сложные манёвры под оркестровую музыку превратили сотысячную армию под командованием Константина Павловича в единый безупречный дисциплинированный организм. Окончательно сформировав польскую армию и литовский корпус, цесаревич устроил в 1823 году под Брест-Литовском показательный смотр своих войск в присутствии Александра I и его свиты. Император остался доволен успехами своего брата. По его войскам было увеличено денежное довольствие, «оружие всякого рода, порох и военные снаряды стали в изобилии высылаться из России для польской армии»⁷⁶.

Между тем, в Варшаве уже несколько лет подспудно назревало недовольство в националистических кругах включением части Польши в состав Российской империи. День ото дня крепла оппозиция, недовольная нарушениями предоставленной Польше в 1815 году конституции и ограничениями свобод, ею гарантированных. Этому вольно или невольно способствовал и сам Константин Павлович как фактический наместник Царства Польского, откровенно демонстрируя пренебрежение дарованной полякам конституцией. К осени 1830 года обстановка предельно накалилась. До цесаревича доходили слухи о провокациях и прямых физических столкновениях на улицах Варшавы, но он не придавал этому серьёзного значения. И напрасно!

Наступил роковой для него день 17 ноября, когда массовые беспорядки переросли к вечеру в варшавское восстание, чуть не стоившее жизни великому князю. В донесениях, поступавших императору Николаю I, сообщалось, что «17-го числа, вечером же, Варшава сделалась театром кровавых сцен. Описывалось, как несколько подпрапорщиков ворвались в Бельведерский дворец, изранили президента полиции Любовицкого и убили генерала Жандра, прискакавшего предупредить Цесаревича о грозящей ему опасности; Цесаревич сам едва успел от них скрыться задним ходом и сесть на лошадь. Только когда русская гвардейская кавалерия поспешила на помощь ему, убийцы бежали из Бельведера: между тем весь город пришел в волнение и народ, бросившись в арсенал и выломав все двери в нем, захватил все находившиеся там склады оружия»⁷⁷. К заговорщи-

---

⁷⁶ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. С. 477.

⁷⁷ Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 350.

кам присоединилась польская армия. «Должно было предвидеть,— замечает О. А. Пржецлавский,— что отборное войско, составленное из поляков, не может в своих пожеланиях быть удовлетворено одними учениями, парадами и манёврами и что эти пожелания рано или поздно перейдя в горячее состояние, поведут к покушению на приведение в действие сознаваемого каждым — и солдатом и офицером — истинного назначения всякой армии»⁷⁸. Во главе своего гвардейского корпуса Константин Павлович покинул пределы Польши.

В начале декабря он расположился близ Бреста. 12 декабря Николай I подписал манифест, призывающий поляков к примирению, но созванный в Варшаве сейм отверг условия этого документа. Более того, месяц спустя, 13 января 1831 года, сейм объявил династию Романовых низложенной с польского престола! Этот дерзкий вызов привёл к началу решительных военных действий: русская армия под командованием фельдмаршала И. И. Дибича пересекла границу и двинулась на Варшаву. Великому князю Константину Павловичу была отведена роль командующего резервами. В предместьи Варшавы — под Гроховом — произошло кровопролитное сражение, которое должно было закончиться взятием Варшавы. Но Дибич не воспользовался численным превосходством русских войск и остановил дальнейшее продвижение к столице Польши. Давление на него, как считается, оказал раздираемый противоречиями Константин Павлович. По мнению А. Х. Бенкендорфа, «вид этого города, где Цесаревич жил и начальствовал в продолжение пятнадцати лет, где образовались его связи и устроился его брак, где укрепились все его привычки, вид этого города в минуту грозящего ему бедствия мог тронуть сердце Цесаревича и внушить ему мысль о спасении Варшавы»⁷⁹.

Великий князь был немедленно отозван императором из армии и весной отправился в Белосток в довольно расстроенном состоянии здоровья, мучимый лихорадкой. В Белостоке его ждала княгиня Лович, будучи также не слишком здоровой. Вместе с ней в начале мая они покинули Белосток и оказались в городе Слониме, а затем в Минске. Здесь они долго не задержались, так как в городе началась эпидемия холеры. В мрачном расположении духа, с больной женой на руках, цесаревич продолжил путешествие, держа путь к Витебску. В Витебск они прибыли 3 июня 1831 года.

---

⁷⁸ Пржецлавский О. А. Воспоминания. С. 214.

⁷⁹ Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. С. 355.

Ровно через 10 дней великий князь внезапно заболел: у него обнаружили признаки холеры, от которой он бежал из Минска, опасаясь, прежде всего, за здоровье своей жены. Ещё через два дня, 15 июня, цесаревича не стало. Забальзамированное тело великого князя, облачённого в генерал-адъютантский мундир, ровно месяц покоилось в соборе Витебска. 16 июля погребальная колесница выехала из Витебска и через две недели прибыла в Гатчину. Ещё две недели потребовалось для организации похорон. 14 августа тело цесаревича, сопровождаемое траурной процессией, со всеми почестями было доставлено в Петропавловский собор Петербурга и установлено на высоком катафалке. Три дня спустя под холостые выстрелы крепостных орудий гроб с телом великого князя Константина Павловича было опущено в могилу.

Так закончился жизненный путь первого владельца Мраморного дворца.

6. П. К. Александров — призрачный «владелец» Мраморного дворца

Как-то в печати появилось довольно странное сообщение о том, что после смерти великого князя Константина Павловича Мраморный дворец в 1831 году якобы был «выкуплен в казну у сына великого князя Константина Павловича — графа Павла Александрова»⁸⁰. Эту фразу надо понимать так, будто Мраморный дворец принадлежал внебрачному (читай, незаконнорожденному) сыну великого князя Константина Павловича П. К. Александрову. Тому самому, который, заметим, не внесён в родословное древо великого князя Константина Павловича, равно, как и его мать Жозефина Фридрихс (она же — Ульяна Александрова).

Павел Константинович Александров.
Неизв. художник. Х., м. Около 1810. ГРМ.

⁸⁰ Русский музей: отчёт за 2008 год / Альманах. Вып. 235. СПб., 2009. С. 9.

Сторонников ложного представления о наследовании Мраморного дворца флигель-адъютантом Александровым со всей очевидностью ввело в заблуждение некорректное истолкование Указа Николая I от 6 Марта 1832 года о назначении сыну императора великому князю Константину Николаевичу Мраморного дворца, где попутно говорится об оценке строения в 1 млн. 600 тыс. рублей, отделяемых из Удельного капитала в пользу флигель-адъютанта Павла Александрова⁸¹. При этом в Указе совершенно недвусмысленно говорится: «капитал сей считать **не прикосновенным**, а выдавать ему одни только банковые проценты» [здесь и далее выделено мною.— Ю.Т.].

Таким образом, хотя вся сумма и была записана на Александрова, но ему не принадлежала. Это было сделано исключительно для того, чтобы Александров, как побочный родственник великого князя Константина Павловича, по царской милости, мог получать с этой суммы проценты (которые отнюдь не переходили по наследству) на проживание. И никаких даже намёков на то, что Мраморный дворец когда-либо принадлежал П. К. Александрову, ни в архивных документах, ни в мемуарной литературе до сих пор не обнаружено, что вполне естественно. Между прочим, нет абсолютно никаких достоверных сведений и о том, что Александров вообще жил в Мраморном дворце по возвращении из Польши, где он пребывал при своём августейшем отце вместе с матерью Жозефиной Фридрихс до знакомства великого князя Константина Павловича со своей будущей законной супругой Жаннеттой Грудзинской.

Скоропостижно скончавшись от холеры в Витебске, Константин Павлович не успел составить завещания. В таком случае, по закону его имущество, в том числе, Мраморный дворец, наследовала его супруга княгиня Лович. Её отношение к Павлу Александрову было крайне негативным. Польский исследователь П. Ямски приводит фразу из её завещания относительно принадлежавшего ей имения под Варшавой, в частности, Бельведера и Лазенок, где она жила с мужем до их бегства в Россию в начале декабря 1830 года: «Не хочу, чтобы имения перешли в чужие руки, в руки **москаля внебрачного сына Константина — Павла Александрова**»⁸². Красноречивее не скажешь! Могла ли она допустить, чтобы и Мраморный дворец достался этому внебрачному «москалю», которого она даже

---

⁸¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45 (1832 г.). Л. 1. Копия.

⁸² Ямски П. Я. Бросил ли Константин Павлович Романов резиденцию в Стрельне в пользу малого дворца Бельведер в Варшаве? // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. М-лы Международной конференции. СПб., 2015. С. 343.

за пасынка не считала? Отрицательный ответ очевиден.

К сожалению, княгиня Лович пережила своего супруга всего на несколько месяцев, скончавшись в Царском Селе 17 ноября 1831 года. А через три с половиной месяца император Николай I жалует Мраморный дворец, превратившийся в казённое здание по Удельному ведомству (откуда поступали средства на содержание и ремонты дворца), своему малолетнему сыну великому князю Константину. Вот этот незначительный отрезок времени между смертью княгини Лович и изданием указа Николая I сторонники абсурдной идеи владения Мраморным дворцом Павла Александрова могут записать в свой актив.

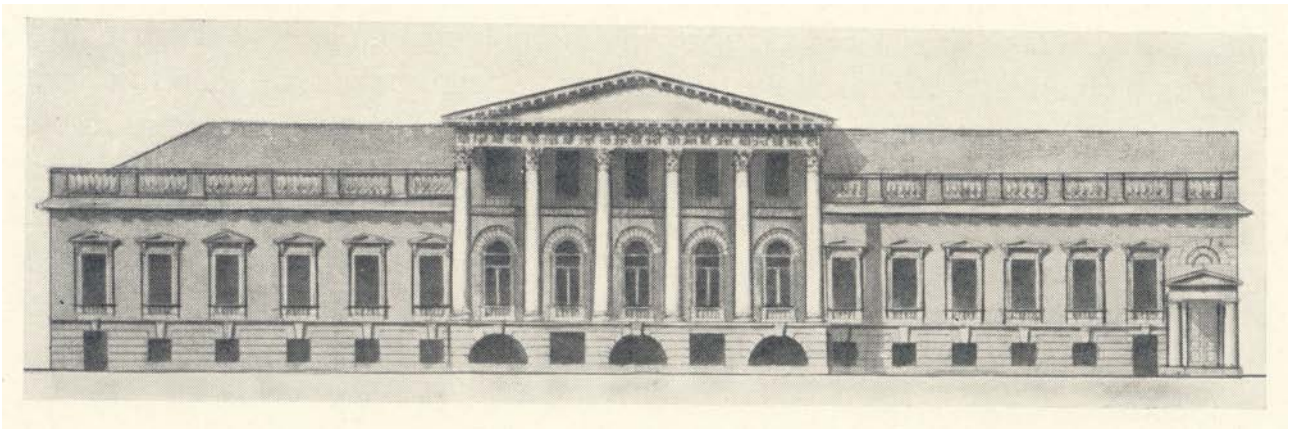
Разумеется, Александров имел номинальный «вид на жительство» в Мраморном дворце, равно, как и в принадлежавшем его отцу Стрельнинском дворце. Относительно последнего исследователь Константиновского дворца в Стрельне В. Герасимов замечает: «После скоростижной смерти великого князя Константина Павловича в июне 1831 года Николай I, спустя три месяца, в сентябре пожаловал Стрельню младшему сыну — четырехлетнему великому князю Константину Николаевичу, который приходился Константину Павловичу племянником и крестником. До совершеннолетия нового хозяина (в 1847) дворец находился в управлении Департамента уделов. На протяжении этого периода за внебрачным сыном великого князя Константина Павловича **П. Александровым** было закреплено **право проживания** во дворце в выбранных им помещениях»⁸³. Вот-вот: право проживания, но отнюдь не право собственности! Лишив Александрова этого права проживания в пожалованном великому князю Константину Стрельнинском дворце,

Император Николай I.
Художник Ф. Крюгер. Х., м. 1852.

⁸³ Константиновский дворец. Стрельна. Альбом / авт. текста В. Герасимов. СПб., 2005. С. 31.

Проект перестройки дома И. Х. Бергина на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге (будущего дома П. К. Александрова). Архитектор В. П. Стасов. 1815.

император от щедрот своих выделил лишенцу 1 млн. 300 тыс. рублей, о чём гласит секретная записка Николая I от 25 сентября 1831 года:

«Секретно.

Господину Обер-Егермейстеру Графу Модену.

Пожаловав Стрелинский дворец со всеми к оному принадлежностями в собственность Любезнейшему Моему Сыну Великому Князю Константину Николаевичу, и желая по возможности исполнить волю покойного Брата Моего, Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, Я назначил в пользу Флигель-Адъютанта Моего Павла Александрова Старшего, один миллион триста тысяч рублей.

Для составления сего капитала, повелеваю вам доставить к Министру Императорского Двора **из Собственного Моего Капитала**, хранящегося в С. Петербургской Сохранной Казне семь сот шестьдесят две тысячи сто девять рублей, то есть ту часть, которая по смерти Моей назначается Сыну Моему Константину Николаевичу.

Николай.

в Царском Селе

25 Сентября 1831»⁸⁴.

Аналогично поступил император и в отношении столичного Мраморного дворца. Отказав П. К. Александрову в праве проживания в не принадлежавшем ему здании, он приказал записать на его имя неприкосновенный капитал в 1 млн. 600 тыс. рублей, **на проценты с которого** Александров должен был подыскивать себе другое жильё, что тот и сделал, купив одноэтажный дом на Исаакиевской площади⁸⁵.

⁸⁴ Данный рукописный документ факсимильно, без ссылки на место хранения, воспроизведён в кн.: *Моцардо В.* Великий князь Константин Николаевич Романов. Альбом. Самара, 2004. С. 68.

⁸⁵ На месте этого дома в 1911–1912 годах по проекту архитектора П. Беренса выстроено облицованное финляндским гранитом монументальное здание Германского посольства.

Здание бывшего Германского посольства на Исаакиевской площади, построенное в 1915 году на месте дома П. К. Александрова. Архитектор В. П. Беренс. 1911–1912. Фото Ю. В. Трубинова. 2010.

Служебная карьера П. К. Александрова складывалась вполне успешно. Проведя детство и юность при своём отце, он не видел иной перспективы, как стать военным. За два года до переезда с отцом в Варшаву, в 1812 году он, в возрасте четырёх лет, был возведён в потомственное дворянство. Воспитывался Павел под присмотром пожилого уже графа Д. Д. Куруты, который в молодости выписан был Екатериной II из Греции для воспитания его отца великого князя Константина Павловича. Теперь, разумеется, не греческим языком приходилось овладевать отпрыску великого князя, а польским. В 1823 году пятнадцатилетнего юношу определили штаб-ротмистром в лейб-гвардии Подольский кирасирский полк. Через несколько лет бравый кавалерийский офицер становится флигель-адъютантом Николая I и принимает активное участие в подавлении польского мятежа 1831 года, удостоившись чина полковника. После смерти отца он переведён в лейб-гвардии Конный полк, а вскоре становится свитским генералом: с 1846 года — генерал-майор свиты императора Николая I, с 1855 года — генерал-адъютант и, наконец, в 1856 году получает высший чин в своей карьере — становится генерал-лейтенантом.

В семейной жизни Павел Константинович отличался необычайным добродушием и гостеприимством. Он был женат на княжне А. А. Щербатовой, у них родилась дочь Анна.

Никакими заметными талантами Павел Константинович не отличался, собирал фамильные портреты и гравюры, держал в доме на Исаакиевской площади доставшиеся от отца столовое серебро, оружие и шпаги с бриллиантами, а также отцовскую обширную библиотеку (подаренную им Гельсингфорскому университету).

Умер П. К. Александров в 1857 году и похоронен в Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом.

7. Великий князь Константин Николаевич — второй законный владелец Мраморного дворца

Вскоре после смерти Константина Павловича появился упомянутый выше указ Николая I от 6 марта 1832 года о назначении Мраморного дворца с принадлежащим к нему служебным домом «Его Императорскому Высочеству Любезному Моему сыну, Великому Князю Константину Николаевичу»⁸⁶. Новому владельцу Мраморного дворца, второму сыну императора, к тому времени не исполнилось еще шести лет...

В 1844 году начались работы по переустройству Мраморного дворца с расчётом завершить их к свадьбе великого князя Константина Николаевича. Руководителем этих работ был назначен архитектор А. П. Брюллов.

Пока в Мраморном дворце велись строительные и отделочные работы, Константин Николаевич закончил учебу. Среди главных его наставников были поэт В. А. Жуковский и адмирал Ф. П. Литке. Под командованием последнего он совершил морскую экспедицию на знаменитом фрегате «Паллада» и получил чин капитан-лейтенанта. Это при том, что уже при рождении великий князь Константин был записан генерал-адмиралом и шефом Гвардейского экипажа!

12 августа 1844 года 17-летний Константин Николаевич был произведён в капитаны и назначен командиром брига «Улисс». Он живо интересуется политическими проблемами и культурной историей зарубежных стран. Особенно привлекает его восточная политика России. Он задумывает в ближайшее время отправиться в страны Востока и в течение зимы 1844-1845 года тщательно готовится к путешествию в Турцию. С этой целью он штудирует литературу о тех местах, которые намерен посетить, слушает лекции дипломата, знатока восточных дел А. А. Фонтана. Наконец, началось его долгожданное путешествие в Турцию и сопредельные страны.

---

⁸⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45 (1832 г.). Л. 1. Копия.

Шестого июня 1845 года пароход «Бессарабия» с Константином Николаевичем на борту ошвартовался в гавани Константинополя. Великий князь жадно осматривает город, изучает храм Святой Софии, посещает мечеть Эйюба⁸⁷, куда простым смертным христианам путь был заказан. «Пройдя чрез Золотые ворота, к которым некогда Олег прибил щит свой, царевич отправился в Архипелаг», — замечает историограф Константина Николаевича и его многолетний преданный сотрудник А. В. Головнин⁸⁸. Как пишет далее Головнин, «путешествие в Константинополь описано великим князем в журнале его с большею подробностью. Во многих местах рисунки, сделанные пером, дополняют текст»⁸⁹. Возвратившись из путешествия, Константин Николаевич загорелся желанием изучить турецкий язык. «В декабре 1848 г. великий князь <...> начал учиться языкам турецкому и персидскому и потом деятельно занимался этим предметом в течение зимы 1850 и 1851 гг.», — замечает Головнин⁹⁰.

Великий князь Константин Николаевич.
Неизв. худ. (тип Ф. Крюгера).
X., м. После 1849. ГМИ СПб.

⁸⁷ Название мечети можно встретить в литературе в разной транскрипции: мечеть Эйюпа, Эйюба, Эюба. Эта мечеть была построена турками в 1458 году на том месте, где во время первой осады Константинополя арабами в 688 году погиб Эйюб аль-Ансари — сподвижник и знаменосец пророка Мухаммеда.

⁸⁸ Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 118. См. также: Николаева М. В. Великий князь Константин Николаевич: воспитание адмирала // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: Сборник статей. СПб., 2009. С. 39.

⁸⁹ Головнин А. В. Записки для немногих. С. 39. Рукописный журнал с рисунками Константина Николаевича хранится ныне в архиве: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 81. Анализ этого документа посвящена специальная ст.: Сидорова А. Н. «Путешествие в Царьград, Константинополь и Стамбул» великого князя Константина Николаевича в 1845 году // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царскосельской научной конференции: Сборник научных статей: В 2 ч. СПб., 2009. Ч. II. С. 106–125. Автор статьи обильно цитирует походный журнал великого князя, а также воспроизводит ряд собственноручных рисунков Константина Николаевича.

⁹⁰ Головнин А. В. Записки для немногих. С. 118.

Руководил его занятиями преподаватель учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел в Петербурге видный учёный-ориенталист П. И. Демезон. В память об этом путешествии архитектор А. П. Брюллов устроил в Мраморном дворце Турецкий кабинет.

6 февраля 1848 года состоялось обручение великого князя Константина Николаевича с принцессой Александрой-Фредерикой, дочерью герцога Саксен-Альтенбургского. На август намечались свадебные торжества в Петербурге. Великий князь временно жил в Зимнем дворце, куда стекались свадебные подарки. Главный же подарок — Мраморный дворец — к свадьбе не успевал: до полного завершения внутреннего убранства оставалось более полутора лет. Отделочные работы и меблировка закончились лишь в начале декабря 1849 года. А 9 декабря император Николай I торжественно встречал великого князя Константина Николаевича и его молодую супругу великую княгиню Александру Иосифовну у парадного подъезда Мраморного дворца иконой Спасителя. Новосёлам поднесли на золотом блюде пышный хлебный каравай с серебряной солонкой посередине⁹¹.

Почти через две недели, 20 декабря, Николай I подписал указ, который гласил:

«Господину Министру Императорскаго Двора.

Предназначенный Указом Моим 6-го Марта 1832 года, Департаменту Уделов данным, Любезнейшему сыну Моему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и ныне вновь перестроенный Мраморный дворец со всеми убранствами и принадлежащим к нему служебным домом, Всемилостивейше жалуя в дар Его Императорскому Высочеству в вечное и потомственное Его Высочества владение, Повелеваю дворец сей именовать Константиновским и о сдаче онаго с планами и описями сделать // с Вашей стороны должное распоряжение.

/На подлинном собственною Его Императорскаго Величества рукою написано/

«Николай»

в С. Петербурге

20 Декабря 1849 г.»⁹²

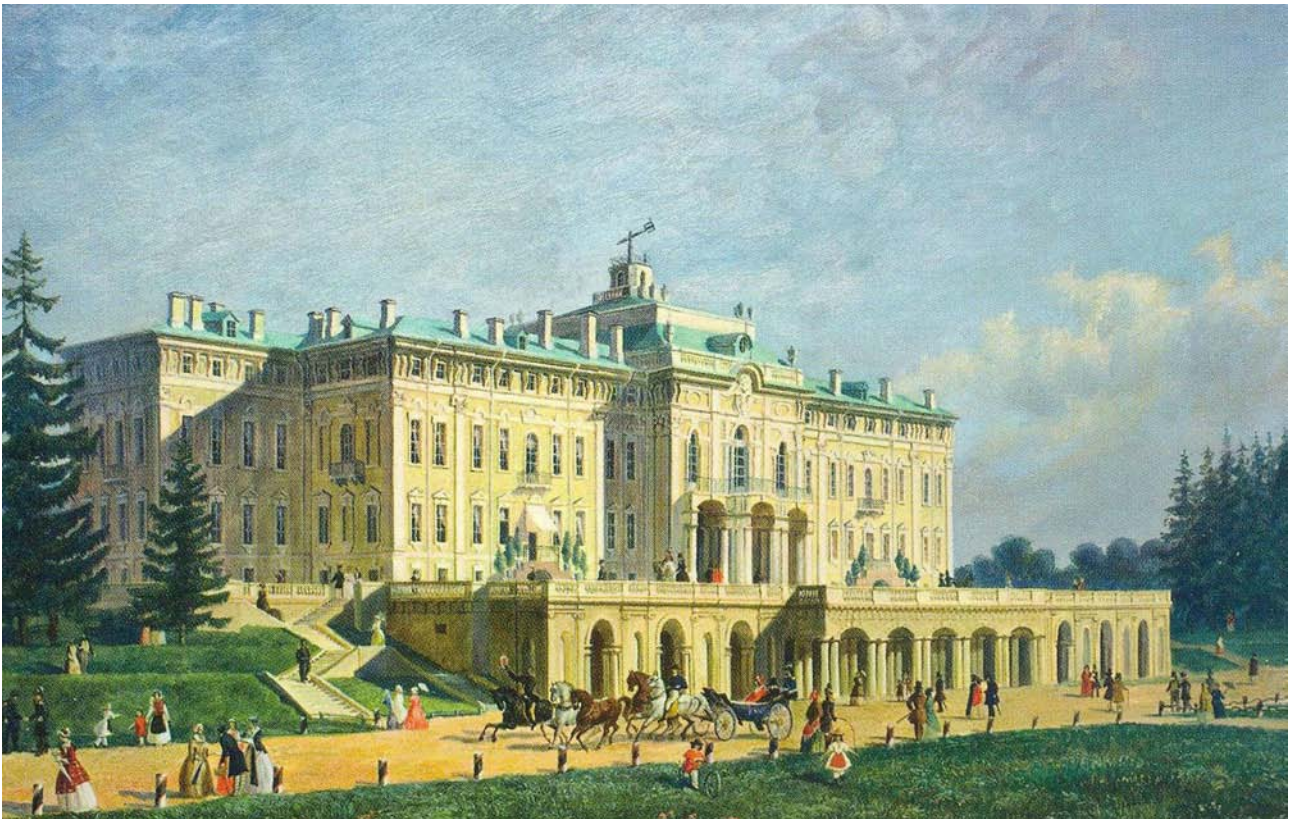
С середины XIX века имя «Константин» стало занимать всё более устойчивое место в родословной таблице владельцев Мраморного дворца. Поэтому отнюдь не случайно оно оказалось включённым даже в название самого дворца,

---

⁹¹ Ритуальные предметы — «образ Спасителя и блюдо с солонкою» — предполагалось специально изготовить к этому торжеству, но поздно спохватились. Поэтому «во исполнение сего взяты: образ Спасителя у купца Бородулина, а блюдо с солонкою у содержателей Англинского магазина». См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 456. Л. 3.

⁹² РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 495 (1849 г.). Л. 22–22 об. Копия.

Стрельна. Константиновский дворец. Художник А. Горностаев. 1841.

вытеснив в делопроизводстве название «Мраморный». И хотя в указе Николая I открыто объясняется мотив этого повеления, можно предположить также, что Николай Павлович в тайниках души своей имел в виду ещё один повод переименования — увековечить в новом названии дворца память о своём старшем брате, первом истинном владельце дворца, цесаревиче Константине Павловиче. Увы, новое название Мраморного дворца в Петербурге не прижилось, но и не утратилось напрочь, будучи перенесённым на унаследованный вначале Константином Павловичем (1797 г.), а затем и Константином Николаевичем (1831 г.) дворец в Стрельне, доньше именуемый Константиновским.

Этот дворец, построенный на берегу Финского залива, был задуман ещё Петром I, заказавшим проект в 1716 году сначала скульптору и архитектору Б.-К. Растрелли (отцу знаменитого впоследствии архитектора Франческо Бартоломео Растрелли), а затем, в 1717 году, — выписанному из Франции архитектору Ж.-Б. Леблону. Но ни тот, ни другой проекты не удовлетворили капризного монарха, утвердившего, в конце концов, проект итальянского архитектора Николо Микетти, по которому дворец был заложен в 1720 году. Работы шли медленно, в 1723 году Микетти покинул Россию, и руководство строитель-

ством дворца перешло к русским архитекторам: сначала Михаилу Земцову, затем Тимофею Усову и, наконец, Петру Еропкину. В 1725 году Пётр I умирает, стройка приостанавливается и возобновляется лишь в царствование «дщери Петра» императрицы Елизаветы Петровны, которая загорелась желанием завершить замысел отца. Настал черёд возобновить заброшенный дворец набравшему силу мастеру барокко архитектору Ф. Б. Растрелли. Он великолепно справился с заданием, но редко посещаемый царским двором (предпочитавшим отдыхать летом в Петергофе и Царском Селе) стрельнинский дворец постепенно ветшал. Лишь после того, как хозяином дворца стал цесаревич Константин Павлович и дворец получил наименование Константиновского, архитектор Андрей Воронихин в первые годы XIX века привёл дворец в порядок в соответствии с укладом жизни и вкусами великого князя. Но в конце декабря 1803 года грандиозный пожар испепелил роскошную отделку дворцовых интерьеров. Очередное восстановление дворца осуществляли архитекторы Луиджи Руска и Григорий Пильников. Они в течение пяти лет полностью воссоздали интерьеры и фасады дворца, привнеся в него свои архитектурные идеи. Следующей серьёзной реконструкции дворец подвергся тогда, когда Стрельну унаследовал сын Николая I великий князь Константин Николаевич. С учётом вкусов и предпочтений Константина Николаевича и его супруги великой княгини Александры Иосифовны перепланировкой и убранством дворца занимался архитектор Христиан Мейер, а после его смерти в 1848 году — архитектор Андрей Штакеншнейдер. Благодаря их творческим усилиям, Константиновский дворец в Стрельне получил окончательный облик в те годы, когда он использовался в качестве летней резиденции владельцем основного жилища — петербургского Мраморного дворца — великим князем Константином Николаевичем, к которому мы сейчас и возвращаемся.

Великий князь живо интересовался литературой, наукой и музыкой, о чём свидетельствует избрание его почётным членом Санкт-Петербургского, Казанского и Дерптского университетов, а также президентом Императорского Русского музыкального общества.

Музыкой он был увлечён страстно и профессионально, брал уроки игры на виолончели у композитора и дирижера, директора Петербургского филармонического общества Карла Шуберта и у музыканта Рудольфа Кюндингера, учителя музыки старших сыновей — Николая и Константина. В Белом зале дворца устраивались вечера, на которых играли выдающиеся музыканты. «Вечером у нас была музы-

ка,— записывал в дневнике 6 апреля 1860 года Константин Николаевич.— Гостей было человек около 50. Дрейшок играл dur 2-й концерт Бетховена и Konzert Stück Вебера, Венявский — концерт Мендельсона, а потом вместе а-мольную сонату Бетховена. <...>. Я жуировал удивительно»⁹³.

В середине 1850-х годов по заказу великого князя был построен орган, установленный в Белом зале. «На новом органе во дворце великого князя Константина Николаевича неоднократно играл князь В. Ф. Одоевский, участвуя в любительских спектаклях и концертах, нередко вместе с А. Г. Рубинштейном. Исполняя произведения И.-С. Баха и Г.-Ф. Генделя, В.-А. Моцарта, Я.-Л.-Ф. Мендельсона, принимал участие в домашних концертах и сам великий князь»⁹⁴.

Мраморный дворец середины XIX века памятен, конечно, не только музыкальными вечерами, свадьбами, увеселительными раутами. Видный государственный деятель великий князь Константин Николаевич принимал в нем посетителей и гостей разного ранга. 28 сентября 1859 года дворец посетил «почетный пленник» России имам Шамиль с сыном Кази-Магома: «Его заметно интересовал мой музей и Турецкая комната с надписями»,— отметил в дневнике Константин Николаевич⁹⁵. 19 мая 1860 года он принял заведующего делами Комитета финансов М. Х. Рейтерна (впоследствии — министра финансов) и редактировал с ним журнал заседаний⁹⁶. 23 февраля 1861 года во дворце прошла конференция «по переменам программы плавания и по предложению о вооружении лодок вместо 4 кораблей»⁹⁷. 25 февраля «принимал Беренса, Корсакова и Попова с проектом нового положения о столовых»⁹⁸. И так почти каждый день.

В 1858 — 1859 годах Константин Николаевич совершил плавание вокруг Европы из Балтийского в Средиземное море, посетив ряд государств. Программой путешествия предусматривалось в конце апреля — начале мая 1859 года посеще-

---

⁹³ 1857–1861: Переписка Императора Александра II с великим кн. Константином Николаевичем. Дневник вел. кн. Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 240.

⁹⁴ Новикова О. В. Орган Мраморного дворца // Дворцы Русского музея. Сборник статей. СПб., 1999. С. 168.

⁹⁵ 1857–1861: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. С. 196.

⁹⁶ Там же. С. 248.

⁹⁷ Там же. С. 308.

⁹⁸ Будущий адмирал Е. А. Беренс в 1861 году был младшим флагманом Балтийского флота; Н. Ф. Корсаков — капитан I ранга; А. А. Попов, будущий адмирал, в 1861 году также был капитаном I ранга и членом учёного морского Комитета, известен как изобретатель оригинального морского судна, получившего название «поповка».

ние Иерусалима, в связи с учреждением там первой российской миссии⁹⁹. Встречи с патриархом иерусалимским Кириллом¹⁰⁰, совместное паломничество к святыням, осмотр Гефсиманского сада, спуск в Иосафатову долину, подъём на Голгофу и гору Елеон, молебен в храме Вознесения Господня... «Потрясающее впечатление, слёзы и молитвы»,— записывает в дневнике великий князь Константин Николаевич¹⁰¹. Навсегда запомнилась патриаршая обедня в приделе Ангела у Гроба Господня. «Патриарх подарил нам частицы честнаго древа, для меня, жены, Николы и Костюшки». Накануне отъезда из Иерусалима, 8 мая, патриарх отслужил для великого князя обедню на самом Гробе Господнем. «Потом,— записывает Константин Николаевич в дневнике,— Патриарх нас позвал в Алтарь, и сам при нас отрезал и дал нам частицы мощей: 1) Царя Константина, 2) Царицы Александры (для жинки и для Мама), 3) Василия Великого, 4) Марии Магдалины. Потом обошли снова все Святыни огромного Храма <...>».

Эти святыне дары иерусалимские великий князь решил поместить в домовый церкви Мраморного дворца. По его замыслу частицы мощей следовало упокоить в ячейки своеобразной дарохранительницы, изготовленной в виде специального декоративного креста. Проект этого креста великий князь заказал академику живописи Ф. Г. Солнцеву, с которым был знаком уже более 10 лет¹⁰². Поскольку великий князь Константин Николаевич был приверженцем «национального стиля», он почувствовал в художнике творца, способного удовлетворить его амбиции. Так, ещё в 1848 году, по случаю бракосочетания Константина Николаевича с Александрой Иосифовной, Ф. Г. Солнцева привлекли к созданию рисунков, по которым на Императорском фарфоровом заводе был изготовлен так называемый «Константиновский сервиз»¹⁰³. Его работы понравились, и художник часто составлял проекты предметов декоративно-

---

⁹⁹ Эта миссия великого князя подробно изложена в сб.: Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году. М., 2009.

¹⁰⁰ Кирилл II — патриарх Иерусалима с 1845 по 1872 гг.

¹⁰¹ 1857–1861: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. С. 164. Далее цитаты из дневника приводятся по этому изданию.

¹⁰² Окончивший в 1827 году Императорскую академию художеств, этот живописец прославил своё имя изданием «Древностей Российского государства» (1846–1853), расценивавшимся видным художественным критиком В. В. Стасовым как одно из первых квалифицированных пособий по национальному стилю. См.: Новости и биржевая газета. 1892. 13 марта. № 72. обстоятельная биография и творческий путь Ф. Г. Солнцева изложены в кн.: Аксёнова Г. Русский стиль: Гений Фёдора Солнцева. М., 2009.

¹⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 10 (1847 г.). Д. 594. «По Императорским Стекланному и Фарфоровому заводам. Об изготовлении в сих заводах столоваго и десертнаго сервизов для Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича».

го искусства для Мраморного дворца. К освящению дворца и церкви в 1849 году «академик Солнцев <...> сочинил и нарисовал акварелью рисунки, изображающие Святых Угодников, поднесённые <...> Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу <...>, сделал два рисунка для каминных часов во Дворец Его Императорского Высочества»¹⁰⁴.

4 октября 1859 года великий князь заносит в дневник: «Были у обедни в нашей милой здешней церкви, которую я так люблю. <...>. Солнцев приносил рисунки большого креста, в котором я хочу уложить части мощей, полученных в Иерусалиме и в Константинополе»¹⁰⁵. 14 февраля 1860 года Константин Николаевич с удовлетворением записывает: «Сегодня была у нас в церкви прелестная церемония. Крест, который я заказал для Святых Мощей, полученных нами в Иерусалиме и Царьграде, готов, и я пригласил для освящения его трёх митрополитов: Григория Петербургского, Исидора Киевского и Иосифа Виленского. Когда они собрались, наш священник Куколевский понёс мощи из моей комнаты в церковь. Я с Николой [старший сын Константина Николаевича — великий князь Николай Константинович.— *Ю.Т.*] следом за ними вошёл в Алтарь, и тут митрополит Григорий вложил Мощи в приготовленные для них места в Кресте, заливая их мастикою. После этого все три митрополита вместе служили обедню, а потом молебен, после чего мы приклонились к Мощам. Это было чрезвычайно торжественно, и я был ужасно счастлив, что сподобился такого благополучия иметь в своей церкви такую Святыню. Затем мы угостили митрополитов завтраком»¹⁰⁶. Из многочисленных реликвий, которыми располагала домовая церковь Мраморного дворца, сохранился лишь этот мощехранительный крест¹⁰⁷.

Начало 1860-х годов ознаменовалось сменой наместника Царства Польского. 27 мая 1862 года на этот пост назначается великий князь Константин Николаевич¹⁰⁸.

---

¹⁰⁴ Отчёт Императорской Академии Художеств за 1849–1850 академический год. СПб., 1850. С. 20.

¹⁰⁵ 1857–1861: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. С. 207.

¹⁰⁶ Там же. С. 232.

¹⁰⁷ После разорения церкви в 1920-е годы реликвия оказалась в Государственном музее этнографии, откуда передана была в 1941 году в Государственный Эрмитаж, где и находится по настоящее время. ГЭ, инв. № ЭРО-6505. В 2004 году этот экспонат был показан на выставке «Религиозный Петербург» в Государственном Русском музее. См.: Религиозный Петербург / Альманах ГРМ. Вып. 106. / Сост. П. Климов. СПб.: Palace Editions, 2004. С. 283.

¹⁰⁸ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 313.

Он прибыл в столицу Польши 21 июня, заняв кресло прежнего наместника генерал-адъютанта графа А. Н. Лидерса, на которого было совершено покушение.

Константин Николаевич облюбовал в качестве резиденции внушительный Королевский замок в центре Варшавы¹⁰⁹. К середине XIX века это старинное здание с его многогранным внутренним двором, длинными фасадами, высокой крышей и монументальной квадратной башней над главным порталом сильно обветшало. Потребовался основательный как наружный ремонт, так и приспособление интерьеров для нужд нового наместника. На время предстоящего ремонта замка великий князь с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной разместились в Бельведерском дворце возле паркового комплекса Лазенки на южной окраине Варшавы (где, как мы помним, в 1814–1830 годах квартировал предок нового наместника — великий князь Константин Павлович).

Работы по приспособлению Королевского замка под новую резиденцию наместника велись несколько месяцев. Помимо личных апартаментов, в замке разместили православную церковь, для которой осенью 1862 года вывезли из принадлежавшего великому князю Константиновского дворца в Стрельне иконостас со всеми иконами. 19 декабря 1862 года церковь Варшавского замка была освящена во имя святого Константина¹¹⁰, что означало завершение реконструкции всего замка. Воспользовался ли наместник Польши обновлённым Королевским замком? Вряд ли, поскольку напряжённая политическая обстановка в Польше отнюдь не ослабевала. Случай, едва не стоивший жизни великому князю Константину Николаевичу, произошёл буквально на следующий день по прибытии его в Варшаву. 21 июня 1862 года наместник наслаждался оперой Фридриха фон Флотова «Алессандро Страделла». После спектакля, когда великий князь садился в коляску, польский террорист Людвиг Ярошинский в упор выстрелил в него из пистолета, ранив в плечо. В тот же вечер Константин Николаевич нашёл в себе силы телеграфировать о покушении в Петербург императору и записать в дневнике: «<...> пуля пробила пальто, сюртук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала её, а тут же остановилась, перепутавшись на снурке лорнетки с канителью от эполет. Один Бог спас. Я тут же помолил-

---

¹⁰⁹ Сооружённый в 1599–1619 годах, Королевский замок был реконструирован изнутри в 1774–1785 годах архитектором Доменико Мерлини в стиле барокко и классицизма.

¹¹⁰ Герасимов В. В. «Польский» след в истории Стрельнинского (Константиновского) дворца // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 119.

ся <...>»¹¹¹. Ответную телеграмму Александр II закончил фразой: «Утром был у нас благодарственный молебен»¹¹².

В память этого спасения московские крестьяне поднесли великому князю образ Спасителя в серебряном вызолоченном окладе. Особенно же дорога его сердцу была другая, подаренная от Финляндского полка, икона в серебряном киоте «Свв. царь Константин, святитель Спиридон и мученик Юлиан Тарсийский», помещённая в алтаре за престолом на специально изготовленном резном изящном аналое, покрытом белой эмалью с легкой позолотой¹¹³.

Между тем, в Царстве Польском террористическим актам подвергались и другие высокие чины Варшавы. Так, спустя месяц, 26 июля совершено было очередное неудачное покушение на маркиза А. Вилопольского¹¹⁴, назначенного на должность начальника гражданского управления (Магистрата). Польские дворяне требовали возвращения конституции (отменённой императором Николаем I после подавления польского восстания 1830 года) и объявления независимости Польши. Попытка проведения либеральных реформ великим князем Константином Николаевичем не увенчалась успехом. Повсеместно проходили демонстрации. В январе 1863 года в Польше началось новое вооружённое восстание. Изданный 31 марта 1863 года манифест Александра II, призывавший поляков сложить оружие с обещанием подчинившимся даровать амнистию, оказался неэффективным. Угрожающая обстановка вынудила императора отозвать Константина Николаевича из Польши. 27 августа великий князь вместе со своей семьёй покинул Варшаву, а 19 октября была подписана его официальная отставка с должности наместника Царства Польского¹¹⁵.

При Александре II авторитет великого князя Константина Николаевича в обществе и государстве был довольно высок. Ближайший сотрудник императора, он проводит морские реформы, управляя флотом и морским ведомством; на посту председателя Главного комитета по крестьянскому делу поддержива-

---

¹¹¹ Великий князь Константин Николаевич. Дневник 1862 года // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 229.

¹¹² Толмачев Е. П. Александр II и его время. М., 1998. Кн. 2. С. 185.

¹¹³ Орлов В., протодиакон. Мраморный дворец. 1785–1885 гг. // Русская старина. 1885. Т. XLVI. № 4–6. С. 443.

¹¹⁴ Вилопольский (Виелопольский) Александр (1803–1877) в 1862–1863 годах — начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского.

¹¹⁵ Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009. С. 151–159.

ет реформу по освобождению крестьян; наконец, получает пост председателя Государственного совета. Это был период самой плодотворной деятельности великого князя.

Современник его, В. П. Мещерский, отзывался о Константине Николаевиче: «... натура Великого князя была необыкновенно живая, бойкая и порывиста, то всякое проявление в нём его мысли и его впечатления было сильно и безусловно откровенно, так что исходящее от него очаровывало сразу...»¹¹⁶.

С воцарением Александра III великий князь Константин Николаевич утратил влияние при дворе и государстве, которое имел при своем брате Александре II. Он был уволен с должностей председателя Государственного совета, Главного комитета по устройству сельского состояния и особого присутствия по воинской повинности, а также от управления флотом и морским министерством. К своему дяде новый император давно испытывал неприязнь, усилившуюся после ряда семейных неурядиц в Мраморном дворце. К конфузу со старшим сыном Константина Николаевича прибавились амурные похождения самого великого князя...

Супруга Константина Николаевича — Александра Иосифовна — утратила прежнюю привлекательность и, страдая болезнью позвоночника и нервными припадками, становилась всё более раздражительной. В это время Константин Николаевич обратил внимание на молодую балерину Анну Васильевну Кузнецову, побочную дочь знаменитого актёра Василия Каратыгина. Новая взаимная привязанность оказалась длительной. В результате на свет появилось пять незаконно рожденных детей, признанных в 1883 году потомственными дворянами с фамилией «Князевы»¹¹⁷.

Попад в опалу, великий князь предпочитал жить в своем крымском имении Ореанде. Второй законный владелец Мраморного дворца скончался в Павловске под Петербургом 13 января 1892 года, завещав петербургский Мраморный дворец своему второму сыну Константину.

Напомним, однако, что именно при жизни великого князя Константина Николаевича во второй половине XIX века назревала (упомянутая в начале нашего повествования) **вторая перспектива** перемены имени владельца дворца с появлением 2 февраля 1850 года у четы великого князя Константина Николаевича

---

¹¹⁶ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001. С. 73.

¹¹⁷ Сапожников С. А. Потомство вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) от Анны Васильевны Кузнецовой // Историческая генеалогия. Вып. 2. 1993. С. 22–27.

и великой княгини Александры Иосифовны первенца — великого князя Николая Константиновича, на которого родители возлагали большие надежды. Однако роковое стечение обстоятельств воспрепятствовало этим грёзам. Николая Константиновича ожидала необыкновенная участь, не оставившая ему места не только в Мраморном дворце, но даже и в Петербурге.

8. Великий князь Николай Константинович — страсти любви

К совершеннолетию великого князя Николая Константиновича (20 лет ему исполнилось 2 февраля 1870) в Мраморном дворце заново отделали комнаты, выделенные для него еще в детстве.

Одарённый от природы прекрасной внешностью и незаурядным умом, первенец радовал родителей. Юноша окончил Николаевскую Академию Генерального штаба, получил домашнее музыкальное образование, неплохо пел, начал служить в гвардии. Он увлёкся коллекционированием, однако собирал всё подряд без всякой системы. Но более всего его прельщали молодые женщины. Бесшабашная любовь к американской авантюристке Фанни Лир оказалась роковой. Чтобы за-

Великий князь Николай Константинович.
Фото. 1870-е. ГАРФ.

Фанни Лир (она же — Х. Блакфорд),
возлюбленная великого князя Николая
Константиновича. Фото. 1873.

воевать сердце заморской красавицы, великий князь одаривал её драгоценностями, добываемыми иной раз с туалетного столика самой императрицы или купленными на деньги от продажи старинных икон из домового церкви Мраморного дворца!

Апрельским вечером 1874 года, в отсутствии матери — великой княгини Александры Иосифовны — Николай Константинович пробрался в её спальню и после бурного веселья в компании уснул, очнувшись на утро в объятиях Фанни совсем в другом месте. В эту ночь пропали бриллианты с оклада иконы Владимирской Божией Матери, подаренной Николаем I своей невестке и висевшей в ее спальне. Пропажа обнаружилась по возвращении великой княгини из Павловска. Началось следствие. Николай Константинович оказался под домашним арестом. Родители были в шоке. Бриллианты с оклада нашлись у одного из петербургских ювелиров-процентчиков и возвращены на место. Следствие признало Николая Константиновича виновным. На основании заключения специальной медицинской комиссии он был объявлен душевнобольным. Над имуществом великого князя учредили опеку, а его самого выслали из Петербурга.

Сначала он жил под надзором в крымском имении Ореанде. Но тут же возникла тайная интимная связь с соседкой по имению Александрой Демидовой. Результат — двое внебрачных детей и перевод в июне 1877 года в Оренбург. Там у великого князя вспыхнула безумная любовь к дочери местного полицеймейстера Надежде фон Дрейер! 15 февраля 1878 года их тайно обвенчали в сельской церквушке под Оренбургом. Последовали новые поднадзорные переводы: в Самару, в имение Пустынька Шлиссельбургского уезда, в Павловск и, наконец, в апреле 1881 года навечно — в Ташкент. Синод не признал брачный союз с девицей фон Дрейер, но государь семью Николая Константиновича рушить не стал и даже утвердил в дворянстве его детей Александра и Артемия, присвоив им и их матери Надежде Александровне фамилию Искандер. Надеялись — остепенится изгнанник.

Увы, надежды не оправдались... 16-летняя казачка Дарья Часовитина пленила сердце любвеобильного великого князя. Результат — рождение трёх внебрачных детей. После этого Николая Константиновича лишили наследства и вычеркнули из великокняжеского родословного древа¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Перипетии, связанные с удивительной судьбой великого князя Николая Константиновича почерпнуты преимущественно из следующих источников: *Графиня М. Клейнмихель*. Из по-

В ташкентской ссылке Николай Константинович работал на благо края. Он занимался выращиванием хлопчатника, выделял средства на сооружение оросительных каналов, оплачивал археологические экспедиции и сочинял статьи по местной географии. В 1891 году С. Ю. Витте совершал инспекторскую поездку по Средней Азии и встретился в Ташкенте с высокородным изгнанником. «В крае его признавали человеком умным, толковым и сравнительно простым. Вероятно, он был лишён всех чинов, так как постоянно ходил в штатском костюме. Наружность он имел не выдающуюся, был лысым; но во внешности его не было ничего отталкивающего», — вспоминал он¹¹⁹. В 1917 году свой дворец, построенный в центре Ташкента, Николай Константинович завещал советской власти¹²⁰. Умер великий князь в начале 1918 года и был похоронен в склепе Георгиевской церкви¹²¹.

Таким образом, проживший последние 37 лет своей жизни в изгнании, великий князь Николай Константинович так и не дождался реабилитации и возвращения на родину. Он не был прощён своими родителями, следовательно, не имел никаких прав на наследование Мраморного дворца.

тонувшего мира: Искандер // Литературная газета. Приложение «Досье». 1992. № 2. С. 22; Красюков Р. Г. Великий князь Николай Константинович (Опыт биографии) // Историческая генеалогия. Вып. 5. 1995. С. 75; Михаил Греческий, кн. В семье не без уроды. Биография великого князя Николая Константиновича. М., 2002; Наследова Н. И., Юсупов Э. С. Ссылный великий князь // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сб. статей. СПб., 2006. С. 121–131.

¹¹⁹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 151. В рассказе «Линия и цвет» 1923 года (то есть, спустя 5 лет после смерти великого князя Николая Константиновича) писатель Исаак Бабель даёт любопытную мифологическую характеристику великого князя: «Великий князь этот ходил по улицам Ташкента нагишом, женился на казачке, ставил свечи перед портретом Вольтера, как перед образом Иисуса Христа, и осушил беспредельные равнины Амударьи». (Бабель И. Конармия. Мурманск, 1989. С. 269. В цитируемом рассказе Николай Константинович выведен под вымышленным именем великого князя Петра Николаевича).

¹²⁰ Дворец построен по проекту архитектора В. С. Гейнцельмана при участии А. Л. Бенуа в 1889–1891 гг. В советское время в нём располагались Музей искусств Узбекистана, Республиканский дворец пионеров, музей антиквариата и ювелирного искусства Узбекистана. В настоящее время это Дом приёмов МИДа Узбекистана. См.: Жданов Э. Г. Туркестанский Бенуа // Леонтий Бенуа и его время. СПб., 2008. С. 344–347.

¹²¹ При советской власти в церкви св. Георгия был устроен кукольный театр, а в алтаре — пельменная. В 1983 г. на территории церкви похоронили 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова, а здание бывшей церкви снесли.

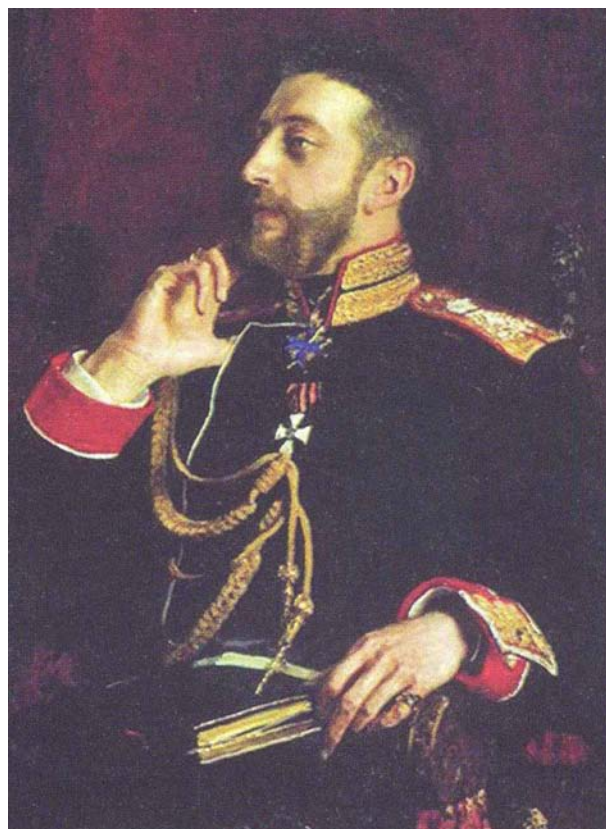
9. Великий князь Константин Константинович — третий законный владелец Мраморного дворца

Согласно завещанию великого князя Константина Николаевича, Высочайше утверждённому императором Александром III 5 марта 1888 года, Мраморный дворец наследовал второй сын хозяина, нареченный при рождении Константином. Соответствующий пункт завещания гласил: «Ему-же, Константину, оставляю Я Константиновский (то есть Мраморный.— Ю.Т.) Дворец в С. Петербурге»¹²².

Великий князь, появившийся на свет 10 августа 1858 года, через восемь лет после первенца, был назван по семейной традиции Константином. «Наш милый Костюха», «херувим Костя» — так ласково называли его родители в детстве.

Константин Константинович получил великолепное домашнее образование в Мраморном дворце. Среди его преподавателей были такие историки как С. М. Соловьёв, К. Н. Бестужев-Рюмин, музыковед Г. А. Ларош. По завершении образования Константин Константинович плавал гардемаринном на фрегатах «Громобой» и «Светлана»; в 1877 году принимал участие в военных действиях против

Турции. В начале 1880-х годов на корабле «Герцог Эдинбургский» юноша совершил большое морское путешествие по Средиземному морю. Святые места произвели сильное впечатление на великого князя, человека глубоко религиоз-

Великий князь Константин Константинович.
Художник И. Е. Репин. 1891. Х., м. ГТГ.

¹²² РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 109. Л. 1. Завещание великого князя Константина Николаевича. 1888 г. Фотокопия подлинника данного документа воспроизведена в кн.: *Моцардо А.* Великий князь Константин Николаевич Романов. С. 367, без указания, однако, места хранения документа. Документ использован в кн.: *Зимин И.* Царская работа. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2013. С. 578. Прим. 185, а также в ст.: *Мантуров М. В.* Мраморный дворец и его владельцы в 1915–1919 гг. // Константиновские чтения — 2013. Сб. м-лов научной конференции 30 октября 2013 / Стрельна, Гос. комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2013. С. 76. Прим. 3.

ного. Тогда же он был избран почетным членом Православного Палестинского общества и в журнале «Вестник Европы» напечатал своё первое стихотворение «Псалмопевец Давид».

Оставив морскую службу, Константин Константинович стал командиром подразделения Измайловского полка, где основал «Измайловские досуги» для однополчан. Этот кружок устраивал литературные чтения, концерты и ставил самостоятельные спектакли. Стихотворство и переводы поэтических произведений зарубежных классиков всё более увлекали великого князя. Одновременно продолжалась его служебная карьера. В мае 1889 года он назначается Президентом Императорской Академии наук, а через два года — командиром лейб-гвардии Преображенского полка. В марте 1900 генерал-адъютант великий князь Константин Константинович занял должность Главного начальника военно-учебных заведений и проявил большую заботу об их воспитанниках.

Константин Константинович сделался самой выдающейся личностью из детей своего отца. Он не только прекрасно играл на рояле и органе, но и сочинял музыку; писал великолепные стихи, публикуя их под псевдонимом К. Р. Он также сочинил драму-мистерию «Царь Иудейский»; играл драматические роли не только в домашних постановках, но и на сцене Эрмитажного театра; и сверх того проявил себя незаурядным государственным, военным и научным деятелем.

Когда Константину Константиновичу исполнилось 20 лет, Александр II подписал указ о выделении ему 600 000 рублей «на устройство помещений по собственному усмотрению» в Мраморном дворце¹²³.

15 апреля 1884 года в Зимнем дворце состоялось его торжественное бракосочетание с принцессой Елисаветой Маврикиевной Саксен-Альтенбургской, которая, выйдя замуж, не перешла в Православие и осталась лютеранкой к великому огорчению мужа и в особенности — свекрови, великой княгини Александры Иосифовны.

Апартаменты молодых были отделаны изысканно и уютно. В рабочем кабинете Константина Константиновича, отделанном искусственной тисненой кожей с золоченым орнаментом, висело несколько любимых картин. «Как красиво теперь у меня в кабинете! — записывал он в дневнике 16 марта 1887 года.— Картины повешены; прямо передо мной Pieta итальянской школы XIV века. Направо, в углублении, снимок Соколова с «Мадонны» Беллини, на которую я

¹²³ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 880. Л. 4.

написал стихи в 82-м году; они вырезаны на рамке. Правее, рядом, на стенке выступа, висит ломбардская картина — отрок Иисус, направо, надо мною, полее книжного шкафа, скрывающего дверь в крестовую, висят на стене выступа две фламандские картины: «Мать» Герарда Доу <...>. За мной, на стене, пейзаж, приписываемый Мейндерту Гоббеме <...>»¹²⁴.

В 1894 году художник Э. К. Липгарт завершил «в стиле Людовика XV» оформление Малой гостиной, написав на своде феерический пятичастный плафон на тему «Апофеоз Поэзии». Вокруг центральной фигуры Поэзии расположились мифологические персонажи, обозначенные как «Тема для поэзии. Жизнь человека»; «Тема для поэзии. Жизнь богов»; «Критика и Поэзия» и «Жертвоприношение Аполлону».

В столовой, на углу Миллионной и Мраморного переулка, по воспоминаниям князя Гавриила Константиновича, «висела громадная картина, изображавшая убитого шведского короля Карла XII, несомого на носилках своей гвардией, кисти Седерстрёма»¹²⁵. Патетическая картина последнего пути воинственного шведского короля, погибшего 30 ноября 1718 года в траншее перед осажденной крепостью Фредерикстен, была написана шведским историческим живописцем Густавом Седерстрёмом (1845–1933) к 160-й годовщине гибели Карла XII и выставлена на Весеннем салоне в Париже в 1878 году. В конце августа того же года в Париж приехал великий князь Константин Константинович, где ему вручен был французский орден Почётного легиона 1-й степени. Именно тогда, при посещении художественного салона, великого князя привлекла картина Седерстрёма «Траурная процессия с телом короля Карла XII» (или «Последний путь»), которую он купил за 22000 франков. Эту картину Константин Константинович и разместил в Столовом зале своего дворца¹²⁶.

Константин Константинович равнодушен был и к живописи современных ему русских художников. Дружеские отношения связывали его с художником К. Е. Маковским, который в 1880 году написал портрет Константина Константиновича. «Он пишет меня сидящим на стуле, просто в сюртуке, облоко-

---

¹²⁴ Цит. по: Кузьмина Л. И. Августейший поэт. СПб., 1995. С. 47–48.

¹²⁵ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 5.

¹²⁶ В Национальном музее Стокгольма находится авторское повторение этой картины (1884, Инв. NM-1363). Картина из Мраморного дворца в 1934 году поступила в Художественный музей Гётеборга, где и находится по сей день (Инв. GKM-1100).

тившись на руку»¹²⁷. Великий князь покупал картины у самих живописцев, в салонах, на художественных выставках, в заграничных путешествиях. Одно из ранних его приобретений — полотно А. И. Куинджи «Ночь на Днепре». Картину он купил у художника 14 марта 1880 года, еще до женитьбы, и не расставался с ней даже во время морских плаваний. Покончив с морскими походами, он повесил любимую картину в своей приёмной. Этот приёмный кабинет, был любимым местом уединения великокняжеской четы. Князь Гавриил запомнил, как его «родители пили утром кофе вдвоём в приёмном кабинете отца подле большого камина, перед которым лежала шкура белого медведя»¹²⁸.

Настоящей жемчужиной в апартаментах Константина Константиновича считалась готическая комната с одним окном на Миллионную, между рабочим кабинетом и библиотекой. Она была создана в 1890 году по проекту архитектора Павловского городского правления Д. Д. Зайцева. Веерный свод пучками рельефных нервюр опирается на консоли, вырезанные в «зверином стиле» скульптором Робертом Бахом, автором известного памятника Пушкину в Царском Селе. Дубовые резные панели со скамьей-рундуком прерываются «готическим» порталом, ведущим в кабинет великого князя. Напротив окна стену украшает резная статуя под балдахином псалмопевца Давида в «староготическом стиле». Её исполнил скульптор А. Адамсон, оформивший крылатыми аллегориями фасады дома компании Зингер на Невском проспекте. Эта комната именуется в документах как готической, так и музыкальной. В ней стоял кабинетный рояль, на котором играл Константин Константинович и его гости. В музыкальной среде наибольшую привязанность испытывал великий князь к П. И. Чайковскому, который впервые появился в Мраморном дворце 30 марта 1880 года на неофициальном вечере. С тех пор встречи и переписка великого князя с композитором не прекращались до смерти последнего. «У нас обедал П. И. Чайковский,— записал великий князь 5 ноября 1888 года в своем дневнике.— Встретиться с ним после нашей переписки было очень приятно. Мы много говорили вообще об искусстве, о различных на него взглядах»¹²⁹. Благодаря сотрудничеству поэта К.Р. и великого композитора родилось несколько замечательных романсов: «Я сначала тебя не любила», «Я вам не нравлюсь», «Уж гасли в комнатах огни» и др.

---

¹²⁷ Романов К. К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 95.

¹²⁸ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 267–268.

¹²⁹ Загадка К. Р.: Из дневников великого князя К. К. Романова. С. 173.

На стихи К.Р. писали романсы многие композиторы, в их числе: С.В.Рахманинов, Ц.А.Кюи, А.Т.Гречанинов и А.Г.Рубинштейн. К оперному творчеству последнего Константин Константинович относился прохладно, однако преклонялся перед его пианистическим даром. Ему льстило замечание композитора: «Великие князья могут сделаться артистами, а последним никогда не попасть в великие князья», сделанное в Мраморном дворце после исполнения в марте 1889 года Константином Константиновичем концерта Моцарта для фортепиано с оркестром¹³⁰. В декабре 1914 года в Белом зале Мраморного дворца проходили репетиции драмы-мистерии «Царь Иудейский», музыку к которой написал А.К.Глазунов.

Владелец дворца часто привлекал в свои чертоги литераторов. В мае 1880 года Ф.М.Достоевский читал во дворце за вечерним чаем страницы «Братьев Карамазовых». «Когда читаешь его сочинения, кажется, будто с ума сходишь», — записал однажды в дневнике Константин Константинович¹³¹. В том же году великий князь принимал в Мраморном дворце И.С.Тургенева, а осенью 1885 поэта Я.Полонского. Из отзыва К.Р.: «Он высокого роста, сухощавый, в бороде заметная проседь. Ему 65 лет, он старше Майкова, а на вид моложе. Ходит он с трудом, опираясь на палку и прихрамывая. Я показывал ему свои картины. Полонский любит живопись и сам под старость лет принялся за кисть»¹³². Кстати, кумир Константина Константиновича — Аполлон Майков — также бывал в Мраморном дворце, судя по дневниковой записи 1 мая 1887 года: «Обедали у меня <...> Рубинштейн и Майков. Было очень приятно. Говорили о музыке, литературе и искусстве вообще»¹³³.

В октябре 1891 года великий князь познакомился с юристом А.Ф.Кони и пригласил его на дружескую беседу. Знаменитый историограф Н.К.Шильдер в январе 1899 года по просьбе Константина Константиновича обедал с ним и дискутировал о легендарном уходе императора Александра Павловича в Сибирь под видом старца Фёдора Кузьмича.

Как утверждал великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат владельца Мраморного дворца, «Константин Константинович ненавидел политику и чуждался всяческого общения с политическими деятелями. Он искал прежде

---

¹³⁰ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 146.

¹³¹ Цит. по: Кузьмина Л.И. Августейший поэт. С. 32.

¹³² Там же. С. 61.

¹³³ Там же. С. 70.

всего уединения в обществе книг, драматических произведений, ученых, солдат, кадет и своей счастливой семьи, состоявшей из жены, великой княгини Елизаветы Маврикиевны (принцессы Саксен-Веймарской), шести сыновей и двух дочерей»¹³⁴.

При Константине Константиновиче в Мраморном зале дворца происходили самые разнообразные встречи. Читали свои произведения писатели и поэты; заседали ученые комиссии, великий князь, как президент Академии наук, устраивал торжественные чествования участников научных экспедиций.

В Мраморном дворце проходили также домашние спектакли. Так, в феврале 1899 года на премьеру «Гамлета» в переводе Константина Константиновича, в которой главную роль играл сам великий князь, приглашены были офицеры Конного Гренадерского полка, Измайловского и Преображенского полков с супругами. Почти 200 зрителей разместились в зале, где для этого представления была выстроена сцена с дорогостоящими живописными декорациями, написанными декоратором Императорских театров Александром Яновым¹³⁵.

Первая мировая война застала великого князя Константина Константиновича и великую княгиню Елизавету Маврикиевну с малолетними Георгием и Верой на лечебных водах в Германии. По возвращению в Павловск — летнюю резиденцию Константиновичей, начались хлопоты по отправке на фронт взрослых сыновей: Иоанна, Гавриила, Игоря, Олега и Константина. В конце сентября из Литвы пришла срочная телеграмма: в ночной схватке с врагом смертельно ранен князь Олег Константинович. Он скончался через два дня в госпитале в Вильне, успев попрощаться с приехавшими родителями. Князя похоронили в подмосковном имении Осташево. Надломленный гибелью любимого сына Константин Константинович уже не мог оправиться от этого удара. Накануне нового 1915 года он еще нашел в себе силы провести в Белом зале Мраморного дворца репетицию драмы-мистерии «Царь Иудейский» в надежде на её второе представление (первая и единственная постановка состоялась 9 января 1914 года на сцене придворного Эрмитажного театра).

Ранней весной 1915 года великий князь уехал из Мраморного дворца в Павловск, откуда уже не вернулся в родные стены петербургского дворца. Он умер в Павловске 2 июня 1915 года. По отзывам близко знавшего великого князя

---

¹³⁴ Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания в двух книгах. М., 2015. С. 138.

¹³⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1030.

военного министра А. Ф. Редигера, «это была личность особенно светлая и симпатичная. Чрезвычайно умный, очень начитанный, добрый, деликатный и благовоспитанный, великий князь производил на всех, имевших с ним дело, чарующее впечатление. Вместе с тем, обращение с ним требовало особой осмотрительности: его собственная деликатность делала его чрезвычайно чувствительным; он, конечно, был прав, требуя, чтобы также обращались и с ним»¹³⁶. Смерть избавила его от потрясений последующих лет ...

Напомним, что Мраморный дворец законным образом перешёл в январе 1892 года к великому князю Константину Константиновичу, по завещанию его отца 1888 года, после смерти завещателя.

К этому времени у нового владельца дворца было уже три сына. Два первых появились на свет до составления завещания Константином Николаевичем. Молодой великий князь Константин Константинович, далеко не загадывая, назвал своего первенца, родившегося 23 июня 1886 года, Иоанном¹³⁷. Кстати, по изменившемуся регламенту именно с 1886 года дети великих князей уже утрачивали великокняжеский титул и становились всего лишь князьями или княжнами императорской крови¹³⁸. Уже 3 июля 1887 года у великого князя Константина Константиновича на свет появился второй сын.

Вопреки фамильной традиции Константиновичей, родители намеревались дать новорождённому имя Андрей, но этому воспротивился император, которому полагалось утверждать выбор имени для каждого нового члена династии. Александр III, у которого уже был один племянник Андрей, сын его брата великого князя Владимира Александровича, отказался иметь ещё одного Андрея в древе Российского императорского дома¹³⁹. Казалось бы, всё подталкивало владельца Мраморного дворца вспомнить об освящённой прежними поколениями традиции и назвать сына Константином. Но воспитанный в религиозном духе глубоко верующий Константин Константинович заглянул в святцы и выбрал ближайшее имя Гавриил...

---

¹³⁶ Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 538–539.

¹³⁷ Гузанов А. Н. Рождение и крещение первенца в семье великого князя Константина Константиновича // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: Сборник статей. СПб., 2009. С. 86–101.

¹³⁸ ПСЗРИ. СПб., 1886. Собр. 3. Т. VI. С. 383. № 3851. § 22.

¹³⁹ Скотт С. Романовы. Ектб., 1993. С. 208.

Лишь только три с половиной года спустя, при рождении в 1890 году третьего сына, владельцы Мраморного дворца, как бы спохватившись, нарекли-таки его Константином.

После смерти Константина Константиновича в 1915 году его первенец Иоанн, казалось бы, должен был унаследовать Мраморный дворец¹⁴⁰. Но этого не случилось. И не только потому, что имя его было не Константин (впрочем, быть может, и потому тоже!). С начала Первой мировой войны в 1914 году и до свержения через три года монархии он находился на военной службе. Дальнейшие грандиозные социальные потрясения, обрушившиеся на Россию, обернулись трагическими последствиями и для семьи владельцев Мраморного дворца: князь императорской крови Иоанн был зверски убит большевиками с двумя родными братьями Константином и Игорем 17 июля 1918 года в Алапаевске¹⁴¹, их дядя великий князь Дмитрий Константинович, расстрелян в Петропавловской крепости¹⁴², остальные выдворены за пределы Родины.

---

¹⁴⁰ В опубликованном завещании великого князя Константина Константиновича, утверждённом императором Николаем II 5 октября 1912 г., относительно наследования Мраморного дворца сказано: «Желаю, чтобы Мраморный дворец оставался на вечные времена во владении моего нисходящего потомства по прямой линии мужеского пола». (Полный текст данного завещания опубликован в кн.: *Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг.* / Автор предисловия, комментарии и составитель Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 831–835, со ссылкой на: ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 339. Л. 31–35 об. Следует обратить внимание на некорректную публикацию этого же завещания в сокращённом виде без обозначения купюр и без точного указания выходных данных подлинника в кн.: *Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915* / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталёв. М., 2013. С. 445. В частности, в упомянутом издании выпущены абзацы, касающиеся наследования недвижимости, прежде всего, Мраморного дворца.

¹⁴¹ *Алексеева Т. А.* Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна Константина и Игоря Константиновичей // *Константиновские чтения — 2008. Сборник материалов научной конференции.* СПб., 2008. С. 67–90.

¹⁴² *Попов И. В.* Новомученик Петроградский великий князь Дмитрий Константинович // *Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сборник статей.* СПб., 2006. С. 170–185.

Часть 2

Святой Константин и Мраморный дворец

1. Святой Константин — небесный покровитель владельцев Мраморного дворца

Едва ли не определяющим фактором феномена имени Константин в Мраморном дворце являлась религиозность его обитателей, священное почитание небесных покровителей и, прежде всего, покровителя хозяина дома. По суждению Д. Б. Гришина, биографа последнего владельца Мраморного дворца, «Великий князь никогда не забывал о своём Ангеле-хранителе, о том, чьё имя он носит, святом равноапостольном Царе Константине. Помнил и что означает это имя — твёрдый, постоянный, и о данном святому Императору знамени — кресте с девизом «Сим побеждай», - и о его повелении возвести храм Гроба Господня в Иерусалиме, который К.Р. сподобился посетить в день тезоименитства. Имени старался соответствовать: был твёрд и непоколебим в вере <...>»¹⁴³.

Ещё больше амбициозных чувств можно предполагать в первом действительном владельце Мраморного дворца. Великий князь Константин Павлович уж конечно не стал Константином Великим, но был Константином Первым в императорском роду Романовых. И уже одно это обязывало его держать равнение на своего небесного покровителя, которого при земной жизни современники удостоили титула царя Константина Первого Великого.

Действительно, этого выдающегося деятеля древности почитали не только как святого. Если следовать изложенным в богословских и исторических трудах деяниям святого Константина, то искренне верующие владельцы Мраморного дворца с полным основанием могли не только полагаться на своего небесного заступника, но и гордиться многочисленными подвигами, совершёнными их покровителем в его земной жизни. Константин Великий, выдающийся государственный и военный деятель древности, оставивший значительный след в мировой истории, именем которого был наречён первый истинный владелец Мраморного дворца, несомненно, интересовал августейших обитателей дворца всех поколений. С деяниями византийского императора, впоследствии святого равноапостольного царя Константина, они, надо полагать, знакомились ещё в детстве на уроках всемирной истории. Так, великого князя Константина Павловича, например, знакомил с историей воспитатель

---

¹⁴³ *Гришин Д. Б.* Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008. С. 402.

швейцарец Фридрих-Цезарь Лагарп; великому князю Константину Николаевичу преподавали историю А. Ф. Гримм и профессор И. П. Шульгин; великий князь Константин Константинович обучался истории у профессора С. М. Соловьёва, К. Н. Бестужева-Рюмина и И. И. Шиховского¹⁴⁴.

Чем же был знаменит Константин Великий, причисленный христианской церковью к лику святых и, более того, приравненный к апостолам — ближайшим ученикам и проповедникам Иисуса Христа? Коснёмся предельно кратко некоторых событий, заслуживающих внимания в рамках нашего исследования.

Согласно литературным источникам¹⁴⁵, римский император Флавий Валерий Константин I Великий (272–337) сражался на границах и за пределами Римской империи против франков и алеманов на Рейне, с готами и сарматами на Дунае, а также со своими сопративителями внутри страны. В 312 году, накануне решающей битвы с главным соперником Максенцием, правителем Западной части Римской империи, Константину явилось на небе необыкновенное зрелище — крест, несомый ангелами, с огненной надписью «Сим победиши». А ночью во сне явился ему ангел (по другим

«Император Константин на коне».
Миниатюра. XVII в.

¹⁴⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.) 1911–1915. С. 10.

¹⁴⁵ Наиболее ранние подробные жизнеописания Константина Великого, на которых базируются позднейшие биографы, изложены в сочинениях следующих авторов: *Евсевий Кесарийский*. Похвала Константину. Жизнь Константина. М., 1996; *Евсевий Кесарийский*. Церковная история. СПб., 2013; *Буркхард Я.* Век Константина Великого. М., 2003; Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004. В последние годы вышел ряд современных исследований, из которых можно выделить: *Таруашвили Л. И.* Рим в 313 году. Художественно-исторический путеводитель по столице древней империи. М., 2010; *Величко А. М.* История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М., 2012; *Кравчук А.* Императоры / пер. с польск. Н. В. Селивановой. М., 2012; *Малер А. М.* Константин Великий. М., 2011; *Ромола Г.* Римские императоры. Галерея всех правителей Римской империи с 31 года до н. э. до 476 года н. э. М., 2012 и мн. др.

апокрифам — сам Иисус Христос), предрекая победу. Константин уверовал в это видение, снабдил своих воинов щитами с изображением пригрезившегося ему креста и действительно одержал победу на подступах к Риму у Мульвиева моста. После следующей победы над вторым крупным противником Лицинием, правителем Восточной части Римской империи, в 323 году Константин провозгласил себя единодержавным правителем огромной Римской империи.

Крещение Константина. Фреска.
1246. Рим. Церковь Четырёх Святых
(Santi Quattro Coronati). Основана в IV в.;
возобновлена в XII-XIII вв.

Но ещё за 10 лет до этого, в 313 году, он издал так называемый Миланский эдикт, по которому была узаконена христианская религия, после чего прекратились преследования христиан в Древнем Риме. Желая отыскать крест, на котором был распят Иисус Христос, он направил в Иерусалим свою мать царицу Елену, которой после неисчислимых мытарств и сложных перипетий крест этот удалось найти (этим объясняются многочисленные иконописные изображения святой Елены рядом со святым Константином). Император Константин перенёс столицу из Рима, где ему устанавливались памятники, по его воле строились христианские храмы и в его честь возведена триумфальная арка, в небольшой, но стратегически и географически удачно расположенный город Византий, который расширил и застроил величественными зданиями и храмами, переименовав в Константинополь (330 г.). Поддерживая христианскую церковь и жалую ей ряд привилегий, Константин сохранял одновременно и языческие культы, в том числе родовой культ Флавиев — династии римских императоров. Незадолго до своей кончины Константин принял крещение от Евсевия Кесарийского, своего первого биографа. То, что Константин Великий был признан основателем христианской европейской цивилизации, особенно льстило Константином в Мраморном дворце — ревностным блюстителям православной веры.

2. Образ Святого Константина в изобразительном искусстве

Обитатели Мраморного дворца познакомились с личностью и деяниями Константина Великого не только умозрительно, но и созерцая его многочисленные изображения как прижизненные, так и посмертные, где он изображался уже в виде святого царя Константина.

Как император (базилевс) и полководец, Константин Великий увековечивался при жизни всеми видами искусства от миниатюр до гигантских статуй. Его изображали, как правило, в воинских доспехах, с лабарумом в правой руке — особого рода военным штандартом, увенчанным монограммой Христа и надписью на полотнище: «Сим победиши». Рельефным профилем чеканился он на золотых монетах и медалях.

Площади главных городов обширной Римской империи украшали величественные монументы Константина Великого. Одна из сохранившихся статуй возвышается на пьедестале в городе Милане¹⁴⁶. Голова, кисть руки и другие детали разбитой впоследствии гигантской статуи императора, стоявшей в базилике Максенция (развалины которой можно видеть близ Колизея), экспонируется ныне во внутреннем портике Палаццо деи Консерватори Капитолийских музеев Рима¹⁴⁷.

Ещё одна статуя Константина, находившаяся первоначально у терм, построенных императором на римской площади Квиринале, установлена в XVIII веке в одном из боковых порталов самого древнего, как полагают, христианского храма в мире — базилике Сан Джованни ин Латерано в Риме. Этот храм (старше собора Св. Петра на 10 лет) был основан в 310-е годы при императоре Константине, в последующие века расширялся и реконструировался, в том числе, в 1646–1650 годах знаменитым архитектором Франческо Борромини¹⁴⁸. В 1732 году тосканский архитектор Алессандро Галилеи перестроил главный фасад, снабдив его пятью порталами, в одном из которых возвышается упомянутая статуя Константина¹⁴⁹.

---

¹⁴⁶ См. ил. к ст. В. Цыпина «История Европы дохристианской и христианской» на сайте: www.pravoslavie.ru/arhiv/44694.htm

¹⁴⁷ Эта скульптурная голова Константина — наиболее часто воспроизводимый во многих изданиях, посвящённых истории и искусству Византии, экспонат Капитолийского музея. Общий вид экспозиции, где, кроме головы, выставлены и другие сохранившиеся детали колосса, воспроизведён, например, в кн.: Буровский А. М. Царьград. 1000 лет величия. М., 2013. С. 39.

¹⁴⁸ Искусство и история: Рим и Ватикан. Флоренция, б. г. [1990-е]. С. 52–53.

¹⁴⁹ Чанфарини А. Рим в веках. Рим, 2008. С. 163. Рисунок статуи воспроизведён в кн.: Брокгауз Ф. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М.: Эксмо, 2012. С. 350.

Константин Великий
Бронза. Милан.

Император Константин.
Фрагменты колоссальной статуи. Мрамор. 312–315.
Рим. Дворец Консерваторов. Музейный двор.

Константин I Великий.
Мрамор. IV в. Рим. Базилика
Сан Джованни ин Латерано.

Рим. Базилика Сан Джованни ин Латерано.
Главный фасад. 310 г.; перестроена в 1646–1650.

Константин Великий. Мрамор.
Трир. Кафедральный собор. XIII в.

Константин Великий. Камея. ГЭ.

Германский город Трир, где с 306 по 316 годы находилась резиденция Константина Великого, располагает мраморной статуей императора, установленной в кафедральном соборе XIII века у основания лестницы, ведущей к органу. Император предстаёт в динамичной позе, в облачении римского полководца, с короной на голове¹⁵⁰.

Мифологизированный лик императора Константина воплощался на таких изделиях мелкой пластики как камеи. Один из таких шедевров камнерезного искусства хранится в Государственном Эрмитаже¹⁵¹. Камея «Константин Великий и Тихе Константинополя, увенчивающая его лавровым венком», исполнена в IV веке, предположительно, в последние годы жизни императора¹⁵², но, к сожалению, несколько переработанная в XIX веке. Искусно вырезанная

¹⁵⁰ Воспроизведение статуи см.: Rahmel M. Trier. Rahmeverlag, [2010]. S. 28.

¹⁵¹ ГЭ, инв. Ж.146. Описание и воспроизведение камеи см. в кн.: Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог / Авт. вступ. ст. и сост. О. Я. Неверов. Л., 1988. С. 138–139.

¹⁵² *Tiche* — в греческой мифологии божество случая, символизирующее изменчивость мира, его неустойчивость и случайность любого факта личной и общественной жизни (Мифологический словарь. М., 1991. С. 542).

Император Константин.
Голова колоссальной статуи. Мрамор.
312–315. Рим. Дворец Консерваторов.
Музейный двор.

на сардониксе в полный рост фигура Константина облачена в лёгкие военные доспехи римского покроя. Он простоволос и безбород, правой рукой опирается на лабарум (навершие утрачено), в левой руке держит меч. Рядом стоит богиня Тихе в зубчатой короне, подняв лавровый венок над головой героя.

Как при жизни, в статусе императора, так и после смерти, оказавшись на небесах, святой Константин воплощался в разных техниках и материалах. На сформировавшийся ещё при жизни Константина Великого его иконографический образ ориентировались, надо полагать, поначалу творцы и многочисленных иконописных изображений святого равноапостольного царя Константина. Постепенно индивидуальные черты императора размывались, всё более теряя портретное сходство с прижизненной трактовкой его облика. Тщетно было бы искать в иконописном искусстве портрет святого Константина, имея в качестве эталона, скажем, скульптурную голову императора из Капитолийского музея. Лишь надписи, удостоверяющие, что это лик святого Константина, заставляют принимать изображение на веру.

ХРАМ СВЯТОЙ СОФИИ

Константинополь. Храм св. Софии. Около 523–537.
Многочисленные искажения. Реконструкция на первоначальный период.

Одно из ранних известных изображений святого Константина можно видеть на мозаике X века в интерьере Константинопольской Софийской церкви, предстоящим пред Богородицей, с моделью Константинополя в руках¹⁵³. Образ царя проникнут религиозной символикой. Будучи жёстким, а зачастую и жестоким монархом, он предстаёт на мозаике полным кротости и смирения.

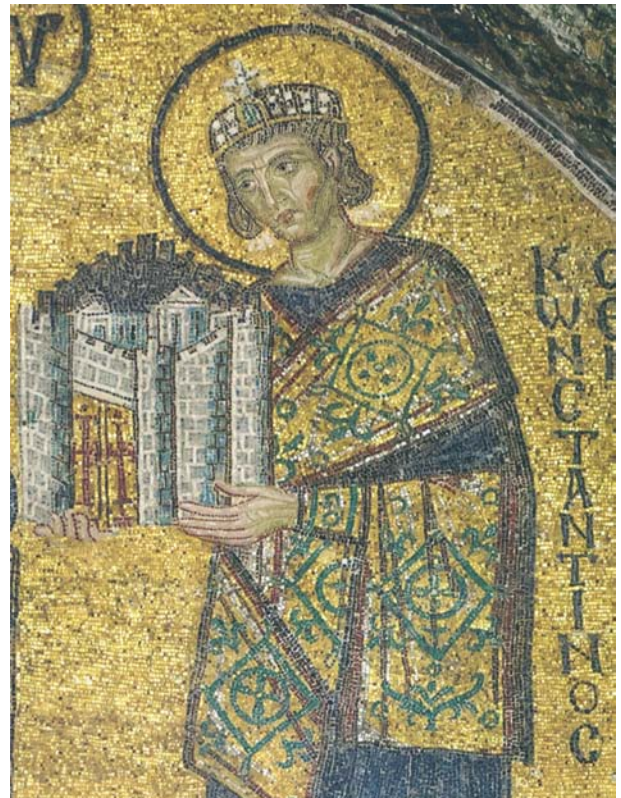
---

¹⁵³ Как и скульптурная голова имп. Константина из Капитолийского музея, мозаичный лик св. Константина из константинопольского собора — неперемнная иллюстрация трудов по истории и искусству Византии. Анализ мозаики с изображением св. Константина в южном вестибюле константинопольской Софии дан в кн.: *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 74. Ил. 135–139. Одно из последних качественных воспроизведений см., например, в кн.: *Буровский А. М.* Царьград. 1000 лет величия. М., 2013. С. 5.

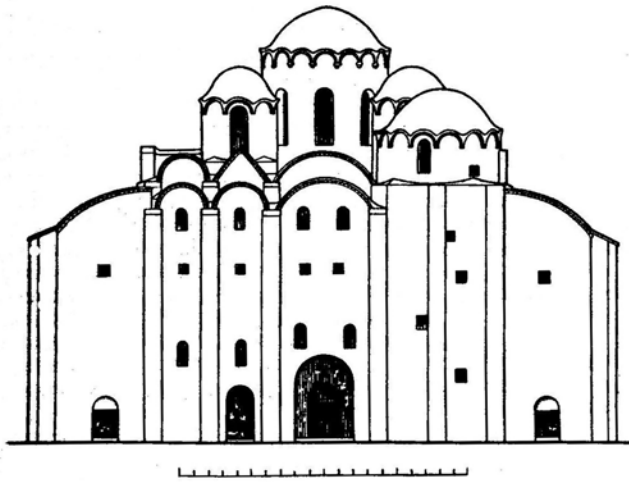

Богоматерь с предстоящими. Мозаика. Храм св. Софии. Константинополь.

Константин Великий
приносит город в дар Богородице.
Фрагмент мозаики
«Богоматерь с предстоящими».
Храм св. Софии. Константинополь.

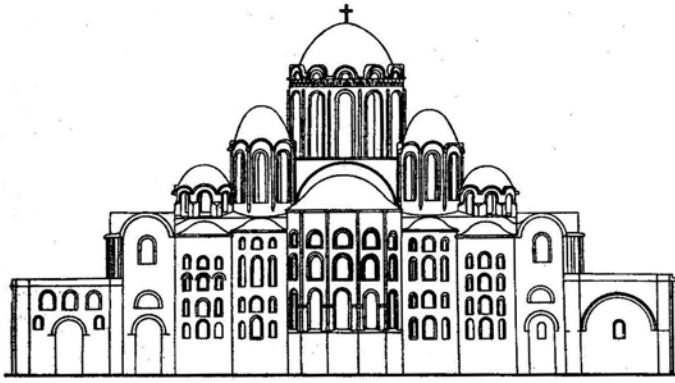
Новгород. Софийский собор. 1045–1052.
Многokратные искажения.
Реконструкция на первоначальный период.

Святые Константин и Елена. Фреска.
Последняя четверть XI в.
Софийский собор. Новгород.

В XI веке святой Константин появился на фреске свода Мартирьевской паперти Софийского собора в Великом Новгороде в паре со святой царицей Еленой ¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Фреска эта была раскрыта во время реставрационных работ в 1894 году и с тех пор многократно воспроизводилась. По определению проф. М. К. Каргера, в трактовке художника, изобразившего Константина и Елену, «плоскостность, условность и абстрактный схематизм доведены до предела. Лица, как и фигуры, почти не имеют объёма. Контурный рисунок является здесь основным изобразительным средством, превращающим фигуры в раскрашенные силуэты. При расчистке росписи из-под штукатурки в 90-х годах XIX века над головой Елены была обнаружена надпись (позже исчезнувшая), сделанная древним уставным письмом XI века, — „ОЛЕНА“, что позволяет в мастере, исполнившем эту фреску, видеть не только русского, но, судя по диалектологическим особенностям надписи, новгородского художника. Изображение Константина и Елены представляет единственный остаток древнейшей живописи XI века». (Каргер М. К. Новгород Великий. Л.; М. 1961. С. 120. Наиболее полная библиография по исследованию фрески «Константин и Елена» в Софийском соборе приведена в ст.: Штендер Г. М. Композиция «Константин и Елена» в Новгородском Софийском соборе и росписи деревянных сооружений домонгольской Руси // Архитектурное наследие

Киев. Софийский собор. XI в.
Многokратные искажения.
Реконструкция на первоначальный период.

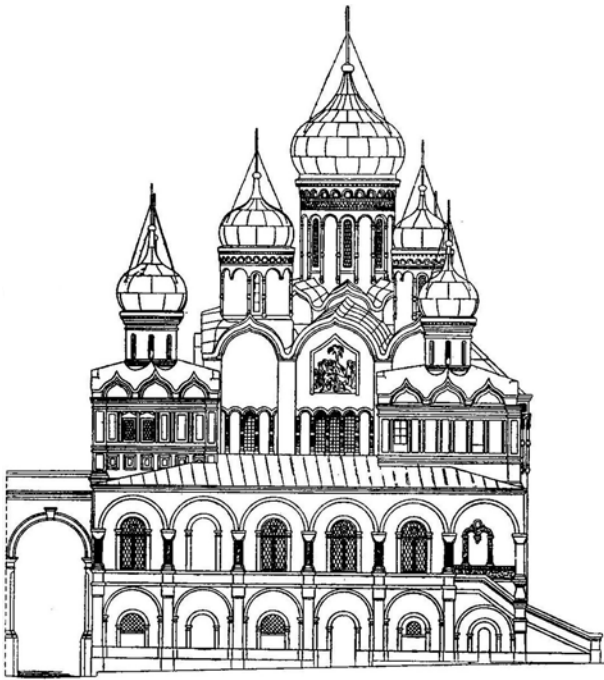
Святые Константин и Елена.
Фреска. XI в. Софийский собор. Киев.
Копия XIX в. художника Ф. Г. Солнцева.

В Киевском Софийском соборе художник Ф. Г. Солнцев сделал в середине XIX века копию фрески XI века, на которой находилось фронтальное изображение святого Константина в рост и также в паре со святой Еленой. На этой фреске Константин предстаёт в императорском облачении с короной на голове и свитком в руке¹⁵⁵.

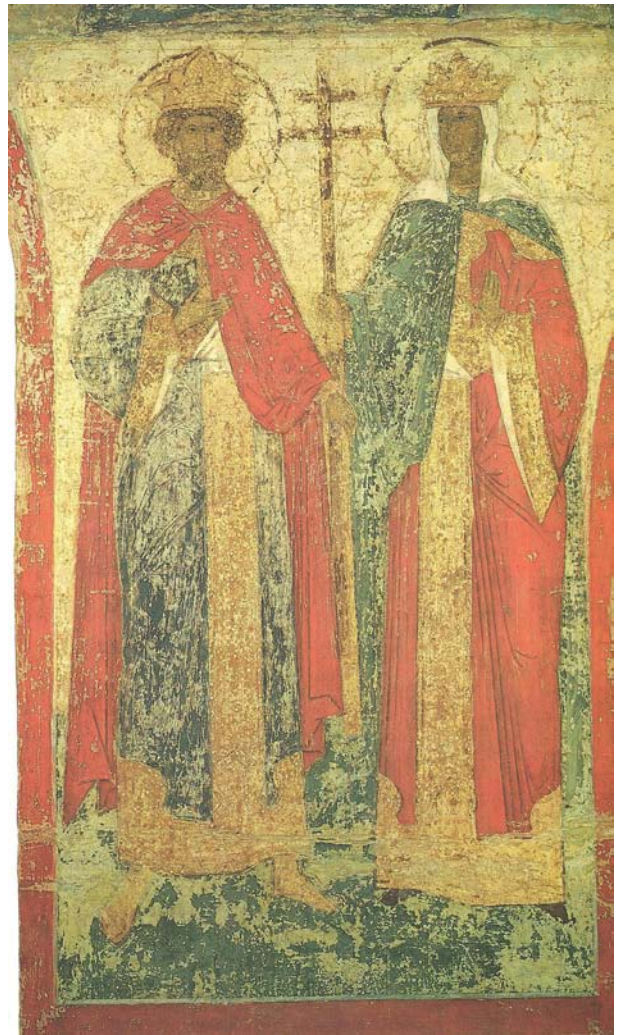
и реставрация. Сб. научных трудов. М., 1988. С. С. 189–207. Одно из последних качественных воспроизведений фрески см., например, в кн.: Брюсова В. Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006. С. 40. Отметим также наличие изображений св. Константина в русской средневековой архитектуре на фресках XIV века в новгородской церкви Спаса на Ковалеве и в Покровской церкви города Пскова (см.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 235–236).

¹⁵⁵ Полное воспроизведение рисунка Солнцева с подписью и пояснением: «Съ фресковъ Кіевскаго Софійскаго собора XI ст.» см. на сайте: Icon SV.ru (Святые иконы православия). С обрезанными подписями рисунок воспроизведён в кн.: Кубеев М. Сто великих монархов и правителей. М., 2011. С. 62.

Москва. Кремль.
Благовещенский собор.
1489–1566.

Константин и Елена. Фреска.
1547–1551. Благовещенский собор.
Москва. Кремль.

При царе Иване Грозном фреска с изображением святого Константина располагалась на юго-западном столпе Благовещенского собора XVI века в Московском Кремле непосредственно над шатром, в котором молился государь всея Руси¹⁵⁶.

Жизнеописания святого Константина обильно иллюстрировались ключевыми сюжетами из истории и сценами битв с участием императора. Святой царь увековечивался фресками на сводах храмов и миниатюрами на страницах священных писаний.

Так, фреска, исполненная венецианскими мастерами по византийским канонам в 1246 году в молельне св. Сильвестра в храме Санти Кватро Коронати (Четырёх Святых) в Риме, изображает коленопреклонённого императора

¹⁵⁶ Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 33. Ил. 72.

«Константинов дар»
(лат. «Donatio Constantini»)
Фреска. 1246.
Церковь Четырёх Святых.
Молельня св. Сильвестра.
Рим.

Святые Константин и Елена. Миниатюра.
Пергамен. Евангелие XV в. Российская
национальная библиотека. Петербург.

Константина, который символически преподносит святителю Сильвестру тиару (так называемый «Константинов дар»). Хранящееся в Российской национальной библиотеке Петербурга Евангелие XV века украшает миниатюра с изображением в рост святых равноапостольных Константина и Елены.

В середине XVII века в брюссельской шпалерной мастерской, а затем и на gobеленовой мануфактуре Рафаэля де ла Планша неоднократно ткалась серия из 12 шпалер на тему «История императора Константина» по картонам живописца П. Рубенса. Четыре шпалеры этой серии экспонируются ныне в Государственном Эрмитаже¹⁵⁷. Во всей красе предстаёт Константин Великий стоящим перед жертвенником на шпалере «Свадьба Константина». На другой шпалере — «Въезд Константина в Рим» — царь Константин выткан эффектно восседающим на коне. В красной императорской тоге с лавровым венком на голове воз-

¹⁵⁷ ГЭ, зал 303.

«Въезд Константина в Рим». Шпалера из серии «История императора Константина» по картонам П. П. Рубенса. Мануфактура Рафаэля де ла Планша (Сен-Жермен). Шерсть, шёлк. XVII в. Фрагмент. ГЭ.

«Основание Константинополя». Шпалера из серии «История императора Константина» по картонам П. П. Рубенса. Мануфактура Рафаэля де ла Планша (Сен-Жермен). Шерсть, шёлк. XVII в. ГЭ.

вышаается Константин перед архитектором, демонстрирующим императору план Константинополя на фоне строящегося города и парящего над фигурами орла — символа апофеоза.

Обращает на себя внимание не только разнообразная трактовка лика святого Константина, но и его облачения, вплоть до разной манеры изображения короны на его голове (то в виде гладкого обруча или зубчатой короны, то наподобие «шапки Мономаха»). Последнее можно объяснить, в частности, тем, что при жизни Константина Великого ещё не существовало такого знака отличия, как царская или императорская корона, появившегося несколькими веками позднее¹⁵⁸. Действительно, на чеканке золотого солида времени Константина I можно видеть на голове императора лишь диадему из трёх рядов жемчуга. Поэтому в позднейшие времена художники и скульпторы венчали святого Константина той или иной короной в зависимости от эпохи, когда создавался образ Константина,

¹⁵⁸ См. труды П.П. фон Винклера, А. Б. Лакиера и многих других авторов по геральдике.

и территории, где таковой образ появлялся, и где бытовало своё представление о типе короны, каковая могла быть на голове святого Константина. Индивидуальные черты самого лика Константина, как было отмечено выше, постепенно стирались, утрачивая канон подлинности, приобретая формы некоего среднестатистического типа святого, изображаемого на позднейших иконах, фресках, и в скульптурах то с редкой бородкой, то с окладистой бородой, лишь в редких случаях — безбородого. В издававшихся пособиях для иконописцев предписывалось, как надо изображать того или иного святого. В одном из подобных руководств находим толкование образа святого Константина: «Царь Константин 65 лет, следовало бы писать его бритым, т. к. цари римские брили бороды, как и сенаторы и все начальствующие, но на иконописании не принято писать его бритобородым, а с бородой — у него пишется небольшая круглая

Константин I. Профиль.
Солид. Золото.

Константин Великий.
Миниатюра. Пергамен.
Евангелие
2-й пол. X – нач. XI вв.
Музей искусств.
Принстон (США).

Святой равноапостольный
Константин.
Художник Эммануил Панселин.
Фреска. Храм Протата. Афон.

Святой Константин.
Современная икона.

борода с проседью и волосы короткие кудрявые; лицом благообразный и кроткий, подпоясанный богатым поясом, в тунике с узкими рукавами и в мантии; на ногах украшенные башмаки, на голове византийская корона, в руках скипетр с большим крестом из звёзд с надписью»¹⁵⁹.

3. Судьба икон Святого Константина из Мраморного и Константиновского дворцов

Картины и иконы с изображением святого равноапостольного царя Константина на протяжении многих веков распространяются в христианском мире. Их можно видеть в многочисленных церквях и монастырях, а также в домовых храмах.

В среде обитателей Мраморного дворца, где имя «Константин» было овеяно своеобразным культом, святой Константин пользовался особым почитанием, не в последнюю очередь, благодаря глубокой религиозности и истинной вере в этот образ как источник божественной благодати. Иконы с ликом святого Константина, так называемые «фамильные образа», находились не только в домовой церкви, но и висели в других интерьерах дворца — кабинетах, спальнях, молельнях.

Сведений о находившихся в Мраморном дворце иконах с ликом святого Константина сохранилось не слишком много. Наиболее ранней иконой этого святого следует считать икону в иконостасе первоначальной домовой церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, освящённой в 1783 году. Появилась она там, надо полагать, не сразу, а лишь в 1795 году при приспособлении дворца архитектором Иваном Старовым для великого князя Константина Павловича. В иконостасе она располагалась среди шести икон местного ряда¹⁶⁰.

В следующем, 1796 году, когда дворец уже стал собственностью великого князя, мать его, великая княгиня Мария Фёдоровна, благословила Константина Павловича во время таинства бракосочетания двумя иконами, на одной из которых, заключенной в золотые ризы с алмазными венцами, изображены были святой равноапостольный царь Константин и священномученик Симеон. Вскоре эта икона заняла почётное место в алтаре домовой церкви Мраморного дворца¹⁶¹. Ниже мы остановимся на этой иконе более подробно.

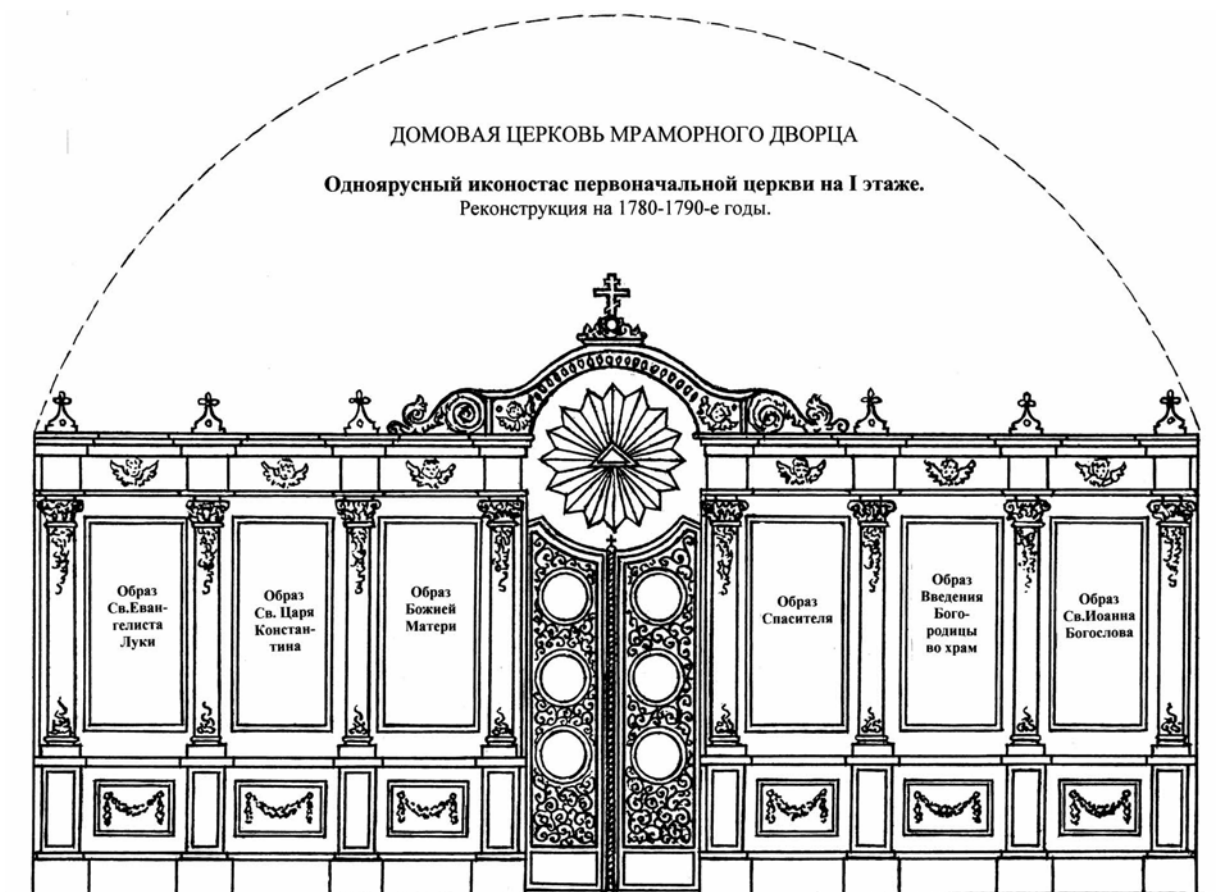
---

¹⁵⁹ *Фартусов В. Д.* Руководство к писанию икон Святых угодников Божиих в порядке дней года. Опыт пособия для иконописцев. М., 1910. С. 87.

¹⁶⁰ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 47.

¹⁶¹ *Орлов В., протодиакон* Мраморный дворец. С. 445.

Мраморный дворец.
 Иконостас домово́й церкви. 1785.
 Реконструкция Ю. В. Трубинова.

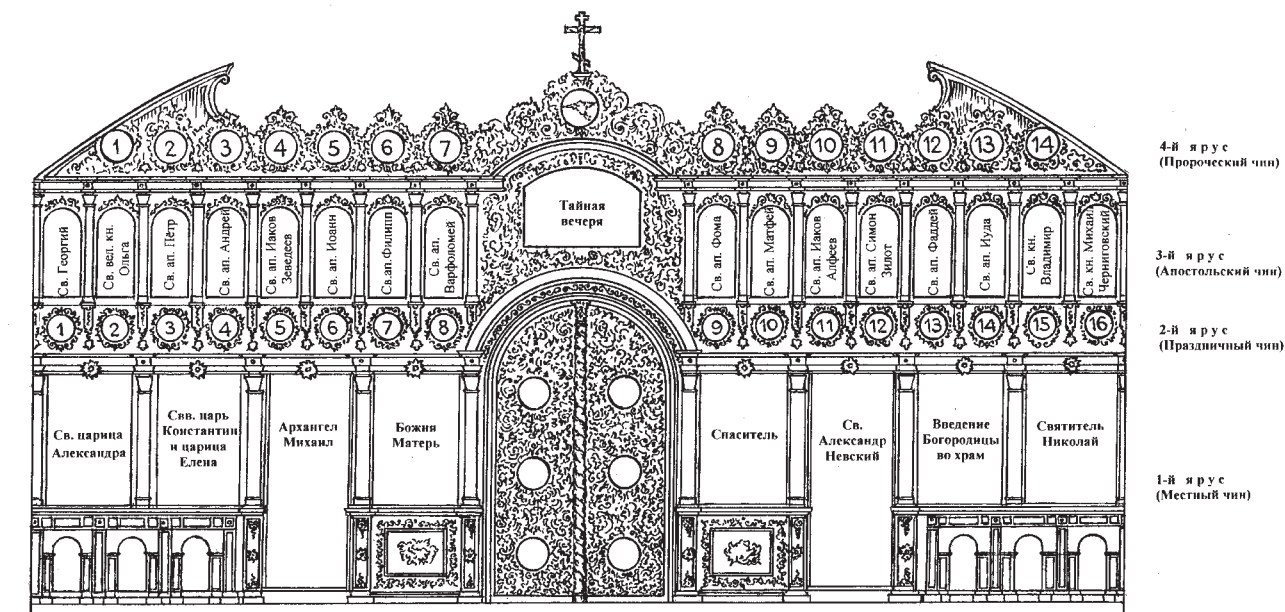
Царь Константин и мученик Симеон
 («Св. Царь Константинъ и св. Симеонъ
 свящ. мученикъ»). Диакон М. Уткин.
 Дерево, левкас, темпера. 1796. ГРМ.

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ МРАМОРНОГО ДВОРЦА

Четырёхъярусный иконостас заново устроенной церкви на III этаже дворца. 1850 г.

Схематический чертёж (на основе проекта А. П. Брюллова 1848 года)

с предположительным расположением икон, перечисленных в смете на их изготовление

4-й ярус: 1. Аггей; 2. Софония; 3. Аввакум; 4. Наум; 5. Иона; 6. Иеремия; 7. Исаия; 8. Иезекииль; 9. Даниил; 10. Осия; 11. Иониль; 12. Авдий; 13. Захария; 14. Малахия. Образ под крестом, над «Тайной вечерей»: Святой Дух.

2-й ярус: 1. Рождество Богородицы; 2. Введение Богородицы во храм; 3. Благовещение; 4. Рождество Христово; 5. Сретение Господне; 6. Богоявление Господне; 7. Прображение Господне; 8. Вход в Иерусалим; 9. Распятие Иисуса Христа; 10. Воскресение Христова; 11. Вознесение Господне; 12. Сошествие Св. Духа; 13. Воздвижение Креста; 14. Св. Троица; 15. Успение Богородицы; 16. Покров Пресвятой Богородицы.

Царские врата: Божия Матери. Архангел Гавриил, Четыре Евангелиста.

Мраморный дворец. Иконостас домово́й церкви. 1850.

Реконструкция Ю. В. Трубинова по чертежу А. П. Брюллова.

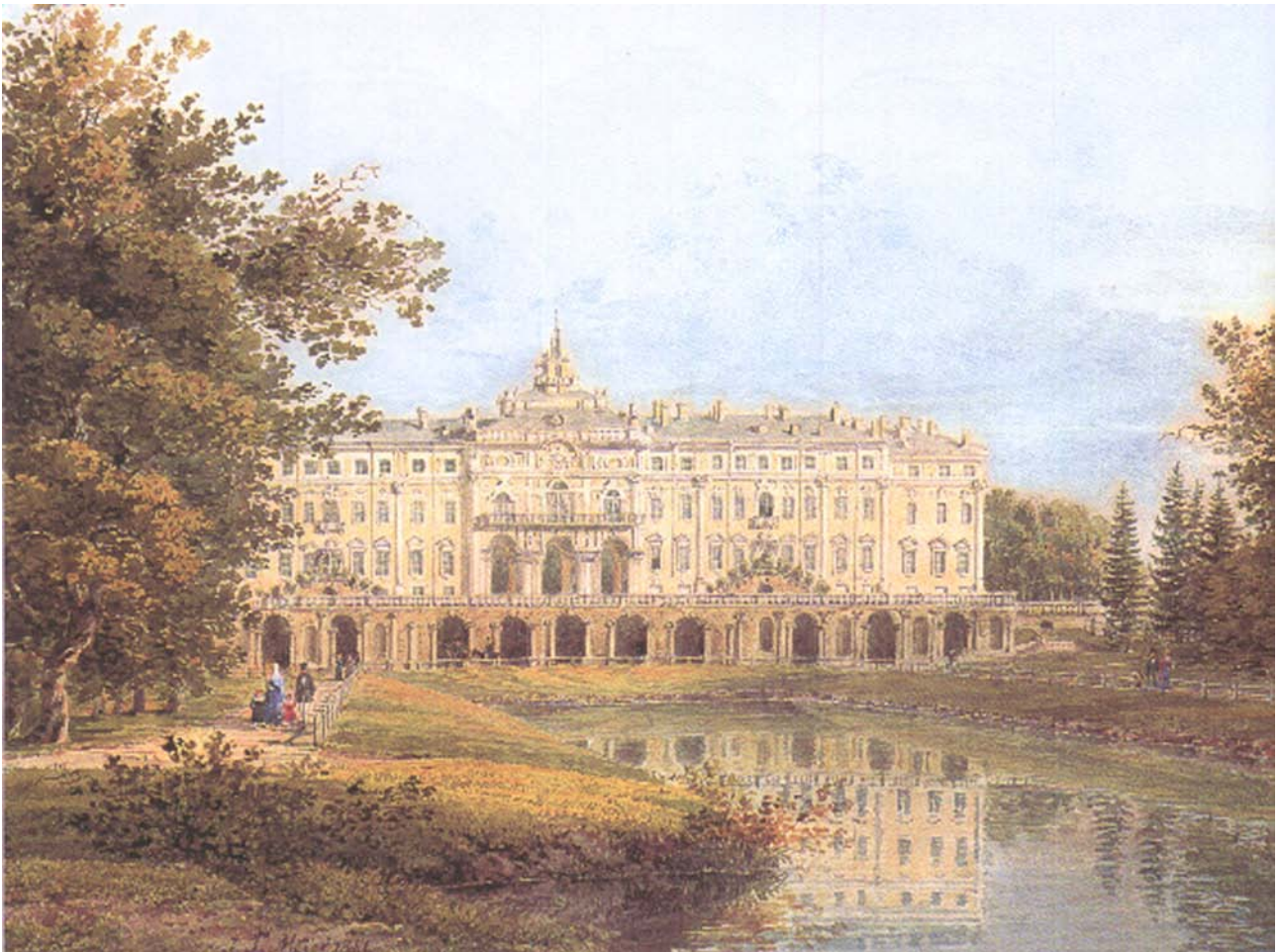
При реконструкции Мраморного дворца в середине XIX века архитектор А. П. Брюллов создаёт новую домовую церковь, традиционно посвящённую Введению Богородицы во храм. 4 мая 1848 года он подписал «Список образам для церкви Мраморного дворца»¹⁶². Согласно этому документу, для четырёхъярусного иконостаса церкви предполагалось создать 64 иконописных образа. Вся работу Брюллов распределил между известными мастерами религиозной живописи академиками и профессорами Императорской Академии художеств Т. К. Неффом, Ф. А. Бруни, К. Дузи, П. М. Шамшиным, М. И. Скотти, Ф. П. Брюлло. Заметим, что более половины произведений — 33 иконы апостольского и пророческого рядов — пришлось на долю старшего брата архитектора Брюллова живописца Фёдора Брюлло (1793–1869)¹⁶³. 16 полуциркульных икон апостольского ряда имели размеры 1 арш. 2 верш. × 8 верш. (80 × 35,6 см), остальные иконы, изображавшие пророков, были круглыми диаметром 6 верш. (26,7 см)¹⁶⁴.

¹⁶² РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 445. Л. 1–2 об.

¹⁶³ Там же. Л. 13 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 2 об.

Стрельна. Константиновский дворец. Художник А. Мейер. 1840-е. ГМЗ «Петергоф».

По иерархии рядов иконостаса образа святых, соимённых чете хозяев дома — великому князю Константину Николаевичу и его супруге Александре Иосифовне, должны были располагаться в местном ряду, где находилась и храмовая икона. Эти три иконы («**Царь Константин и Царица Елена**», «Св. Царица Александра» и «Введение во Храм») были написаны итальянским живописцем Козрое Дузи. Габариты этих прямоугольных икон составляли 1 арш. 9 верш. × 1 арш. (111,2×71,1 см)¹⁶⁵.

Вскоре, однако, по желанию великого князя Константина Николаевича, все иконы были заменены новыми, исполненными иконописцем В. М. Пешехоновым. К сожалению, ни образ святых царя Константина и царицы Елены кисти Дузи, ни аналогичный образ работы Пешехонова до нас не дошли.

Необходимо отметить, что в это же время оба эти художника — Козрое Дузи и Василий Пешехонов — участвовали в написании икон для иконостаса ещё одной домово́й церкви великого князя Константина Николаевича. Речь идёт о церкви Константиновского дворца в Стрельне, реконструкцией которого для вели-

¹⁶⁵ Там же. Л. 1 об.

кого князя занимался, как упоминалось ранее, сначала архитектор Х. Ф. Мейер, а затем — архитектор Императорского двора А. И. Штакеншнейдер. Последний устроил на третьем этаже восточного флигеля Константиновского дворца нарядную домовую церковь с роскошным иконостасом, вырезанным в дереве по высочайше утверждённому в 1848 году проекту архитектора К. А. Тона. Вот для этого-то иконостаса художники К. Дузи и В. Пешехонов создавали святыне образы. Работы по убранству церкви продолжались вплоть до весны 1851 года. Как установил исследователь В. Г. Долбнин, «Освящена она была 19 июня 1851 года отцом-духовником их императорских высочеств протопресвитером Бажановым во имя Святого Царя Константина, покровителя великих князей Константиновичей»¹⁶⁶. К сожалению, ни сама церковь, ни иконы, среди которых, естественно, располагалась в местном ряду иконостаса, справа от Царских врат, храмовая икона Святого Равноапостольного Царя Константина, не сохранились¹⁶⁷. Через 11 лет после освящения церкви святого Константина в Стрельнинском дворце её иконостас вместе с иконами Дузи и Пешехонова оказались, как упоминалось выше, в Королевском замке Варшавы, будучи вывезенными из Константиновского дворца для сооружения домового храма святого Константина в замковых апартаментах наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича. Оттуда они уже не вернулись в Стрельну и судьба их неизвестна. По предположению В. В. Герасимова, иконостас православной церкви в Королевском замке «был демонтирован в годы борьбы с наследием имперского правления и православной церкви»¹⁶⁸.

Возвращаясь к иконам Мраморного дворца, поясним, что владельцам нередко жаловали иконы с изображением святого Константина. Так, например, в 1862 году в домовом храме появилась икона «Святой царь Константин, свя-

---

¹⁶⁶ Долбнин В. Г. История Стрельны. СПб., 2007. С. 260. Со ссылкой на: РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2354. Л. 329. Благодарю А. Н. Журавскую за указание данного источника.

¹⁶⁷ Домовой церкви Константиновского дворца в Стрельне посвящены две статьи научных сотрудников Константиновского дворца. См.: Смирнова О. С., Ерёгина Г. Н. Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сб. статей / Стрельна. СПб., 2006. С. 196–207. Смирнова О. С., Ерёгина Г. Н. Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновские чтения — 2015. Константиновичи — семья, традиции, деятельность на благо России. Сб. материалов научной конференции / Стрельна. СПб., 2015. С. 208–215.

¹⁶⁸ Герасимов В. В. «Польский» след в истории Стрельнинского (Константиновского) дворца // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 119.

титель Спиридоний и мученик Юлиан Тарсийский». Её поднесли великому князю Константину Николаевичу командиры Финляндского полка в память избавления великого князя, назначенного наместником Царства Польского, от покушения в Варшаве, случившегося 21 июня 1862 года¹⁶⁹. Икона не сохранилась.

В 1891 году рота Измайловского полка, которой командовал великий князь Константин Константинович, благословила своего командира на Пасху иконой «Св. равноапостольный царь **Константин** и св. Николай Чудотворец». Эту икону великий князь завещал вернуть роте Измайловского полка в случае своей смерти¹⁷⁰, что, по-видимому, и было сделано в 1915 году.

Одним из последних иконописных изображений святого Константина, созданных при жизни великого князя Константина Константиновича, надо признать икону «Св. Равноапостольного Царя Константина», находившуюся в верхней церкви храма во имя Происхождения Честных Древ и св. Николая Чудотворца (Спас-на-водах), построенного в конце Английской набережной Петербурга в 1910–1911 годах¹⁷¹. Строительную комис-

Санкт-Петербург.

Церковь во имя Происхождения Честных Древ и св. Николая Чудотворца («Спас на водах»). Архитектор М. М. Перетяткович. 1910–1911. Набережная Ново-Адмиралтейского канала. Открытка 1911. Храм утрачен.

¹⁶⁹ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 49. В данном издании допущена опечатка в дате: ошибочно указан 1865 год покушения. Эту неточность впоследствии повторили Н. А. Тихомиров (Путеводитель по церквам г. С.-Петербурга и ближайших его окрестностей. СПб., 1906. С. 92) и С. С. Шульц (Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 157).

¹⁷⁰ См. «Духовное завещание великого князя Константина Константиновича» от 26 февраля 1912 г., утверждённое императором Николаем II // Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи. С. 834.

¹⁷¹ Храм-памятник. Строен в 1910–1911 гг. Издание Высочайше утвержденного комитета по сооружению храма / Сост. С. Н. Смирнов. Петроград, 1915. С. 9.

сию по сооружению этого храма-памятника морякам, погибшим в русско-японской войне 1904–1905 годов, возглавлял тогда сам великий князь Константин Константинович. Не исключено, что образ иконы своего небесного покровителя, помещённой в иконостасе церкви, великий князь пожелал скопировать с изображения святого Константина, находившегося на фасаде небольшой пристройки к его апартаментам во дворе Мраморного дворца. В 1932 году храм Спас-на-водах был взорван с потерей всего художественного убранства, в том числе, и иконы «Св. Равноапостольный Царь Константин».

Но что это за икона из Мраморного дворца, которая могла послужить оригиналом для образа святого Константина в Спасе-на-водах и о которой до сих пор не было сказано ни слова? На этом сюжете следует остановиться особо.

10 августа 1878 года великий князь Константин Константинович отметил своё совершеннолетие. Через шесть лет, 15 апреля 1884 года, в большой церкви Зимнего дворца произошло торжественное бракосочетание великого князя Константина Константиновича и принцессы Елизаветы Маврикиевны. Для обитания молодой великокняжеской семьи в Мраморном дворце устраивались покои в первом этаже корпуса вдоль Миллионной улицы. Особым знаком, отметившим событие соединения двух сердец, явилась новая пристройка к апартаментам великого князя Константина Константиновича со стороны Белого двора¹⁷² в виде продолговатой апсиды.

Как свидетельствует игуменья Тамара (она же до пострига — княгиня Татьяна Константиновна, старшая дочь великого князя) в своих воспоминаниях, опубликованных в 1962 году, «... *Перед своей свадьбой Отец устроил себе комнату, которая закруглённой стеной с двумя окнами выдвигалась во внутренний двор. Посредине окон снаружи была во весь рост икона Св. Равноапостольного Царя Константина, и неугасимая лампада на цепи висела перед ней*»¹⁷³.

Действительно, снаружи, в центре северного полукружия по центральной оси фасада пристройки, сохранилась прямоугольная ниша, зеркало которой габаритами 225×85 см (1 саж. 3 верш. × 1 арш. 3 верш.) обрамлено лепным налич-

---

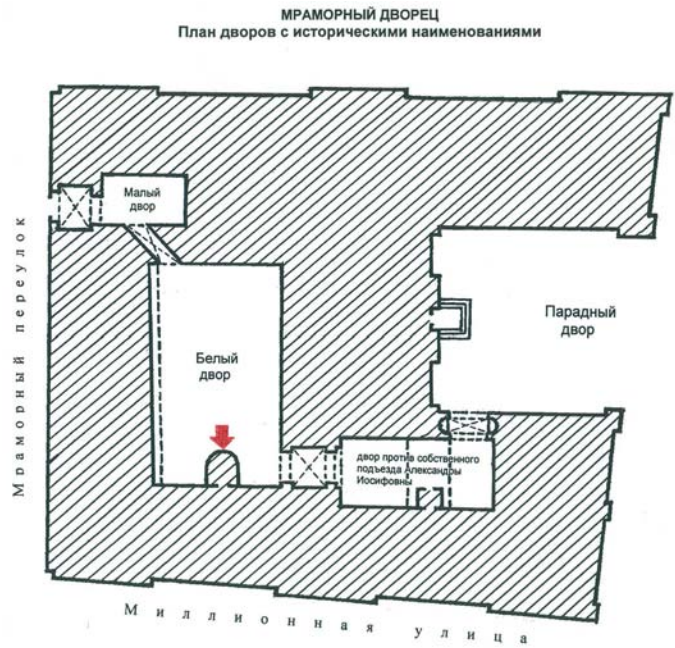
¹⁷² Белый двор — один из трёх (средний) внутренних дворов Мраморного дворца, за исключением Парадного двора.

¹⁷³ *Игуменья Тамара*. К столетию рождения поэта К. Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К. Р. / Под редакцией А. А. Геринга. Париж: Издание Совета общекадетских объединений за рубежом, 1962. С. 52. Признателен своему коллеге В. Е. Андрееву за указание данного источника.

Великий князь Константин Константинович с невестой. Фото. 1880-е.

Мраморный дворец. План дворов с историческими наименованиями. Чертёж Ю. Трубинова. 2013.

Мраморный дворец.
Белый двор с пристройкой к покоем
великого князя Константина Константиновича.
Фото Ю. В. Трубинова. 2015.

Княжна Татiana Константиновна.
Фото М. Мадур. 1903.

ником. Она гладко оштукатурена и окрашена единым фасадным колером (охра). Вот её-то, согласно единственному свидетельству игуменьи Тамары, и украшала икона святого Константина, которая не сохранилась. Её утрата, безусловно, связана с приспособлением дворца под музей Ленина в 1937 году, так как фотография общего вида Белого двора, сделанная в 1934 году в качестве приложения к сметной документации на ремонт фасадов¹⁷⁴, свидетельствует о наличии иконы в нише фасада в то время.

К сожалению, данная фотография даёт лишь самое общее представление о мелком и довольно расплывчатом виде фигуры святого Константина, на которой невозможно различить какие-либо детали. Добавим к этому, что чёрно-белый фотоснимок лишает возможности судить о цветовом решении находившейся на фасаде иконы.

В наши дни при взгляде на пустую нишу-киот на закруглённой стене небольшой в виде церковной апсиды пристройки в Белом дворе Мраморного дворца невольно возникает мысль о воссоздании утраченного образа святого Константина.

Надо сказать, что опыт воссоздания фигуры святого равноапостольного царя Константина был не столь давно успешно осуществлён в Москве. На заново отстроенном в 1994–2000 годах храме Христа Спасителя можно видеть над правыми малыми дверьми северного фасада, обращённого к Пречистенке, горельеф святого царя Константина, воссозданный в бронзе в 1998 году скульпторами Д. Н. Тугариновым и А. В. Тарасенко. Импозантно облокотившаяся на правый склон архивольта, фигура святого одета в императорское византийское облачение. На голове его — корона в виде обруча, а в руках — свиток с начальными словами великопостного тропаря «Кресту твоему поклоняемся, Владыко». Задача воссоздания в Москве скульптуры разрушенного в 1931 году подлинного храма Христа Спасителя (построенного по проекту архитектора К. Тона и освящённого 26 мая 1883 года) облегчалась тем, что имелись фотографии этого произведения, изваянного в протопоповском мраморе скульптором Н. А. Рамазановым в 1849–1850 годах¹⁷⁵. Камень, использованный для изготовления скульптурного декора

¹⁷⁴ Подлинник фотографии (13x18 см) хранится в НА ИИМК РАН. Инв. О.987.4.

¹⁷⁵ Храм Христа Спасителя. М., 1996. С. 36–37 (Переиздание в современной орфографии книги М. Мостовского «Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве», М., 1883). См. также: *Кривдина О. А., Тычинин Б. Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2007. С. 544; Николай Александрович Рамазанов (1817–1867) // *Доронина Л. Н.* Мастера русской скульптуры XVIII–XX веков. М., 2008. С. 293.

Мраморный дворец.
Белый двор. Общий вид пристройки к апартаментам великого князя Константина Константиновича.
Фото Ю. В. Трубинова. 2013.

Мраморный дворец. Белый двор. Фото ГАИМК к сметной документации на ремонт фасадов. 1934. НА ИИМК РАН.

Москва. Храм Христа Спасителя.
Архитектор К. Тон. Освящение — 1883.
Открытие нач. XX в.

Москва. Храм Христа Спасителя.
Воссоздан в 1994–2000.
Фрагмент: Святой царь Константин.
Скульпторы Д. Н. Тугаринов
и А. В. Тарасенко. 1998. Горельеф. Бронза.
Фото П. Ю. Трубинова. 2014.

на фасадах храма Христа Спасителя, оказался недостаточно прочным, и горельефы уже к началу XX века стали быстро выветриваться и ветшать. Поэтому при современном воссоздании горельефов было принято решение отлить их в бронзе.

Задача воссоздания живописного образа святого Константина в нашем случае осложняется тем, что предметы с его изображением в самом Мраморном дворце (иконы, картины) практически исчезли после национализации дворца, закрытия и по существу разграбления домово́й церкви.

Так, в 1920-е годы последовали акты осмотров и изъятия находившихся в ней ценностей. В одном из них указана картина в раме «**Видение Константина**», изображавшая сон Константина накануне решающей битвы с соперником Максенцием, во время которого ему явился ангел, предсказавший победу. Картина не вошла в число предметов художественно-исторического значения, отобранных для Государственного музейного фонда¹⁷⁶. Местонахождение этой картины нами не установлено.

Икона 1862 года «Св. царь **Константин**, святитель Спиридоний и мученик Юлиан Тарсийский» даже не попала в инвентарные списки. Она бесследно исчезла, равно как и все иконостасные образа домово́й церкви, где также имелись лики св. Константина.

В числе предметов, которые «не могут быть обращены в слитки, как предметы высоко художественного значения», в актах отмечена «**Икона Константина и Симеона 1796 года**»¹⁷⁷. 23 июля 1925 года эта икона в числе других 480 предметов была вывезена «из церкви Мраморного Дворца в склад Государственного Музейного Фонда Научным Сотрудником ЛОГ (Ленинградское отделение Главнауки.— *Ю.Т.*) Марком Мошковым». Впоследствии она была передана из Музейного фонда в Русский музей¹⁷⁸. Эта небольшая икона (34×26,5 см), именуемая «Царь Константин и мученик Симеон», подписана диаконом М. Уткиным и датирована 17 января 1796 г. Она представляет собою многофигурную компо-

¹⁷⁶ Архив ГЭ. Ф. IV (Гос. Музейный фонд). Оп. 1. Д. 1063. Л. 4.

¹⁷⁷ Там же. Л. 2.

¹⁷⁸ Там же. Л. 8, 9 об. Икона «Царь Константин и мученик Симеон» (инв. ДРЖ Б-1693), наряду с шестнадцатью другими иконами из домово́й церкви Мраморного дворца, поступивших в Русский музей, указана в приложении к ст.: *Ливоварова Н. В.* Отделение церковного имущества Государственного музейного фонда и поступление памятников христианского искусства в Русский музей в 1920-е годы // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века / ГРМ. СПб., 2007. Вып. IV. Приложение. С. 46. Благодарю хранителя ОДРИ ГРМ И. В. Сосновцеву, позволившую ознакомиться с данной иконой и оказавшую неоценимую помощь при её анализе.

зицию, где парящий в облаках в окружении херувимов Иисус Христос осеняет крестным знаменем святого царя Константина и священномученика Симеона. Последние изображены в рост, в пол-оборота друг к другу.

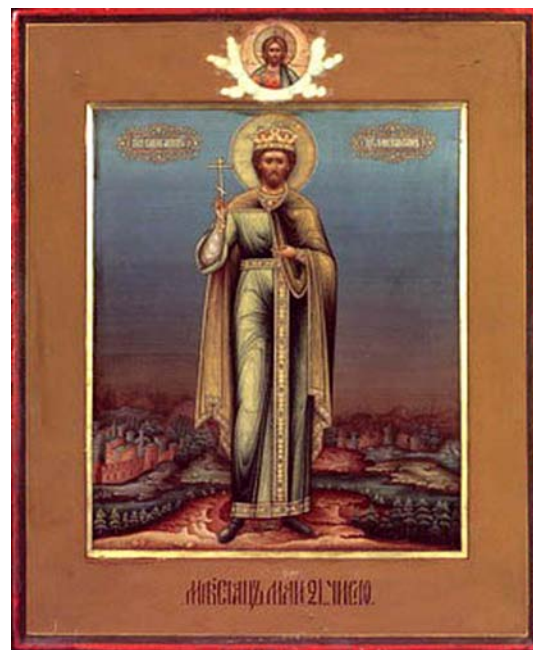
Главная в контексте нашего исследования фигура на этой иконе — царь Константин. Лицо его обрамлено пушистой тёмной бородкой. Взгляд широко открытых глаз направлен вверх головы старца. Опущенная правая рука его немного откинута в сторону, левая прижата к груди. Константин облачён в императорскую парадную мантию из парчи золотного узорчатого шитья.

Широкий воротник византийского покрова, широкая полоса, идущая от воротника к подолу, и такая же, окаймляющая подол, аналогичные обшлага длинных широких рукавов расшиты геометрическим орнаментом, ромбовидные узоры которого унизаны бирюзой, жемчугом, рубинами, другими драгоценными камнями. На груди — тяжёлый золотой крест на цепи. Обут Константин в мягкие сафьяновые сапоги. На голове его традиционная золотая императорская корона из двух полусфер, украшенная жемчугом и драгоценными камнями (красочный слой короны утрачен примерно на 80% до левкаса). Слева от Константина изображён угол стола, покрытого скатертью красного бархата. На столе — символы власти Константина: золотая держава и скипетр. К столу прислонено зелёного цвета знамя, на фоне складок которого сияет крест, составленный из золотых восьмилучевых звёздочек. По кромке знамени золотом же начертано: «Симь побеждай». Высота фигуры св. царя Константина всего 20 см, то есть изображение почти миниатюрное.

Царь Константин и мученик Симеон.
Диакон М. Уткин. 1796.
Фрагмент: Св. царь Константин.

Заслуживает упоминания также небольшая минейная икона (31×25,5 см) «Св. равноапостольный царь Константин», которая была написана в 1894 году московским иконописцем М. И. Дикарёвым для Мраморного дворца. Она хранится ныне в фондах ГМИР¹⁷⁹ и представляет собой святого Константина в рост, держащего в правой руке небольшой православный крест как условный символ христианства. Почти миниатюрное изображение Константина (высота фигуры — 20 см) — не что иное, как трафаретный лик среднестатистического бородатого святого в условном одеянии «Св. равноапостольный царь Константин» с условной короной на голове.

«Св. равноапостольный царь Константин».
М. И. Дикарёв. Дерево, левкас, темпера.
1894. ГМИР.

Следовательно, изображение святого на данной иконе, как и на выше упомянутой, может быть использовано лишь в качестве второстепенного образца для возможного воссоздания на фасадной стене апсидальной пристройки в Белом дворе Мраморного дворца утраченной фигуры святого равноапостольного царя Константина в натуральный человеческий рост.

4. Иконы Святого Константина в музеях и храмах Петербурга

Учитывая это обстоятельство, нами был предпринят целенаправленный поиск изображений святого Константина в русской религиозной живописи XIX века, предпочтительно, середины — второй половины столетия, желательно стилистически близких тем иконам, которые создавались для домовой церкви и других интерьеров Мраморного дворца, вплоть до фасадной иконы 1880-х годов. О стилистике собственно иконописных произведений для Мраморного дворца этого хронологического диапазона говорить не приходится, поскольку они не сохранились, но известны другие творения художников, привлекавшихся, например, тем же А. П. Брюлловым для создания икон домовой церкви (напом-

¹⁷⁹ ГМИР, Б-5137-IV. Приношу искреннюю благодарность хранителю фонда живописи ГМИР О. А. Коробко за возможность ознакомиться с иконой «Св. равноапостольный царь Константин». Икона включена в каталог при ст.: *Басова М. В.* Минейные и праздничные иконы М. И. Дикарёва и И. С. Чирикова из домовой церкви Мраморного дворца в Санкт-Петербурге: создание, бытование, судьба // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2001. Вып. I. С. 67. № 21 (воспроизведение отсутствует).

ним их имена: Т.К.Нефф, Ф.А.Бруни, К.Дузи, П.М.Шамшин, М.И.Скотти, Ф.П.Брюлло). Идеальным было бы найти лик святого Константина в исполнении художников, имевших отношение к Мраморному дворцу.

Как выяснилось, в фондах музеев и в храмах Петербурга имеются живописные изображения святого царя Константина, позволяющие сделать необходимый выбор.

Так, например, в фондах Русского музея хранятся две картины большого формата, созданные для иконостаса Казанского собора. Одна из них — «**Образ св. царя Константина**» — написана художником В.К.Сазоновым¹⁸⁰. Большое полотно было исполнено художником в 1836 году. К сожалению, художник В.К.Сазонов никогда не привлекался к работам в Мраморном дворце, и произведение для иконостаса Казанского собора было написано им задолго до создания икон новой домово́й церкви Мраморного дворца. К тому же, по своим габаритам (169×85 см) икона Сазонова не вписывается в нишу фасада пристройки Мраморного дворца (225×85 см). Будучи равной по ширине, она по высоте короче ниши на целых 56 см! Кроме того, сам образ святого Константина представляется слишком пафосным. Он изображён в полный рост, в облачении античного полководца, с зубчатой короной на голове. Держа перед собой православный крест, царь Константин воздел очи горе, созерцая в небе призрачный крест, явившийся ему во сне накануне битвы с Максенцием. Курчавые волосы, короткая борода и аккуратно постриженные усы украшают напряжённо-экстатическое лицо святого воина.

«Царь Константин».
Икона для Казанского собора.
В.К.Сазонов. Х., м. 1836. ГРМ.

¹⁸⁰ ГРМ. ЖБ-900. Х., м. 169×85 см. Воспроизведение и описание см.: Русский музей. Живопись. Первая половина XIX века. Каталог (К-Я). Т. 3. СПб., 2007. С. 136. № 405; Казанский кафедральный собор. СПб., 2011. С. 76. Ил. 132.

Другая картина с названием «**Царь Константин**», — работа академика живописи И. А. Тюриня¹⁸¹ — является копией с картины В. Л. Боровиковского. Последний работал над созданием образа святого Константина для иконостаса одного из боковых приделов Казанского собора ещё в 1804 году, когда строительство собора находилось в самом разгаре. Спустя более полувека, при поновлении интерьера собора в 1860-е годы, Тюрину была заказана копия с несколько обветшавшего оригинала Боровиковского. Картину Тюриня вставили в иконостас, тогда как подлинник переместили на один из пилонов¹⁸². Впоследствии полотно Боровиковского затерялось, а работа Тюриня, исполненная маслом на картоне, после закрытия собора в 1932 году поступила в фонды ГРМ. Святой Константин на этом большом (178 × 92 см) полотне предстаёт в полный рост, в златотканой императорской мантии, расшитой орнаментами из жемчуга и самоцветов и эмблемами одноглавого орла. На голове его — корона в виде драгоценного богато орнаментированного кокошника, увенчанного крестиком с сияющим нимбом. Святой Константин поднял правую руку, указывая троеперстием на виртуально мерцающий в небе латинский крест, состоящий из светящихся звёздочек, между которыми буквы составляют фразу «Симъ побеждай». (Точно такой же крест с аналогичным девизом изобразил и Сазонов на упомянутом полотне «Образ св. царя Константина», исполненном в промежутке между картиной Боровиковского и её копией, созданной Тюриним, что свидетельствует об использовании Сазоновым элементов композиции своего предшественника). Правой рукой Константин придерживает православный настольный крест на бархатной пунцовой подушке. Моложавое лицо его с правильными чертами лица, небольшими усиками и окаймляющей подбородок короткой бородкой, беспристрастно. Композиция полотна построена по канонам парадного портрета. Художник изобразил святого на фоне задрапированной колонны, за которой виден древний Рим с мостом и замком Святого Ангела на берегу Тибра и силуэтом купола святого Петра. Этот пейзаж наводит на размышления. Поскольку подлинник Боровиковского нам неизве-

---

¹⁸¹ ГРМ. ЖБ-819. Картон, масло. 178x91,5 см. Воспроизведение и описание см.: Владимир Лукич Боровиковский. 1757–1825. Религиозная живопись / Авт.-сост. Е. Столбова, А. Максимова. СПб., 2009 (ГРМ / Альманах, вып. 232). С. 15; Казанский кафедральный собор. С. 133. Ил. 161.

¹⁸² Басова М. В. О первоначальном живописном убранстве Казанского собора в Санкт-Петербурге // Русское церковное искусство Нового времени. М., 2004. С. 285.

«Царь Константин».
Икона для Казанского собора.
И. А. Тюрин. Картон, м. 1860-е.
Копия с работы В. Л. Боровиковского
1804. ГРМ.

стен, то нет уверенности, что Тюрин сделал абсолютную копию его полотна. Именно пейзаж заставляет усомниться в аутентичности работы Тюрина, так как вид Рима на его картине является не чем иным, как довольно близкой «цитатой» с картины художника С. Ф. Щедрина 1823(?) года «Новый Рим. Замок Святого Ангела»¹⁸³.

Заметим, что ни Боровиковский, ни Тюрин к работам в Мраморном дворце не привлекались.

---

¹⁸³ Описание и воспроизведение картины С. Ф. Щедрина см.: Живопись. Первая половина XIX века. Каталог (К-Я) / Государственный Русский музей. СПб., 2007. Т. 3. С. 224.

Санкт-Петербург. Петропавловский собор. Архитектор Д. Трезини. 1712–1733.
Интерьер. Южная часть иконостаса с иконой «Царь Константин».
Фото Ю. В. Трубинова. 2014.

Помимо домово́й церкви Мраморного дворца и Казанского собора икона святого царя Константина должна была находиться и в других кафедральных храмах Петербурга, где иконостасы включали иконы святых, соименных членам императорской фамилии. Первенствующим кафедральным собором в столице являлся Петропавловский собор. В нём, действительно, до сих пор над южными дверьми главного иконостаса располагается исполненная Андреем Меркурьевым «со товарищи» большая (167 × 63 см) икона «Царь Константин» в рост, в фигурной раме полуциркульной как вверху, так и внизу. Святой изображён в парсунной стилистике первой половины XVIII века, в золочёной узорчатой из алтабаса царской мантии с широкими длинными рукавами, расшитой жемчугом и расширяющейся книзу наподобие колокола. Лицо его украшено пышными усами и окладистой бородой; на голове — высокая шароо-

бразная золочёная корона, усыпанная жемчугом, бриллиантами и самоцветами, напоминающая австрийскую Священно-Римскую корону¹⁸⁴; в руках — царские регалии: правая держит скипетр, необычно заканчивающийся не орлом, а крестом, в левой покоится держава; на груди висит равносторонний греческий крест на золотой цепи. Нимб вокруг головы с короной представляет собой тонкую золотую нить, очерчивающую правильную окружность. Фигура святого изображена на фоне южного пейзажа: по синему небу плывут облака, вдали слева зеленеют кипарисы и пирамидальные тополя, справа некое барочное строение под двускатной крышей с фигурным фронтоном. Это полотно оказалось в иконостасе собора в 1729 году, то есть задолго до того, как в родословном древе царей Романовых впервые появилось имя «Константин». Здесь святой Константин помещён как первый христианский император, установивший традицию строительства храмов в качестве царских усыпальниц, возведя в IV веке в своей новой столице Константинополе церковь Святых Апостолов с намерением превратить её в усыпальницу всей династии. В 1859 году Петропавловский собор оказался зачисленным по придворному ведомству, уступив титул первенствующего Исаакиевскому собору.

«Царь Константин».
 А. Меркурьев «со товарищи».
 Х., м. 1728–1729.
 Петропавловский собор. Санкт-Петербург.
 Фото Ю. В. Трубинова. 2014.

¹⁸⁴ См., например, таблицу «Короны» (№ 14) при статье П. фон-Винклера в: Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1895. Т. XVI. С. 317–320.

Как выясняется, в Исаакиевском соборе также имеются два крупных изображения святого равноапостольного царя Константина. Одно из них представляет собой живописное прямоугольное полотно с полуциркульным завершением, другое — мозаичное произведение, прямоугольное, в пропорциях полутора квадратов.

Живописный лик «**Св. царь Константин**» в рост вмонтирован в створку южных дверей иконостаса придела святой Екатерины. Исполнителем его является итальянский художник Козрое Дузи. Он создал большую полуциркульную икону в августе 1854 года. Всего лишь за 5 лет до этого им написано было десять икон для домового церкви Мраморного дворца, семь из которых в виде тондо диаметром всего 5 верш. (22,3 см) предназначались для праздничного ряда, а три большие прямоугольные иконы размером 1 арш. 9 верш. × 1 арш. (111,2 × 71,1 см), заняли место в местном ряду. Вот среди них-то и находилась икона под названием «Царь Константин и Царица Елена». Ни одной иконы, исполненной Дузи для иконостаса домового церкви Мраморного дворца, не сохранилось, поэтому судить об их композиционных и колористических особенностях не представляется возможным.

В Исаакиевском же соборе Дузи написал вторую икону, парную к первой и равновеликую ей, — образ «Св. царицы Елены», установленный в створке северных дверей придела святой Екатерины. Характеристику обеих икон приводит Г. А. Хвостова в публикации о Козрое Дузи: *«Изображения Елены и Константина характерны своей декоративностью. С великолепным ощущением фактуры материалов написаны аксессуары, золотая узорчатая парча, шитая жемчугом, драгоценные головные уборы, мерцающие цветными камнями, роскошная оторочка краёв одеяний. Художник по-венециански любит богатством и изысканностью вещественного мира»*¹⁸⁵.

---

¹⁸⁵ Хвостова Г. А. К вопросу об участии итальянских художников в создании живописи Исаакиевского собора. Козрое Дузи // Кафедра / ГМП «Исаакиевский собор» / Сост. А. В. Квятковский, Е. К. Чернышева. СПб., 2013. С. 278.

«Св. царь Константин».
Художник К. Дузи. Х., м. 1854.
Исаакиевский собор.
Иконостас Екатерининского придела.
Икона южных дверей.
Санкт-Петербург.
Фото Ю. В. Трубинова. 2014.

«Св. царица Елена».
Художник К. Дузи. Х., м. 1854.
Исаакиевский собор.
Иконостас Екатерининского придела.
Икона северных дверей.
Санкт-Петербург.
Фото Ю. В. Трубинова. 2013.

Обратимся теперь к другой, интересующей нас, иконе Исаакиевского собора — мозаичному образу «**Святой царь Константин и святая мать его Елена**», где персонажи также изображены в полный рост. Она находится во втором ярусе главного иконостаса Исаакиевского собора (справа от южных врат, ведущих в придел святой Екатерины), посвящённом святым покровителям великих князей и княгинь Дома Романовых.

Здесь необходимо сразу же сделать источниковедческое отступление. Дело в том, что вся печатная литература об Исаакиевском соборе, вплоть до 2015 года, единодушно утверждала, будто оригиналом для перевода рассматриваемой иконы в существующее ныне мозаичное произведение послужила работа Фёдора Брюлло¹⁸⁶. Разумеется, и автор настоящего исследования придерживался этой версии в опубликованной работе «Святой Константин — небесный покровитель владельцев Мраморного дворца»¹⁸⁷. Но стоило обратиться к архивным документам, как традиционная версия рассыпалась в пух и прах. Новое прочтение истории перевода живописных икон второго яруса главного иконостаса в мозаику предложил в своём тщательном исследовании О. А. Любезников¹⁸⁸. Следуя его изысканиям, историю появления интересующего нас мозаичного произведения можно представить в кратком изложении следующим образом.

В декабре 1843 года архитектор Огюст Монферран привлекает Фёдора Брюлло, к написанию иконостасных образов как имевшего «надлежащий талант для хорошего исполнения сей работы». Ф. Брюлло выполнил эскизы восьми заказанных ему изображений, в том числе, упомянутой иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена». Утверждённый Николаем I эскиз Фёдора Брюлло воплощён им в икону, занявшую место в иконостасе Исаакиевского собора.

Следующий император Александр II в сентябре 1858 года принимает решение о переводе в мозаику живописных икон. Лишь через два года, в 1860, икона «Святой царь Константин и святая мать его Елена» в числе остальных восьми

---

¹⁸⁶ См., например: *Колотов М. Г.* Исаакиевский собор. Л.; М., 1964. С. 72; *Якирина Т. В., Карпович И. Д.* Исаакиевский собор. Л., 1972. С. 76; *Бутиков Г. П.* Музей «Исаакиевский собор». Л., 1990. С. 204; *Главный иконостас Исаакиевского собора.* СПб., 2008. С. 23–24, 28–30.

¹⁸⁷ Константиновские чтения — 2015: Константиновичи — семья, традиции, деятельность на благо России. Сб. материалов научной конференции / Гос. комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2015. С. 177–207.

¹⁸⁸ *Любезников О. А.* Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма (по новым архивным данным). СПб., 2015. С. 38–58.

Санкт-Петербург. Исаакиевский собор.
Интерьер. Главный иконостас. Фрагмент.
Фото Ю. В. Трубинова. 2013.

«Святой царь Константин
и святая мать его Елена». Икона.
Мозаичный набор Ф. Гартунга и М. Муравьёва
по живописному оригиналу А. Е. Бейдемана.
1858. Перевод в мозаику 1868–1869.
Санкт-Петербург. Исаакиевский собор.
Главный иконостас, второй ярус.

передаётся в «Мозаическое заведение Академии художеств», а её место в иконостасе занимает точная копия, исполненная иконописцем А. Н. Волковым.

Однако в 1861 году Александр II, присмотревшись внимательно к поступившим в Мозаическое заведение оригиналам икон, нашёл, что они исполнены «слишком слабо и небрежно для того, чтобы их существование увековечить мозаикою» и высказал пожелание сделать с оригиналов «копии с изменениями и исправлениями недостатков»¹⁸⁹. Это касалось и иконы Ф. Брюлло «Святой царь Константин и святая мать его Елена». С неё предлагалось снять новую копию, но видоизменённую. Это значило, что другой художник должен был создать подходящий вариант иконы для перевода в мозаику.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 502. Оп.1. Д. 892. Об исполнении образов из мозаики. Л. 72–72 об.

В мае 1861 года для исполнения «икон Исаакиевского собора для мозаики приглашён академик Бейдеман, который составил для этого назначения четыре эскиза»¹⁹⁰. Среди них первым назван эскиз иконы «Святой Константин и святая мать его Елена», удостоившийся утверждения великой княгини Марии Николаевны, занимавшей в то время пост Президента Академии художеств. Академик живописи Александр Егорович Бейдеман не стал копировать подлинник Фёдора Брюлло, а исполнил собственный вариант иконы для мозаичного набора.

В течение 1865–1868 годов мозаичисты Ф. Гартунг и М. Муравьёв набирали из смальты иконы по живописным оригиналам А. Е. Бейдемана, в числе которых был и образ «Святого царя Константина и святой матери его Елены». Наконец, в 1869 году готовые мозаичные образа смонтировали во втором ярусе главного иконостаса, где они и находятся по сей день. До этого момента живописный оригинал иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена» работы Брюлло и его точная копия, снятая Волковым, украшали иконостас более четверти века, то есть с 1843 по 1869 год. Копия Волкова бесследно исчезла, но и об оригинале Фёдора Брюлло до недавнего времени ничего не было известно. Предпринявший поиски его местонахождения О. А. Любезников обнаружил в Вильнюсском православном храме Успения Пречистой Богородицы икону «Святых Константина и Елены», подписанную Ф. Брюлло. Согласно буклету храма, эта икона считается привезённой из Санкт-Петербургского Исаакиевского собора. О. А. Любезников, усомнившись в истинности текста буклета, не приводит, к сожалению, размеров вильнюсской иконы. Изображение её, воспроизведённое в исследовании автора¹⁹¹, имеет мало общего с композицией исаакиевской мозаичной иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена», что является лишним подтверждением самостоятельного творчества художника Бейдемана в исполнении оригинала иконы. Последний, по предположению Любезникова, мог погибнуть в стенах Академии художеств при её реорганизации в 1920-е годы.

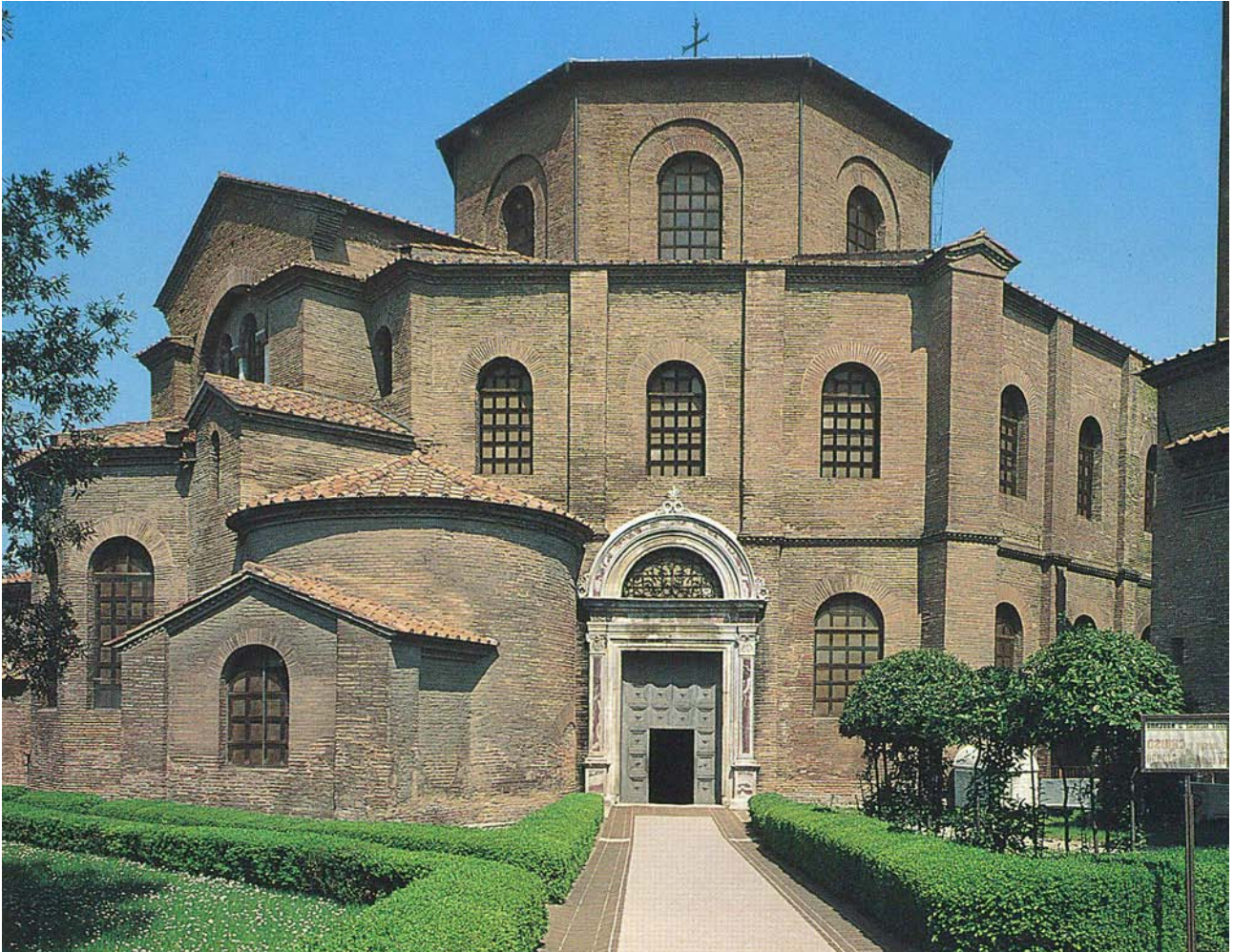
Яркие краски мозаики иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена», надо полагать, адекватно воспроизводят богатую цветовую гамму не сохранившегося живописного произведения Бейдемана. На нейтральном золотом фоне, символизирующем вневременный божественный свет, контрастно выделяются фигуры святых, облачённых в богатые наряды византийского покроя, что обнаруживает знакомство художника с такими произведениями монументального искусства, как, например, мозаики и росписи храмов Равенны V–VI веков, в частности, с базиликой

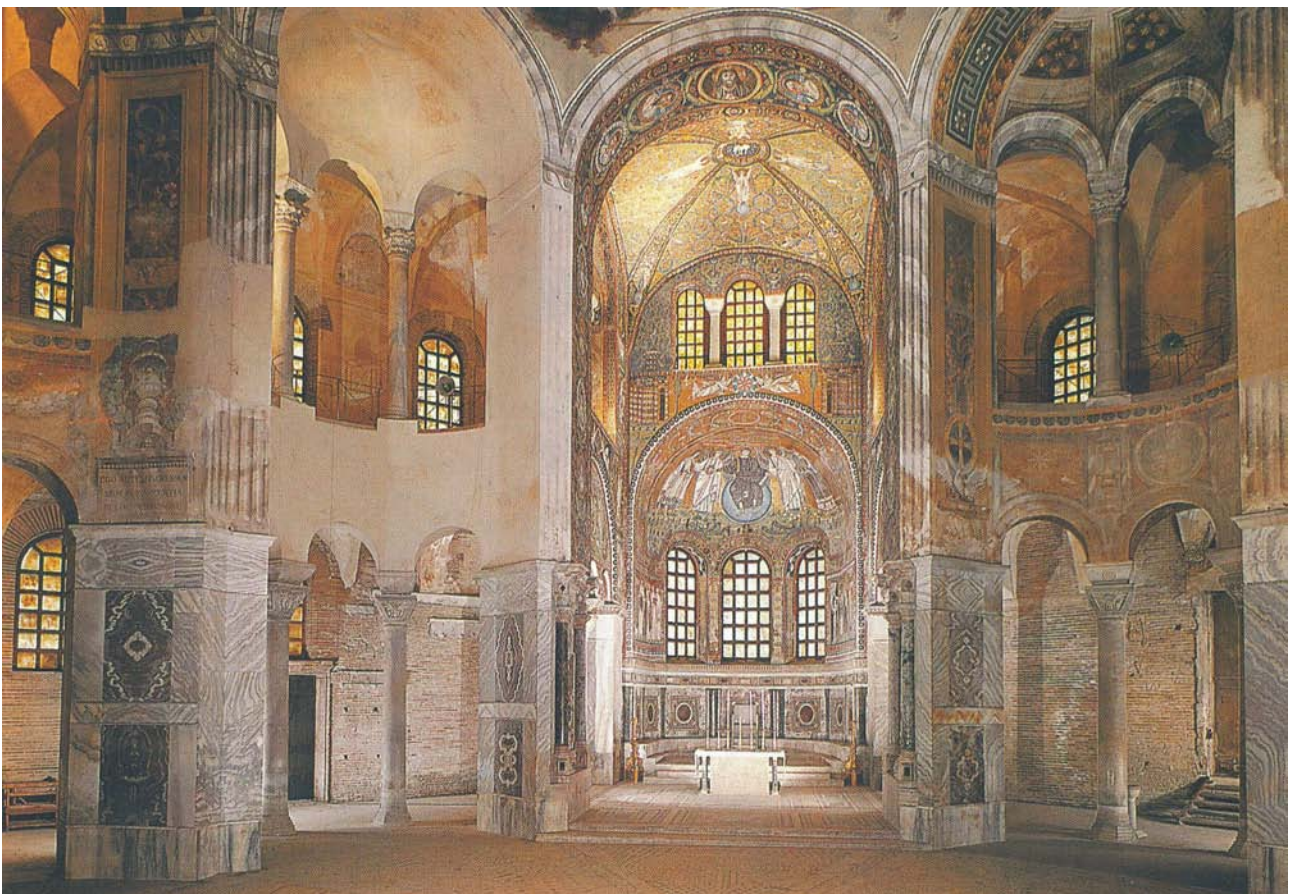
¹⁹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 21. 1861 г. Д. 10. О изготовлении мозаичных образов для Севастопольского храма и Исаакиевского собора и о положении художников и других лиц. Л. 6.

¹⁹¹ Любезников О. А. Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма. Рис. 6-А.

Равенна (Италия). Церковь Сан Витале. Ок. 532–538. Общий вид и интерьер.

Император Юстиниан со свитой. Мозаика. Церковь Сан-Витале. Равенна.

То же. Фрагмент — портрет Юстиниана.

Копия мозаики, демонстрировавшаяся на выставке «Коллекция копий древних мозаик Равенны» в Мраморном дворце в 2008 году.

Фото Ю. В. Трубинова. 2008.

Сан-Витале, где изображены император Юстиниан со свитой и императрица Теодора в окружении приближённых в роскошных дорогих одеждах.

На нашей иконе главы царя Константина и царицы Елены венчают золотые короны в виде широкого обруча, украшенного драгоценными камнями. Корону Константина охватывают по бокам листья дуба и лавра. Согнутой в локте левой рукой он прижимает к груди меч — символ власти, правосудия и разума, а правой прочно держит древко лабарума с христограммой Иисуса Христа как знак торжества христиан-

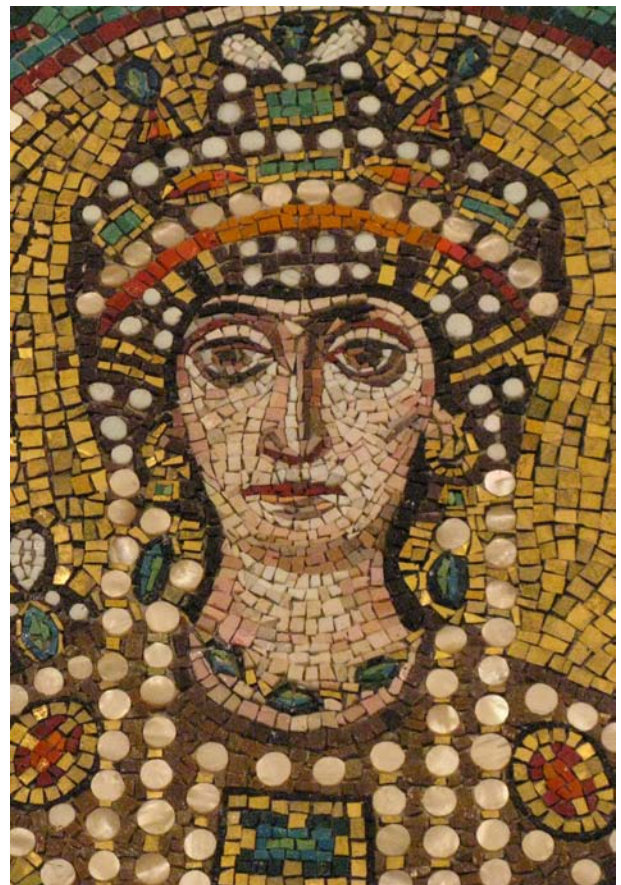

Императрица Феодора со свитой. Церковь Сан-Витале. Равенна. Копия мозаики, демонстрировавшейся на выставке «Коллекция копий древних мозаик Равенны» в Мраморном дворце в 2008 году. Фото Ю. В. Трубинова. 2008.

То же. Фрагмент — портрет Феодоры.

ства над язычеством. Царский шеврон и фибула скрепляют на его правом плече свисающую на груди поверх туники тяжёлыми складками тогу, украшенную ткаными пурпурными орнаментами и эмблемами одноглавого орла. Бесстрастное лицо Константина с правильными чертами, окаймляющей подбородок короткой бородкой и изящными усиками прямо обращено к зрителю. По своему типу лик его на мозаике весьма близок к трактовке Сазонова. В целом фигура святого Константина (как, впрочем, и Елены) статична и умиротворённа.

5. Икона Святого Константина как знак памяти владельцев Мраморного дворца

Анализ всех выявленных изображений святого Константина с целью поиска аналога для воссоздания фасадной иконы в Мраморном дворце позволяет сделать выбор в пользу живописи и мозаики Исаакиевского собора. Этот выбор продиктован тем, что обе фигуры святого Константина на данных иконах по своим размерам не противоречат габаритам ниши на пристройке дворового фасада Мраморного дворца. Они могли бы равноправно быть использованы в качестве образца для воссоздания утраченной иконы.

И всё-таки из этих двух икон наше предпочтение склоняется в сторону мозаичного произведения. Фигура святого царя Константина, выделенная из парной композиции иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена», идеально вписывается в узкое и высокое, в пропорциях почти трёх квадратов,

Слева: «Святой царь Константин и святая мать его Елена».
Фрагмент — фигура св. Константина. Исаакиевский собор.

В центре: Мраморный дворец. «Святой царь Константин». Проекция фигуры Константина с иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена» из Исаакиевского собора на нишу фасада пристройки во дворе Мраморного дворца. Коллаж П. Ю. Трубинова. 2013.

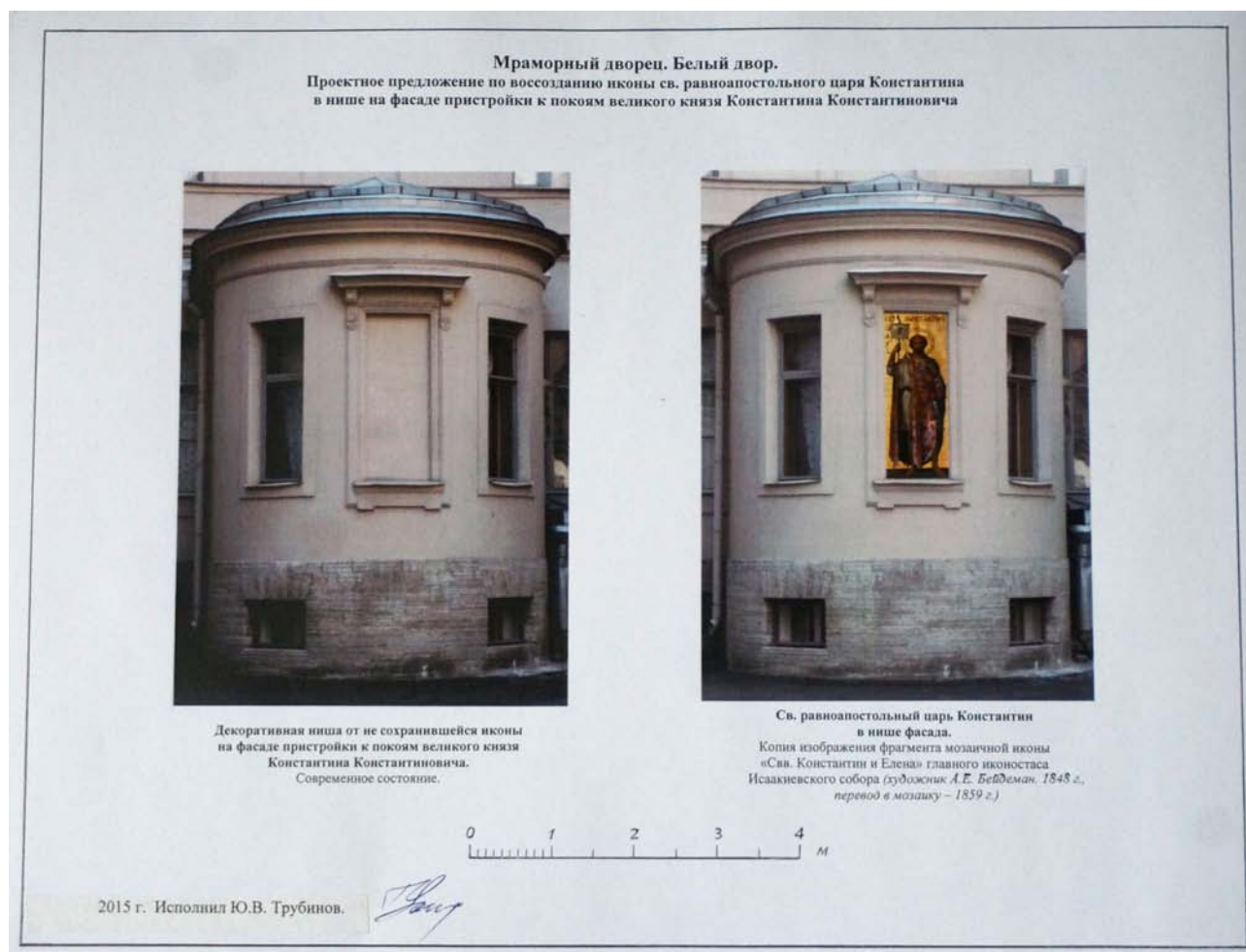
Справа: то же. Общий вид пристройки к апартаментам великого князя Константина Константиновича с проекцией фигуры Константина с иконы «Святой царь Константин и святая мать его Елена».

прямоугольное поле ниши на фасаде апсидальной пристройки. Святой равноапостольный царь Константин, глядя прямо перед собой, непосредственно привлекает к себе внимание зрителя, будучи к тому же размещённым на инфермальном золотом фоне, свободном от каких-либо отвлекающих элементов (узоры, пейзаж). В композицию его фигуры художник компактно, органично и соразмерно включил атрибуты царской и полководческой власти (корона и меч), а также символ христианского торжества — лабарум с христоматомой, что, несомненно, вполне могло соответствовать душевному складу, подлинной религиозности и высокому статусу последнего хозяина дворца, великого князя Константина Константиновича.

По нашему убеждению, воссоздание иконы святого Константина на фасаде пристройки к апартаментам К.Р. в Белом дворе Мраморного дворца в соответствии с предлагаемым нами проектом явилось бы зримым символом заверша-

Мраморный дворец. Проектное предложение по воссозданию иконы св. равноапостольного царя Константина на фасаде пристройки к апартаментам великого князя Константина Константиновича. Составил Ю. В. Трубинов. 2015.

Мраморный дворец.
Аттик южного фасада. Вензель Г. Орлова.
Воссоздание по проекту А. Е. Ухналёва.
Фото Ю. В. Трубинова. 2006.

Мраморный дворец.
Аттик северного фасада. Герб Г. Орлова.
Воссоздание по проекту А. Е. Ухналёва.
Фото Ю. В. Трубинова. 2007.

ющей истории владения дворцом достойных представителей императорской фамилии на протяжении всего XIX столетия, носивших феноменальное имя **КОНСТАНТИН**, равно как недавно воссозданные в рельефе на аттиках фасадов дворца герб и монограмма Орлова напоминают о начальной истории дворца и его несостоявшемся владельце, в девизе которого начертано сакраментальное слово **CONSTANTIA**.

То же. Деталь девиза: «CONSTANTIA». Фото Ю. В. Трубинова. 2008.

Архивные источники

- Архив ГЭ. Ф. IV (Гос. Музейный фонд). Оп. 1. Д. 1063. Л. 2, 4, 8, 9 об. Об изъятии церковных ценностей из Мраморного дворца. 1925 г.
- ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 339. Л. 31–35 об. Духовное завещание великого князя Константина Константиновича. 1912 г.
- ГМИР, Б-5137-IV. «Св. равноапостольный царь Константин». М. И. Дикарёв. Дерево, темпера. 31×25,5 см. 1894 г.
- ГРМ. ДРЖ Б-1693. «Царь Константин и мученик Симеон». М. Уткин. Дерево, темпера. 34×26,5 см. 1796 г.
- ГРМ. ЖБ-900. «Образ св. царя Константина». В. К. Сазонов. Х., м. 169×85 см. 1836 г.
- ГРМ. ЖБ-819. «Царь Константин». И. А. Тюрин. Картон, м. 178х91,5 см. 1860-е гг. Копия с картины В. Л. Боровиковского 1804 г.
- НА ИИМК РАН. Инв. О.987.4. Фотография Белого двора Мраморного дворца. 13х18 см. 1934 г.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 445. Л. 1–2 об., 13 об. «Список образам для церкви Мраморного дворца». 1848 г.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 109. Л. 1. Духовное завещание великого князя Константина Николаевича. 1888 г.
- РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–14 об. «Церемониал погребения Его Величества Короля Польского Станислава»
- РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 203. Л. 21–27 об. «Журнал о кончине и погребении Его Величества Короля Польского Станислава»
- РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 1. Д. 892. Об исполнении образов из мозаики. Л. 45 об., 46, 72–72 об. 1861 г.
- РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45 (1832 г.). Л. 1. Копия. Указ Николая I о пожаловании Мраморного дворца великому князю Константину Николаевичу. 6 марта 1832 г.
- РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 495 (1849 г.). Л. 22–22 об. Копия. Указ Николая I о пожаловании в дар Мраморного дворца великому князю Константину Николаевичу. 20 декабря 1849 г.
- РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2354 (1851 г.). Л. 329. «Об освящении церкви во имя Святого Царя Константина в Стрельнинском дворце»
- РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284 (1785 г.). Л. 1–99. «Описание Мраморного дома покоям в их уборах и вещам, так же и службам с приложением планов»
- РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 21. Д. 10. Л. 6. Об изготовлении мозаичных образов для Севастопольского храма и Исаакиевского собора и о положении художников и других лиц. 1861 г.

Библиография

- 1857–1861: Переписка Императора Александра II с великим кн. Константином Николаевичем. Дневник вел. кн. Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 164, 196, 207, 232, 240, 248, 308
- Аксёнова Г.* Русский стиль: Гений Фёдора Солнцева. М., 2009
- Александр Михайлович, вел. кн.* Воспоминания в двух книгах. М., 2015. С. 138
- Алексеева Т. А.* Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна Константина и Игоря Константиновичей // Константиновские чтения — 2008. Сборник материалов научной конференции. СПб., 2008. С. 67–90
- Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог / Авт. вступ. ст. и сост. О. Я. Неверов. Л., 1988. С. 138–139
- Антонов В. В.* Петербург неизвестный, забытый, знакомый. М., 2007. С. 67
- Барсуков А. П.* Жизнеописание князя Григория Григорьевича Орлова // Русский архив. Кн. I. М., 1873
- Басова М. В.* Минейные и праздничные иконы М. И. Дикарёва и И. С. Чирикова из домово́й церкви Мраморного дворца в Санкт-Петербурге: создание, бытование, судьба // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2001. Вып. I. С. 67. № 21
- Басова М. В.* О первоначальном живописном убранстве Казанского собора в Санкт-Петербурге // Русское церковное искусство Нового времени. М., 2004. С. 285
- Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004
- Баторевич Н. И., Кожыцева Т. Д.* Античность в архитектуре Петербурга. СПб., 2014. С. 312
- Богданов В. И., Малова Т. И.* Первый кадетский корпус: мраморная плита с метками роста Петра I, великих князей, короля Швеции и высот наводнений Невы 1776, 1824 гг. // Труды ГЭ / Государственный Эрмитаж. [Т.] XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 47
- Брокгауз Ф. А.* Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М., 2012. С. 350
- Брюсова В. Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006. С. 40
- Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Автор предисловия, комментариев и составитель Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 831–835
- Буркхард Я.* Век Константина Великого. М., 2003
- Бурнашев В. П.* Петербургские записки. Кабинет редкостей знаменитого Орловского // Северная пчела. 1831. № 7–9
- Буровский А. М.* Царьград. 1000 лет величия. М., 2013. С. 5, 39
- Бутиков Г. П.* Музей «Исаакиевский собор». Л., 1990. С. 204
- Великий князь Константин Николаевич. Дневник 1862 года // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 229
- Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году. М., 2009

- Величко А. М.* История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М., 2012
- Винклер, фон П.* Короны // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1895. Т. XVI. С. 317–320, № 14
- Висковатов А.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 65
- Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 151
- Владимир Лукич Боровиковский. 1757–1825. Религиозная живопись / Авт.-сост. Е. Столбова, А. Максимова. СПб., 2009 (ГРМ / Альманах, вып. 232). С. 15
- Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце. М., 2007. С. 160, 267–268
- Георги И. Г.* Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. 1794–1796. СПб., 1996. С. 83
- Герасимов В. В.* «Польский» след в истории Стрельнинского (Константиновского) дворца // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 119
- Главный иконостас Исаакиевского собора. СПб., 2008. С. 23–24, 28–30
- Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 25–26
- Головнин А. В.* Записки для немногих. СПб., 2004. С. 39, 118
- Голомбиевский А. А.* Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904. С. 4
- Горяинов С.* Художественные впечатления короля Станислава-Августа о своём пребывании в С.-Петербурге в 1797 году. // Старые годы. 1908. Октябрь. С. 608
- Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 124–125
- Гришин Д. Б.* Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008. С. 402
- Грот Я. К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1879. С. 283
- Гузанов А. Н.* Рождение и крещение первенца в семье великого князя Константина Константиновича // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: Сборник статей. СПб., 2009. С. 86–101
- Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915 / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталёв. М., 2013. С. 10, 445
- Долбнин В. Г.* История Стрельны. СПб., 2007. С. 260
- Евсевий Кесарийский.* Похвала Константину. Жизнь Константина. М., 1996
- Евсевий Кесарийский.* Церковная история. СПб., 2013
- Жданов Э. Г.* Туркестанский Бенуа // Леонтий Бенуа и его время. СПб., 2008. С. 344–347
- Живопись. Первая половина XIX века. Каталог (К-Я) / Государственный Русский музей. СПб., 2007. Т. 3. С. 224
- Жизнь Его Императорского Высочества, Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича. М., 1831. Ч. 1. С. 26
- Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992. С. 243
- Завьялова Л., Орлов К.* великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009. С. 151–159

- Загадка К. Р.: Из дневников великого князя К. К. Романова. С. 173
- Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. М., 2002. С. 33
- Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 709, 720
- Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 711–712
- Зимин И.* Царская работа. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2013. С. 578. Прим. 185
- Знаменитые россияне XVIII — XIX веков: Биографии и портреты. СПб., 1995. С. 54, 441
- Игуменья Тамара.* К столетию рождения поэта К. Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К. Р. / Под редакцией А. А. Геринга. Париж: Издание Совета общекадетских объединений за рубежом, 1962. С. 52
- Интимный дневник шевалье де Керберона, французского дипломата при дворе Екатерины II // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 127, 128
- Искусство и история: Рим и Ватикан. Флоренция, б. г. [1990-е]. С. 52–53
- Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 47, 49
- История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 2. С. 39: Описание герба Орловых
- Казанский кафедральный собор. СПб., 2011. С. 76. Ил. 132, 133, 161
- Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.; М. 1961. С. 120
- Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // *Карнович Е. П.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1995. С. 384, 416–417, 420–421, 438–439, 477
- Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 33. Ил. 72
- Киркор А. Г.* Петербургские впечатления // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 727
- Клейнмихель М., графиня.* Из потонувшего мира: Искандер // Литературная газета. Приложение «Досье». 1992. № 2. С. 22
- Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). Историческое исследование. СПб., 2001. С. 276, 308
- Колотов М. Г.* Исаакиевский собор. Л.; М., 1964. С. 72
- Константиновские чтения — 2015: Константиновичи — семья, традиции, деятельность на благо России. Сб. материалов научной конференции / Гос. комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2015. С. 177–207
- Константиновский дворец. Стрельна. Альбом / авт. текста В. Герасимов. СПб., 2005. С. 31
- Красюков Р. Г.* Великий князь Николай Константинович (Опыт биографии) // Историческая генеалогия. Вып. 5. 1995. С. 75; *Михаил Греческий, кн.* В семье не без уroda. Биография великого князя Николая Константиновича. М., 2002
- Кравчук А.* Императоры / пер. с польск. Н. В. Селивановой. М., 2012

- Кривдина О. А., Тычинин Б. Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2007. С. 544
- Кубеев М.* Сто великих монархов и правителей. М., 2011. С. 62
- Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. СПб., 1995. С. 32, 47–48, 61, 70
- Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 74. Ил. 135–139
- Любезников О. А.* Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма (по новым архивным данным). СПб., 2015. С. 38–58. Рис. 6-А
- Малер А. М.* Константин Великий. М., 2011
- Мантуров М. В.* Мраморный дворец и его владельцы в 1915–1919 гг. // Константиновские чтения — 2013. Сб. м-лов научной конференции 30 октября 2013 / Стрельна, Гос. комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2013. С. 76. Прим. 3
- Манько А.* Августейший двор под сенью Гименея. М., 2003. С. 394
- Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 67, 109
- Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 184–185
- Мемуары графини А. Потоцкой. Пг., 1915. С. 262
- Мецкерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 73
- Мифологический словарь. М., 1991. С. 542: *Тихе*.
- Михайлов А.* Жизнь под барабан: Военно-учебные заведения Петербурга // Родина, 2003, № 1. С. 75
- Моравский С.* Воспоминания пустынника // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 513
- Мостовской М.* Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883
- Моцардо В.* Великий князь Константин Николаевич Романов. Альбом. Самара, 2004. С. 68, 367
- Наследова Н. И., Юсупов Э. С.* Ссылный великий князь // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сб. статей. СПб., 2006. С. 121–131
- Николаева М. В.* Великий князь Константин Николаевич: воспитание адмирала // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: Сборник статей. СПб., 2009. С. 39
- Николай Александрович Рамазанов (1817–1867) // *Доронина Л. Н.* Мастера русской скульптуры XVIII — XX веков. М., 2008. С. 293
- Новикова О. В.* Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г. Г. Орлов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 24–27
- Новикова О. В.* Орган Мраморного дворца // Дворцы Русского музея. Сборник статей. СПб., 1999. С. 168
- Новости и биржевая газета. 1892. 13 марта. № 72
- Орлов В., протодиакон.* Мраморный дворец. 1785–1885 гг. // Русская старина. 1885. Т. XLVI. № 4–6. С. 443, 445

- Отчёт Императорской Академии Художеств за 1849–1850 академический год. СПб., 1850. С. 20
- Пивоварова Н. В.* Отделение церковного имущества Государственного музейного фонда и поступление памятников христианского искусства в Русский музей в 1920-е годы // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века / ГРМ. СПб., 2007. Вып. IV. Приложение. С. 46
- Полушкин Л. П.* Братья Орловы; Легенда и быль. М., 2003
- Полушкин Л. П.* Братья Орловы. 1762–1820. М., 2007
- Попов И. В.* Новомученик Петроградский великий князь Дмитрий Константинович // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сборник статей. СПб., 2006. С. 170–185
- Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 350, 355
- ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 37. № 28208. О расторжении брака цесаревича и великого князя Константина Павловича с великою княгиней Анной Федоровной. С. 129–130
- ПСЗРИ. СПб., 1886. Собр. 3. Т. VI. № 3851. «Учреждение об Императорской Фамилии». § 22. С. 383
- Пржеславский О. А.* Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 214, 299
- Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 538–539
- Религиозный Петербург / Альманах ГРМ. Вып. 106. / Сост. П. Климов. СПб., 2004. С. 283
- Реляция А. В. Суворова Павлу I о военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии // Суворов А. В. Наука побеждать. М., 2015. С. 293
- РИО. Т. XXIII. С. 497. Письмо Гримму от 18 сентября 1790
- Романов К. К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 95, 146
- Ромола Г.* Римские императоры. Галерея всех правителей Римской империи с 31 года до н. э. до 476 года н. э. М., 2012 и мн. др.
- Русская старина. 1877. № 6. С. 240–241, 244; Т. 19. С. 623, 631
- Русский архив. 1866. № 1. Стлб. 66–67; 1869. № 7. Стб. 1091, 1092
- Русский музей. Живопись. Первая половина XIX века. Каталог (К–Я). Т. 3. СПб., 2007. С. 136. № 405
- Русский музей: отчет за 2008 год / Альманах. Вып. 235. СПб., 2009. С. 9
- Санктпетербургские ведомости. 4 окт. 1762. Прибавление к № 80
- Сапожников С. А.* Потомство вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) от Анны Васильевны Кузнецовой // Историческая генеалогия. Вып. 2. 1993. С. 22–27
- Свирида И. И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. XVIII — середина XIX вв. Очерки. М., 1999. С. 152
- Сиблер М.* Римское искусство. М., 2008. С. 84

- Сидорова А. Н.* «Путешествие в Царьград, Константинополь и Стамбул» великого князя Константина Николаевича в 1845 году // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царскосельской научной конференции: Сборник научных статей: В 2 ч. СПб., 2009. Ч. II. С. 106–125
- Скотт С. Романовы.* Ектб., 1993. С. 208
- Смирнова О. С., Ерёгина Г. Н.* Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: История и современность. Сб. статей / Стрельна. СПб., 2006. С. 196–207
- Смирнова О. С., Ерёгина Г. Н.* Домовая церковь Константиновского дворца // Константиновские чтения — 2015. Константиновичи — семья, традиции, деятельность на благо России. Сб. материалов научной конференции / Стрельна. СПб., 2015. С. 208–215
- Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 235–236
- Таруашвили Л. И.* Рим в 313 году. Художественно-исторический путеводитель по столице древней империи. М., 2010
- Тихомиров Н. А.* Путеводитель по церквам г. С.-Петербурга и ближайших его окрестностей. СПб., 1906. С. 92
- Толмачёв Е. П.* Александр II и его время. М., 1998. Кн. 2. С. 185
- Трубинов Ю. В.* Архитекторы Мраморного дворца. Мистификации и реальность. СПб., 2013. Приложение. С. 254–335
- Трубинов Ю. В.* Два Григория Орлова. Кто из них учился в Кадетском корпусе? // Курьёз в искусстве и искусство курьёза. Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 414–423
- Трубинов Ю. В.* Кадет мнимый и кадет истинный: Был ли Григорий Орлов в Кадетском корпусе? // Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] XXXII. СПб., 2006. С. 230–237
- Трубинов Ю. В.* Описание Мраморного дворца 1785 года как образец сдаточного документа последней трети XVIII века // Страницы истории отечественного искусства. XX. Сб. ст. по м-лам науч. конференции / ГРМ. СПб., 2012. С. 244
- Фартусов В. Д.* Руководство к писанию икон Святых угодников Божиих в порядке дней года. Опыт пособия для иконописцев. М., 1910. С. 87
- Федорченко В.* Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2001. С. 314
- Форсия де Пилес.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника / Сост. и коммент. А. Н. Спащанского. СПб., 2014. С. 51, 56
- Хвостова Г. А.* К вопросу об участии итальянских художников в создании живописи Исаакиевского собора. Козрое Дузи // Кафедра / ГМП «Исаакиевский собор» / Сост. А. В. Квятковский, Е. К. Чернышева. СПб., 2013. С. 278
- Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 300–301

- Храм-памятник. Строен в 1910–1911 гг. Издание Высочайше утвержденного комитета по сооружению храма / Сост. С. Н. Смирнов. Петроград, 1915. С. 9
- Храм Христа Спасителя. М., 1996. С. 36–37
- Цыпин В.* История Европы дохристианской и христианской: pravoslavie.ru/arhiv/44694.htm
- Чанфарини А.* Рим в веках. Рим, 2008. С. 163
- Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 313
- Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1996. С. 304, 360
- Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 157
- Штендер Г. М.* Композиция «Константин и Елена» в Новгородском Софийском соборе и росписи деревянных сооружений домонгольской Руси // Архитектурное наследие и реставрация. Сб. научных трудов. М., 1988. С. С. 189–207
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. М., 1984. С. 80
- Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI. С. 70
- Яворская Н. В.* А. О. Орловский // История русского искусства. М., 1963. Т. XIII. Кн. 1. С. 474
- Якирина Т. В., Карпович И. Д.* Исаакиевский собор. Л., 1972. С. 76
- Ямски П. Я.* Бросил ли Константин Павлович Романов резиденцию в Стрельне в пользу малого дворца Бельведер в Варшаве? // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. М-лы Международной конференции. СПб., 2015. С. 343

Cathedral of Christ the Saviour. М., 2011. Pl. 126

[Fortia de Pilles C.] Voyage de deux francais dans le Nord de l'Europe en Alemagne, Danemarck, Suede, Russie et Pologne, fait en 1790–1792. Paris. 1796

Łazienki warszawskie. Warszawa, 1968

Rahmel M. Trier. Rahmelverlag, [2010]. S. 28

Принятые сокращения

ГЭ Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ГА РФ Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГИМ ОПИ Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва)

ГМИР Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)

ГРМ Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

НА ИИМК РАН Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ПСЗРИ Полное собрание законов Российской империи

РГИА Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РИО Русское историческое общество